

Часть третья ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ РОМАНТИЗМА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ РОМАНТИЗМА	1
ИЛЛЮЗИИ И МЕЧТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	10
ЛИТЕРАТУРА И ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ	17
«КУЛЬТУРА» КАК ОРУДИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗРУШЕНИЯ	20
ПОСЛЕСЛОВИЕ	42
СЛОВО КРИТИКУ И КОММЕНТАРИЙ АВТОРА.	42
Н. ВУЛИЧ	42
БОЧКА МЕДУ И ЛОЖКА ДЕКТЯ	42
ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛЬ	43
КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ	45
КОММЕНТАРИЙ АВТОРА	46
I. ЦЕНА КРИТИКИ И ЛЮБВИ	46
II. СОТВОРЕНИЕ КУМИРА	50

Мы переживаем время, когда век просветительский еще не кончился, а век познания еще не наступил. Утилитаризм господствует во всем, и слова народника Михайловского о том, что «человек шире истины», имеют основание быть применимы и к нашей действительности. Пытаемся разобраться во лжи, не выходя за пределы этой лжи. Как коза, привязанная веревкой к колышку, ходит вокруг него, так и мы ходим в круге идей материализма, отрицая или «очищая» марксизм. Когда пафос «пользы» заменяет бескорыстное служение истине, тогда сознание суживается, становится независимо от сознательно провозглашаемых целей.

Отношения государства и церкви — вот центральный путь всей русской истории и культуры. От того, как эти отношения преломлялись в сердцах людей, зависело и их участие в делах политических, культурного строительства и хозяйственного делания. Ведь и сегодня мы переживаем кризис именно теократической идеи создания на земле Священного царства справедливости и порядка, но только без Бога, усилиями одного своего разума и по своей воле. И этот кризис есть кризис сознания, кризис обнаруженной неправды в самой идее построить Вавилонскую башню до самого неба и свести

небо на землю. Кризис же религиозный, как известно, может быть преодолен лишь религиозными же средствами. Горькие испытания, выпавшие на нашу долю, есть лишь лекарство, чтобы образумить безумцев и привести их в состояние трезвости духовной, вернуть их из мира фантазии в мир реальный, перед величием которого нужно отречься от своего кичливого ума. Но, судя по всему, на пути к смирению нас ждут еще тяжелые испытания. Когда волна мечтательного романтизма, горделивого желания «стать самим как боги», наконец, схлынет, она оставит на дне ил самых подлых, корыстных расчетов, карьеристского цинизма, трусости и страха за свою шкуру, то есть, всего того, что на самом деле питает революционный романтизм и в помощь чему придется вся фантастическая мощь искусства, в том числе и литературы. *Романтизм же революционен по самой своей сути.*

Сегодня много говорят о тоталитарном режиме, но всегда следует иметь в виду, что тоталитарный режим — это лишь свойство теократии. В связи с этим нельзя не отметить еще одного момента. Теократическое устройство, при котором вся власть принадлежит жрецам и все, что есть в государстве, принадлежит Ордену жрецов — строителей храма новой общности на земле, — намного древней марксизма, и потому последний, собственно говоря, лишь случайно привязан к нему.

В конце концов, об основателе идеи Царства князя мира сего на земле можно прочитать в Новом Завете. Инфернальный аспект такого царства, красочно описанного еще у Платона, мы теперь знаем не по книгам. Но война, которую ведет Орден строителей со своим народом, умерщвляя и разлагая его, возможна только потому, что сознание этого народа, его ум, душа и сердце находятся в состоянии глубокого разложения, внешний человек явно доминирует над внутренним, призраки и фантазии ума и сердца, пораженного гедонизмом, заслоняют реальность подлинного Бытия. Невольно вспоминаются слова Василия Великого: «Воображения и мысленные построения, как стеною, окружают помраченную душу, так что она силы не имеет взирать на истину, но все еще держится зеркала и гадания» (Добротолюбие, т. 5, с.414).

Не каждый ясно представляет себе, что тоталитарный режим, теократия, власть невежественных во всех сферах жрецов, поучающих и управляющих народом, распоряжающихся всем им созданным, может быть осуществляема только за счет идеологии. Идеология — это то, что подменяет религию и служит ее обратным отражением. Весь смысл идеологии заключается в ее призванности оправдать незаконную власть и придать ей видимость законности, оправдать и объяснить категориями необходимости власть меньшинства, пришедшего в результате завоевания, над большинством. Не знающие ни сельского хозяйства, не знающие ни науки, ни истории, они в то же время знают сразу и все, они имеют в руках великую науку. Эти

эклeктичные священные знания в масонских ложах так и именовали: Наукой Строителей.

По духу и смыслу принятой официальной идеологии марксизма, основным фактором всей общественной жизни является экономический. Он определяет все направления и специфику культуры, всю идеологию общества. Но именно наша страна, созданная идеологами по своим меркам и представлениям, вся построена на идее, которой подчинен и экономический строй страны. Таким образом, само существование нашей державы является наглядным опровержением основного постулата марксизма и свидетельствует как раз на нашем примере о всеилии идеализма, правда, в самой худшей его форме — субъективного идеализма: попав в голову прожектерам, этот идеализм ломает и корежит страну по проекту «счастливого будущего» и самооценности идеи «социализма» или «демократии», что одно и то же.

Этот момент несоответствия по основному пункту официальной идеологии с практикой и теорией страны — один из тех парадоксов, с которыми не может справиться ум «маленького человека», тех парадоксов, которые порождают у него чувство пассивности и раздражения.

Все эти факты так или иначе формируют сознание и психологию «маленького» человека. Значение «массовой культуры» в таких условиях огромно. Она имеет свои характерные черты, приспособленные к традиционным ценностям народа. Здесь и глава государства, блюститель «общей» пользы, защитник «маленьких людей» от сильных и могущественных чиновников. Здесь и пиетический пафос: хоть бедный, да честный, и стыд перед деньгами — «так все сделаю», «самое главное, чтоб по совести», которые являются скрытыми укорами «капиталистическому корыстолюбию». Этот пафос бескорыстия, этот общий тон моральности, заменяющий экономические законы, этот благочестивый пиетизм очень характерен именно для теократического общества и еще раз самым откровенным образом отрицает самые основы марксизма с его «экономическим базисом».

Среди других специфических черт масс-культуры, в том числе и художественной литературы, — «извращение на местах линии центра» и предполагаемая непогрешимость некоего мистического начала, именуемого «партией», но независимого от эмпирического состава реальной организации партии и от ее деяний. Излюбленной темой для кино и литературы становится борьба «правильного» жреца — какого-нибудь секретаря районного комитета — с неправильными жрецами и в конце концов его победа. Эта победа обуславливается лучом света из Кремля. Иногда это может быть и «рядовой» труженик, маленький человек, но всегда торжество правды связано с достижением того мистического ядра «партии», из которого исходит свет.

Для общего тона жизни жителей Империи характерно и ожидание

«обновления» от нового «императора», и предполагаемый «золотой век», и «борьба с бюрократией», от которой все зло и к которой сама «партия» не относится.

Но главным, все-таки, что определяет общее мироощущение каждого подданного, — это ощущение своей зависимости от вышестоящих лиц, чувство своего бессилия что-либо понять и изменить в своей судьбе радикально. В этих условиях основное свойство «массовой культуры» — ее компенсаторность. Такую же роль играет и русская классическая литература. Читатель уходит от скучной регламентированной повседневности в тот мир, где люди живут «красиво», где они живут богато, где балы сменяют один другой, где герои говорят изысканно и где люди живут в тихих и просторных особняках, они влюбляются так возвышенно и красиво. Каждый сам себе хозяин, нет ни парткомов, ни колхозов, ни НКВД. По существу, читатель переносится как бы в тот «золотой век», в котором он и хотел бы жить.

Я, помню, еще в юности смотрел фильм «Евгении Онегин», и после сеанса я услышал, как один генерал говорил другому: «Что скрывать, мы все хотели бы жить вот так».

Если для тоталитарного режима нужна водка, наркотики, спаивание, то также нужна и эта литература, в которой человек исчерпывает себя в своих фантазиях.

Мир иллюзий подменяет собой мир реальный и оказывает наркотическое действие на человека. Чем более гениально произведение, тем более оно поглощает человека, тем оно притягательнее и правдоподобнее. Человек насыщается чужими образами и мыслями, гениальными сравнениями и аллегориями, тонкими извивами чужого ума, но собственный его творческий лик затуманивается, язык упрощается и переходит в зону пассивного, мысль отучается от самостоятельной работы, глаз перестает видеть, и ум ищет Цитаты к подходящему случаю, даже к описанию природы.

Громадная лукавая сила великого фальсификатора создает утопию и утверждает идеологический спекулятивный «материализм», веру в плоть как единственную реальность и ценность.

Много книг, много преклонения перед гуманизмом «великих» и «гениальных», но вражда человека к человеку растет. Гуманизм всегда оборачивается любовью только к себе. Космофилия всегда ведет к враждебности, уподобляет человека демону, делает человека «сыном ночи» (I Фес.5.5). Под воздействием искусства, особенно кино и литературы, из мирскости и плотскости возникает своеобразное опьянение миром. Жизнь превращается в сладостный сон, полный ночных обманов и прельщений. Опьяненный таким образом человек не видит опасности, стоящей перед ним. Космофилия и стала той ловушкой, в которую попал наш народ, отрекшийся от

реального бытия, от мира не выдуманного, но мира Божьего.

В фантастическом мире человек замещает самого Бога, сам становится Богом, ибо свободно творит в грезах свой мир. В этом представлении себя равным Богу — источник всех человеческих грехов и падений.

Не сегодня было замечено, что главный стержень литературы, как и вообще искусства, есть требование эстетики. Литература эстетизирует человеческое страдание и тем самым снимает напряженность морального чувства, требующего от человека реального дела. Этика изживается в эстетике. Вся реальность видится писателем, одержимым своим делом, в словах, которые в своем сложении отвечали бы принципу красоты мысли и яркости образа. Дело превращается в переживание образов.

То, что в реальной действительности мыслится возможным, но практически неосуществимым, в литературе становится должным. Здесь можно сказать правду начальству, уехать в деревню, победить косную и развращенную бюрократию и в конце концов получить заслуженную награду. Так читатель компенсирует свое несовершенство, свою забитость и ничтожество, отождествляя себя с героем романа или повести. Это иллюзорное оправдание «маленького человека».

Характерно, насколько настроению «маленького человека» отвечает иллюзорная возможность героя добиться высокого положения в бюрократическом аппарате путем борьбы за правду, побеждая злодеев. Таким образом, выстраивается несколько рядов различных литератур от классической литературы прошлого века до сегодняшней. Литература прошлого погружает человека в «золотой век», тонкую эротику, чувственность, дает ему ощущение независимости и уверенности в себе, она обладает тонкой эстетической прелестью. Современная же литература построена по типу лубочных сказок и дает возможность изжить чувство реального раздражения несправедливостью, господствующей в обществе, вселяет иллюзию господства правды и в конечном счете оправдывает двойственность положения маленького человека Империи Ордена строителей. Но вся эта литература служит к утверждению человека внешнего, развивает в нем силы падшей природы и делает его податливым к реальным неправдам, привязывает его к интересам временным, заставляет его служить режиму. Интересы горные, заставляющие человека во имя любви Божией любить ближнего и положить свою душу за други своя, ему неизвестны. Человек выпадает не только из центра всего тварного Бытия, но выпадает и из самой истории. Отсюда такой страстный порыв у творцов теократической социальной утопии остановить время, стереть все, что напоминает историю, а, следовательно, и саму культуру, которая вне непрерывности традиции не существует.

Хорошо известно, что в обществах религиозных значение художественной

литературы крайне незначительно, а возрастание интереса к ней знаменует собой падение религиозности. Так было и в нашем обществе. Но этот феномен был глубоко понятен многим писателям. Об этом писал много правильного и сам Л. Толстой, когда вдохновенные порывы писательства сменялись взором внутрь себя. Такие же муки, как мы знаем, переживал и Гоголь, неоднократно отрекавшийся от написанного им. Я имею в виду следующее. Религиозная литература дает нам образцы поведения (как, скажем, житийная) и говорит нам, какими мы должны быть на весах пользы, что весит больше и что меньше, — исключительно в видах спасения души.

Весь же утилитаризм этики, которым пронизана литература, насквозь оценочный, моралистичный и узко догматичный. Нигилисты и их идеологи, такие, как Чернышевский, Зайцев и другие, не спорили — они обвиняли и травили. Но удивительное дело, этот «утилитаризм» ничего общего не имел с усидчивым общепользным трудом, с реальными повседневными заботами. Даже артели, куда сходились мужчины и женщины, где рождались дети, неизвестно от какого отца, и то были не столько трудовыми коллективами, сколько демонстрацией «раскованной плоти» — новой религии со старыми корнями. Этот утилитаризм был лишь одной из вульгарных форм того же романтизма, где на первый план был выдвинут социально-административный идеал. Эта бесконечная оценочная работа утилитаризма в конечном счете была проводима в «интересах человечества», но не всего, а только прогрессивного, которое останется жить после истребления отсталой части населения. На первый план вскоре вышло не счастье человечества, а интересы Революции.

Циркуль, которым измерялись «интересы Революции», и кровавый серп — знак того, что можно приступать к кровавой жатве, и молоток — символ послушания начальству, — вошли по праву в символику нашей страны. Каждый шаг человека измерялся в этом обществе, организованном по плану «красоты»; при необходимости этот нежный колосок срезался. И весь народ должен был послушно следовать удару молоточка и безропотно слушать повеления его владельца. Владельцем почему-то оказался по преимуществу еврей.

И спросим теперь, когда нам так хочется освободиться от смертоносного дыхания теократической идеологии, какова роль искусства в системе идеологии и особенно художественной литературы. Немногие из нас осознают, что психология большинства из нас есть прямая поддержка всему строю той каторжной тюрьмы, которой стала наша страна. Комплекс «большевистской совдепии», а теперь еврейской «демократии», поразил все мироощущение народного сознания. Чтобы осознать степень своей пораженности разлагающим влиянием идеологии, нужно уже исповедовать другие ценности, уже реально стоять на другой земле и видеть воочию другое небо. Сколько бы мы ни обвиняли режим, сколько бы мы ни узнавали нового о преступных его

деяниях, режим не сменится.

В нашей жизни искусства вообще, а искусство слова тем более, занимают столь громадное место, что даже ставить вопрос о месте художественной литературы в системе идеологии кажется несколько необычным. Между тем ясно, что это место существует, и оно очень видно. В то время, как церковь претерпевала в своем историческом и эмпирическом составе глубокие потрясения, когда вся религиозная литература сжигалась и даже Библии до недавнего времени не пропускались через таможенную для ввоза в страну, когда вся историческая литература уничтожалась по специальному приказу из Кремля по всей территории страны, классическая русская литература стала предметом «заботы партии и правительства» и была введена для обязательного изучения в школах. Барельефы Пушкина и Толстого, Чехова, Гоголя, Лермонтова и Некрасова до сих пор украшают фасады наших школ наряду с циркулями, угольниками и изображением открытой книги — Торы — и молоточком. Царствует религия «чисто человеческого» начала.

Еще первые теоретики романтизма утверждали, что искусство выше реальности, а художник — это пророк и демиург. Весь мир, созданный воображением писателя, — мир поэтический. И далее провозглашалось: «...какая нужда стихотворцам до истины! Они хотят веселить наше воображение приятными мечтами, нас забавлять, привлекать и трогать! И если стихотворец успел прикрыть противоречие, дал вымыслу наружность справедливого искусством... то он в совершенстве исполнил предписанное законами его искусства; и если во многом погрешил он противу здравой логики, то без сомнения не сделал ни одной ошибки как стихотворец». (В. А. Жуковский, «О нравственной пользе поэзии». «Вестник Европы», 1809, № 3, с. 161.)

Этот принцип правдоподобия сохранит свое значение для всех этапов литературы. Термины литературоведов всегда условны, и «реализм» лишь прикрывает своими средствами, точностью бытописания и психологизма, все тот же выдуманный мир: подобие выдается за правду, литература подменяет жизнь. Очень опасная иллюзия: сама жизнь, ее дела и трагедии, слезы и падения — становится литературой. Провозглашается и другой принцип: литература выше нравственности, она должна действовать «на одни эстетические силы души». Высшим званием становится звание поэта. Романист — это поэт, мыслитель — поэт, повести и романы — это поэмы. Вспомним, что и «Мертвые души» Гоголь назвал поэмой, а «Евгений Онегин» — это «роман в стихах». Поэт, писатель — это Демиург алхимиков и масонов. Великий Мастер и Архитектор своего выдуманного мира.

Погружение в мечтательный мир литературы неизбежно вызывает у своих читателей уныние и неприятие действительности. И вовсе не потому, что

действительность плоха и что-то в ней не устраивает. Действительность плоха именно потому, что она реальна, громадна и обладает принудительностью воздействия на человека, требует смиренного и уважительного к себе отношения, смирения в познании и терпения в труде, признания себя лишь песчинкой в громадном Мире, которой будет дано лишь то, что она заслужила своим трудом и молитвой.

Не случайно то, что именно в тех кругах, где литературные интересы становятся преобладающими, возникает такое удручающее расхождение между словом и делом, возникает двоедушие и двоеверие, духовная ущербность, некрасивые дела прикрываются фонтаном красивых слов о правде и любви. Именно через приобщение к миру атеистическому (не на словах, а на деле), миру плотскому, культуре внешнего человека, страстного и фантазирующего, через раздвоение между делом и словом и появляется «новая порода» — интеллигент. Достаточно человеку путем сурового самоотречения войти в мир духовный, мир богооткровенной религии, как он становится «слишком прямым», «слишком фанатичным», «жестоким», «прямолинейным» и «узколобым», хотя и образованным, но «не так».

Гуманная культура, воспитываемая литературой, и привела к невероятно поверхностному взгляду на духовные истины, а вернее, просто к их игнорированию. Если спросить, какие идеалы проповедует наша литература, то легко обнаружить, что ни один человек не назовет нам ничего конкретного и ясного. И все-таки идеалы в литературе есть, они заложены в самой ткани произведений. Литература наша русская многообразна и по тематике, и по стилю, и по сюжетам, и по охвату сторон русской души и общественной жизни. Но что-то общее в ней есть. Перво-наперво, что останавливает взгляд и обращает внимание, так это то, что в ней отсутствует реальность Церкви и религии. Уже отмечалось в нашей критике, что, скажем, в «Евгении Онегине» лишь однажды упомянута церковь, вскользь. А ведь в те времена жизнь каждого человека, даже самого отпетого вольтерьянца, была тесно связана с религией. Церковные праздники, крестины, отпевание усопших, венчание и дважды в день колокольный звон по всему пространству России. Новая мирская культура, и в первую очередь литература, рождалась именно как антитеза церковной жизни.

Удивительно, но из нашей литературы мы ничего не узнаем и о строителях Транссибирской железной дороги, по сей день крупнейшей в мире, созданной руками русских людей в такие сроки, которые нам и не снились. Чехов в это самое время совершил поездку на Сахалин, но у него не нашлось ни одной строки, чтобы воздать должное ее подвижникам. И это не случайно для мироощущения певцов «лишних» людей. Удивительное дело, что их ум не приковывал к себе ни созидательный ум крестьян, рабочих, ни дела благотворения, ни подвиги духовных отцов, окормлявших русскую землю.

Безразличным взором они проводили по лицам людей просветленных, здоровых и сильных. Они посещали иногда святые обители, просили совета, прислушивались, но в их произведениях не увидим духовных реальностей.

Достоевский, ближе других подошедший к церковным вратам, остался, как известно, чужд мистической реальности Церкви. Он мечтал о «всечеловеке» и о бесконечном прогрессе культуры. Он видел грядущие ужасы теократической утопии, которые отчетливо в его время уже были видны не только гениальным писателям, но и самым едва грамотным дьячкам далеких погостов. Но духовная сила Православной Церкви осталась вне его зрения. Оттого так много в его творчестве тяжелого, нехорошего, и так далеко отступающего от православия, и так сильно отдающего сентиментальным гуманизмом времен александровских мистиков и пиетистов.

Итак, в нашей литературе исторические и религиозные реалии эпохи либо просто отсутствуют, либо искажены. Вся русская литература находится под знаком этого неопределенного гуманизма, под знаком романтизма. Несмотря на точность психологических переживаний героев, бытовые подробности, реализм ее чисто декоративный, внешний. У читателей Толстого, Пушкина и любого другого классика неизбежно складывается впечатление, что ни денежные расчеты, ни повседневные материальные нужды не были знакомы русским людям того времени. И, хотя упоминаний об этих нуждах немало, общее впечатление именно такое — возвышенное и прекрасное, как о некоем сплошном балу. И просвещение, и романтизм живут верой в скорое прекращение всякой истории, как блуждания духа в потемках материи у кабалистов-гностиков, в наступление золотого века — царства Астреи. Это царство святого царя и священнического сословия жрецов, призванных к осуществлению великих предначертаний Великого Мастера и Демиурга, Иеговы.

В эти темы самым тесным образом вплетается требование мистического благочестия — пиетизма — и признание всей предшествующей культуры как чего-то призрачного, тяжелого и мешающего осуществить светлые идеалы человечества. Весь этот комплекс идей получил развитие и в художественной литературе. Ожиданием светлого царства справедливости живут едва ли не все герои нашей литературы. Дыхание его сказывается на всем мироощущении их. Назывались и сроки — несколько десятилетий. Культура христианская, как ложь и обман, также проходит красной нитью через наши романы во имя утверждения культуры «гуманизма». Отрицание ее объясняется моральными и социальными мотивами: она создана богачами для своих нужд и в ней нет справедливости.

В этих трех явлениях общественной жизни и литературы — Просвещении, Романтизме и Теократических утопиях социальной справедливости — сошлись

все основные проблемы человеческого бытия. Все они были ориентированы на христианство и имели в виду его отрицание. Известно, что главным пунктом всех человеческих проблем является проблема добра и зла. В церковном учении эта проблема формулируется в точных понятиях и предлагает конкретные меры к победе над злом. Зло есть преслушание воли Божией. Эта Воля выражена в священном Писании и прежде всего в Евангелии. Испорченная природа человека, поврежденная грехопадением наших первых прародителей, не дает человеку никаких оснований на победу над злом своими собственными силами.

Церковь для того и существует, чтобы своими врачующими благодатными силами помогать человеку бороться со злом. Она предлагает человеку свои лечебные средства, иногда горькие, но всегда полезные, и имеет в виду последнюю судьбу человека, смерть и жизнь вечную его души. Где он окажется: одесную или ошую Христа, в вечном мраке или на райских пажитях — вот центральный вопрос всей человеческой жизни. Эту проблему полностью снял гуманизм, трактующий добро и зло как понятия относительные. Во всей системе гностико-кабалистического учения, лежащего в основе Массонской Науки, зло представляется просто как то, что доставляет человеку неудовольствие, а добро — наслаждение и радость. В конце концов в *мире* физическом, объективном ничто не соответствует этим понятиям. Мир создан лучшим из возможных миров. Массонство, представления которого так сильно повлияли на формирование мировоззрения русских образованных кругов, как, впрочем, и западных, грех, зло трактует как беспорядок, хаос, непорядок. Преодоление зла сводится поэтому к организации мира по «новому штату». Весь мир представляется в массонстве, как и у гностиков-манихеев, как один организм.

В нем могут быть какие-то неполадки, но в мире все так создано Умом безличного бога, что эти неполадки легко устраняемы. В этих представлениях много литературного и художественно пластичного. Зло отличается от добра только расположением элементов. Никогда не было исторического момента воплощения Бога в человеческую плоть, и все написанное в Евангелии есть просто аллегория. Буквальный смысл — только для тупых невежд. И было бы ошибкой думать, что таково отношение только к Святому Писанию. Вся жизнь есть аллегория, вся она есть просто спектакль по заранее написанному сценарию. Все, что происходит в мире, происходит по причине, что не произойти не могло. Отсюда такой фатализм, отсюда такая телеологичность, какая присутствует и в историческом материализме с его пресловутой «закономерностью» исторического процесса. Все это учение сосредоточено в кабале.

Идеология приводит человека к той точке зрения, из которой видишь только то, что хочешь увидеть и что целиком содержится в догматах самой

идеологии. Сам русский язык, его несравненное богатство говорит против всякого деспотизма, ибо деспотизм уплощает, обедняет культуру, и в ней ни «Слово о полку Игореве» не родится, ни «Слово о благодати», ни сам преподобный Сергей; в ней не будет ни битвы Куликовской, никакой культуры, а тем более духовной, христианской, требующей свободы личности. Наши храмы, иконы, вся литургия, все жития святых — это победная песнь свободного человеческого духа. Напрасно ломают голову идеологизированные наши публицисты и гуманитарии: как это так, — Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Крылов, Достоевский, Белинский, Баратынский, Веневитинов, и... вот, поди ж ты, Николай I, деспотия жуткая.

Как известно, ложь — это раздробленная истина. Две России, два Некрасова, десяток Пушкиных — один либерал, другой монархист, третий поэт и т. д. И все — недоумение. Но это во многом результат и воспитания догматического, вложенного в наше сознание школами и университетами «идейного» невежества, результат заинтересованных в нашем невежестве идеологов: оправдать наличную грязь, нищету, всеобщее рабство, страшный антинародный деспотизм государственной власти, перенеся все эти свойства из нашего настоящего в прошлое — их цель. На самом деле одна Россия, один Некрасов, один Пушкин, один Николай I, один русский народ.

Идеи утопизма в русском обществе формировались под влиянием гностико-каббалистических доктрин, исповедуемых в «первых объединениях» русской интеллигенции — масонских ложах, развернувших в полную меру свою деятельность в конце XVIII в. и сделавших своей главной операционной базой Москву, по преимуществу — ее университет.

Эзотерические идеи оказывали все большее и большее влияние на формирование наиболее представительной части общества, определяющей фон городской культуры, ее общие понятия, принципы и представления, всей той системы мышления, в которой осмысливался мир и его ценности. Масонские ложи вовлекали в русло своей деятельности тысячи людей: чиновников, помещиков, аристократические фамилии, мещан, офицеров, литераторов, художников, философов и ученых.

Московские «братья» Розового посвящения, в степени теоретического градуса Соломоновых наук, приступили к деятельности литературной и просветительской в 1780-х годах, имея задачу: «довести до внутреннего сознания слушателей (и читателей) ту мистическую литературу, которая изготовлялась в Москве руководящими братьями, а им, конечно, присылалась из Берлина» (Вернадский Г. В. «Русское масонство в царствование Екатерины II». Пг. 1917 г., с.133). Эти братья упивались мистикой власти, которую они, «священники внутренней церкви», должны были взять в свои руки в ближайшем будущем, как им казалось, то есть с приходом к власти «святого»

царя Павла I; они, как и все масоны мира, были приверженцами «высокого государства», мыслили себя как самую первую эманацию талмудического безликого бога деистов и пантеистов, Эн-Софа, как посредников между небом и землей, считали себя «высокой церковью», «долженствующей направлять из малого кружка всю духовную и материальную жизнь страны» (Вернадский, ук. соч., с.221).

Но они, по существу, не обладали, как и любая недобрая сила, никакой творческой мощью, и могли лишь приноравливаться, маскироваться под творческое, сильное, самобытное начало.

Русское общество в момент появления в его среде интереса к художественной литературе (конец XVIII — начало XIX в.) было расколото в идейно-культурном и религиозном отношении самым диаметрально образом. Рядом с образцами высокого христианского благочестия и аскетизма соседствовало вольтерьянское зубоскальство, циничный нигилизм и религиозное безразличие. Причем раскол проходил в одной семье, разделяя зачастую родственников на два непримиримых лагеря. Наша художественная литература практически никак не отразила эту трагическую для судьбы русского народа реальность. И это кажется странным. На протяжении нескольких поколений, более столетия, внутри каждой дворянской и разночинной семьи шла эта напряженная борьба между христианством и иудомасонством, затрагивая судьбу, так или иначе, каждого русского человека из образованного общества. В сущности, весь колорит русской жизни XIX и начала XX в. определялся этой скрытой, подспудной борьбой. Но писатель был бессилён показать эту проблему, так как его талант кончался тем, где начиналась область церковной жизни.

Христианские представления, ценности вторгались в жизнь и мещан, и верхних слоев образованного общества. Большинство дворянских родов, щедро отдавая дань масонским ложам, имели в то же время, как правило, среди своих членов и монахов, и церковных подвижников.

Нередко, под влиянием тех или иных потрясений, в вольнодуме совершался резкий перелом, и он либо уходил в монастырь, либо отдавал все деньги на строительство храма, или монастыря, или богадельни. Великосветская Анна Орлова, верная помощница архимандрита Фотия, настоятеля Юрьевского монастыря, как и княгиня С. С. Мещерская, не была исключением, а скорее правилом.

Александра Сергеевна Шуленикова родилась в 1787 г., в 1809 г. она вышла замуж за генерала Готовцева. Вскоре после свадьбы генерал отправился на войну и в том же 1809 г. он был смертельно ранен. После смерти своего ребенка в том же году Александра Сергеевна, лично известная Государю и Императрице, оставила навсегда свою усадьбу и ушла в Горицкий монастырь.

Ее одеянием стало платье из грубого холста, новины, выростковые башмаки, так что когда горничная ее увидела в этой одежде, то заплакала. Александра Сергеевна Готовцева стала матерью Феофанией 16 сентября 1818 г., примерно тогда, когда Татьяна Ларина писала письмо Онегину.

Для матери Феофании начался путь прискорбный, тяжелый — путь смирения, отречения от своей воли, путь понуждения, путь монашеского воспитания. Этот путь мать Феофания прошла вполне и без всяких колебаний. Вскоре к ней присоединилась другая превосходительная дама — ее родная сестра Анна Сергеевна, ставшая матерью Маврикией. Вскоре к ним в монастырь пришла и приняла постриг воспитанница графини Анны Орловой-Чесменской Мария Крымова. Пришло время, и им было указано явиться в Петербург и здесь своими руками восстановить женский монастырь. Доходов не было, на каждую сестру казна отпускала 20 рублей ассигнациями в год, то есть примерно по 1 рублю серебром в месяц. Это были голод и нищета. Сестры просили милостыню, учились ремеслам, сами замешивали раствор, учились иконописи, копали землю под фундамент. В 4 часа они были уже на ногах: день начинался и заканчивался длительной службой. 70 сестер воздвигали новый монастырь — Санкт-Петербургский женский, самый крупный в городе. 3 ноября 1849 г., в то время, когда по России начинают гулять коммунистические призраки, а видные литераторы грезят фаланстерами Фурье и начинают слагать песни, как они разрушат до основания все и вся, в присутствии Государя совершилась закладка монастыря, на пустыре, в болоте. Безвозмездно, зная, что у монастыря нет денег, свои деньги предложил лесопромышленник Громов.

Первое, что сделали, так это прокопали осушительный канал, распланировали сад, который еще при жизни матери Феофании уже давал плоды. Иконы, роспись стен и облачения — все было устроено сестрами. За время строительства было подготовлено 12 прекрасных живописиц под руководством опытного художника. Золотошвейки изготовляли облачения и пелены. В июне монастырь был окружен каменной оградой и был выстроен дом для духовенства, освящена (27 июня) церковь во имя Афонской иконы Богоматери «Отрада и Утешение». Денег на строительство не хватало. Один помещик, после того как мать Феофания по его просьбе помолилась за него и дела его поправились, дал 10 тысяч, бедный народ приходил с рублями и копейками. Подрядчик Кононов стал настоящим благодетелем: он постоянно уступал со счетов, и без того скромных, и сам делал пожертвования в то самое время, когда, по мысли Маркса и Прудона, любой капиталист есть жулик, вор и кровопийца.

Помощь приходила с самых разных сторон. Как-то проезжал мимо какой-то неизвестный помещик и зашел в обитель. Вызвав игуменью, он подал в конверте сумму денег, как раз необходимую на кладку печей, которая была

перед тем оставлена по отсутствию средств. Миряне доставляли из-за границы кисти, краски, и в два года пять иконостасов были расписаны и истрчено всего 2 тысячи, вместо предложенных 10. Утварь, лампы и паникадила, хоругви — все было пожертвовано благотворителями. В то самое время, когда недобрые силы в стране уже вели подготовку к студенческим беспорядкам, а пропаганда Чернышевского внушала, что коммунизм есть счастье, а религия ложь и обман, что семья — это смешно, великим постом 1861 г. величественный пятиглавый собор был завершен трудами матери Феофании. Из этого монастыря стали выходить первые дешевые и хорошо написанные иконы. Бывшая великосветская дама, она жила в величайшем стеснении, трудах и молитвах.

Почему я так подробно описал жизнь современниц Пушкина и Лермонтова и их героев и героинь? Потому, что жизнь таких, как мать Феофания, осталась за пределами художественной литературы. Можно было бы при желании назвать тысячи имен подобных этой игуменье, современнице Лариных и княжны Мери. Русская литература породила целое сонмище людей «лишних», жаждущих настоящего дела, а дело было между тем в их собственной пустоте. Но спросим себя: что узнают наши школьники о России из изучения русской литературы? Ответ будет самый печальный. И удивительное дело: в то время, когда литература доносит до нас жалобные вздохи крестьян, описывает нищету и бедность, изобразительное искусство своими гравюрами, живописными полотнами представляет нам Россию сытую, лица довольные, благодушные и веселые. Какое неповторимое удовольствие испытываешь, глядя на цветные полотна, изображающие деревни или Москву XVIII и XIX столетий.

Мемуары и статистические сборники представляют нам страну нашу решительно не похожей на тот ее образ, что создан усилиями великих литераторов. И тогда не закономерно ли сказать себе, а реалистично ли это «реалистическое искусство» классической литературы? А не есть ли это все та же страна Утопия с сонмищем пустых «лишних» людей, которые не знают, чем занять себя, и которых писатели наши сделали главными представителями России.

Еще один пример из реальной жизни, на этот раз из жизни русских крепостных крестьян.

В селе Гарутино, что от Москвы примерно в 90 километрах, стоит самый большой памятник победе русскому оружию в войне с Наполеоном. Памятник производит громадное впечатление: на насыпи, обложенной камнем, гранитный постамент, на котором находится высоченная чугунная колонна, и на этой колонне сидит, разведя крылья, бронзовый позолоченный орел; сидит, как помнится, на шаре, по которому проходит лента со знаками Зодиака, также хорошо видными. На самой черной чугунной колонне, в духе того времени, бронзовые доспехи, тоже позолоченные. Общая высота памятника примерно с

десятиэтажный дом — около 32 метров. Когда-то на постаменте имелась гранитная табличка, из которой можно было узнать, кто и на какие деньги воздвиг этот памятник. Уже в относительно недавние времена эту табличку, как водится, «кликвидировали». Так вот... За точность цифр не поручусь, так как пишу по памяти, но расхождение будет небольшим.

Этот памятник был поставлен на деньги крепостных крестьян села Тарутино, принадлежавшего графу Румянцеву, одному из сыновей известного фельдмаршала. Из таблички и документов, которые имеются в маленьком музейчике в том селе возле памятника, узнаем, что дворов в этом селе было 216. Что крестьяне вызывали архитектора из Парижа, и, что памятник им обошелся в 60 тысяч рублей, что одновременно крестьяне выкупились на волю, а еще заплатили графу где-то около 40 тысяч. Но и это не все. Они одновременно заплатили все долги графа. Это тоже около 20-30 тысяч. Источник дохода крестьян, видимо, главный: женщины в селе занимались шитьем золотыми нитками, то есть были золотошвеями.

Если теперь представить, сколько денег имелось в каждой семье, то придется как-то капитально изменить в себе представление о русском крестьянине, под гнетом крепостничества ставшем миллионером. Я не говорю уже о том, насколько высоко должно было быть сознание этих крепостных крестьян, понимание ими своего патриотического долга, если они по добровольному почину решили воздвигнуть такой памятник. И ведь не просто памятник, а такой громадный, что больше него и нет из посвященных разгрому французов в войне 1812 года. Пусть кто-нибудь попытается перенести эти реалии на нашу жизнь. И постановку памятника, пусть даже государством, и сумму денег, в которую подобный памятник мог нам обойтись, и способность на осуществление этого дела нынешнего какого-нибудь богатого села, и возможность самого наличия такого самосознания и гордости за свою державу и многое, многое другое.

Митрополит Филарет, человек крайне осторожный и крайне нелюбимый властями и самим Николаем I, и не очень любимый и Александром II, с горестью предвидя тяжкие испытания, которые грядут и повергнут страну в тяжелую смуту, сурово писал: «Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления». Он писал это в то время, когда пропаганда социалистических разрушительных идей в подцензурной печати стала обычным делом. Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Зайцев, Благосветлов и прочие обвиняли все общество и христианскую культуру во лжи и звали к топору.

Убийство Александра II лишь на короткое время заставило либералов задуматься о будущем страны. Но В. Соловьев, Лев Толстой проявили именно

этот синдром «иудушки»: они не нашли ничего лучшего, как просить помиловать убийц. Ни слова осуждения не нашлось у них в адрес террористов и самого террора. Слепотствующие гуманисты проявили удивительное безразличие к судьбам русского народа. Они писали, что этим прощением новый царь станет на недостижимую нравственную высоту и докажет всем, что он святой царь. А в это время убийцы уже готовились в России поточным методом. Через 37 лет страна погрузится в кровавую бойню.

Поразительно, что и потом, когда террористические акты стали массовыми, людей убивали и убивали всякого рода проектисты, во имя той красоты в будущем, которая спасет мир, писатели ни разу не высказали публично свое порицание этим кровопролитиям. А ведь только от 1905 до 1907 гг. бомбами, револьверами и кинжалами было убито около 56 тысяч человек. По поводу спровоцированного и надуманного антисемитизма, это когда едва ли не весь корпус адвокатуры по всей стране был в руках евреев, как и крупнейшие банки и прочее и прочее, эти писатели нашли время и силы выразить свой протест. По поводу убийств еврейскими террористами невинных русских людей не нашли в себе силы выразить протест в Думе и либеральные профессора-кадеты. «Синдром Иудушки» более чем характерен для всего того неопределенного гуманизма, который шел со страниц либеральной печати и был вложен в само мировосприятие людей, воспитанных на романтизме и мечтательном мистицизме масонских лож и их пропаганде.

Не следует забывать, что все наши писатели находились под сильным влиянием масонской мистической литературы. Труды Сен-Мартена, Баадера, Фенелона, Гюйона, Штиллинга и других были излюбленным и обязательным чтением всей нашей интеллигенции XIX века. Тот же В. Соловьев был, как известно, социалистом, атеистом, убежденным дарвинистом. Он усиленно изучал гностику, каббалу, считал Валентина крупнейшим философом, увлекся Шеллингом, Шопенгауэром, Гартманом. В конце своей недолгой жизни занимался вызыванием духов умерших, верчением столов, предавался занятиям черной магией. Русскую церковь не любил, никогда в нее не ходил, а его выражения по поводу Церкви были всегда оскорбительны. Но о Церкви писать любил, мечтая о единой всемирной религии.

Вопрос, какую церковь он имел в виду. Особенно если учесть, что христологии у него, можно сказать, нет. Личности Христа он не видел, не чувствовал. Он прошел мимо мистических святынь Церкви. Мистика света Фаворского осталась вне его кругозора. Потому так осторожно и относились великие отцы и аскеты Церкви к философии и богословию, что эти предметы не требовали от человека никакой веры положительной. Митр. Исая Копинский (XVII в.) писал по этому поводу: «Ин бо есть разум мира сего, ин же духовен. Духовного бо разума от Пресвятого Духа учишася вси святии и просветишася яко солнце в мире. Днесь же не от Духа Свята, но от Аристотеля,

Цицерона, Платона и прочих языческих любомудрецов разума учатся. Сего ради до конца ослепеша лжею и прельстишася от пути правого в разуме. Святни заповедей Христовых и умного делания учишася, сии же точию словес и глаголаний учатся, внутрь души мрак и тьма, на язытце ж вся им премудрость». Вот этот мрак в душе и премудрость «на язытце» и есть постоянное обвинение интеллигенции в ее двоедушии и болтливости.

Нельзя не упомянуть еще об одном мощном факторе воздействия на идейный строй нашей литературы и общественного сознания, влияния, также идущего от теории и практики масонских лож. Это только здесь и имеющая свое право на жизнь проблема героя, несущего свет и знания, и народа, толпы, погруженной «во тьму нелепостей и предрассудков». Придуманный эзотеризм истории масонских лож именно в ключе «героев и толпы» излагал все события истории от Адама до наших дней. Революционные Прометеи, Озирисы, Будды, надуманные Моисеи и Орфеи, отдающие свои жизни за правое дело и убиваемые заостренными в невежестве князьями и жрецами, переползли в проблематику и сюжеты романов и в теорию социалистического делания и строительства. Красавец-разбойник, а затем босяк Горького довели с. грану до мысли, что труд — это низко, что плата за труд — это постыдное корыстолюбие, и благородное безделье — это единственное достойное подлинного человека занятие. Балы... Болконские, Онегины, Печорины, Левины — все создавало настроение мечтательных грез и сладких фантазий, рождающем представление о себе, как стоящем над «толпой».

Казалось бы, романы Достоевского могли бы остановить безумное увлечение анархическими идеями. Можно было бы ожидать, что люди разумные схватятся за голову и спросят, в какое болото ведут их параноики, одержимые идеей скроить жизнь по улучшенным штатам. Ничуть не бывало". Идеи вселенских ценностей, которые выше реального русского человека, идеи того мечтательного гуманизма, «розового христианства», по справедливому замечанию Леонтьева, все это обессиливало убедительность его сочинений, делало их смутными в идейном смысле.

Христианство Достоевского — это христианство по имени, то, о котором любили трактовать «братья»-просветители — Лессинг, Мендельсон, Гердер и прочие. Сентиментальные «добродетели» задают главный тон всем произведениям писателя. Уродливые для любого христианина картины, например, покаяние перед народом Раскольникова, невольно ставят вопрос, а знал ли писатель о духовной практике Церкви. Описания душевных расколов, болезненных проявлений психики, убийств, исповеди совратителей малолетних девочек — все это может казаться кому-то глубоким и по мысли, и по таланту описание порока и разложения, но каждому, кто знаком с религиозной практикой и теорией, ясно, что пользы душевной от таких писаний ждать нельзя. И не случайно — роман «Бесы» стал для многих первым

шагом в революционную деятельность.

Конечно, такая оценка русской художественной литературы может показаться односторонней, и так это и есть на самом деле: взята в рассмотрение одна сторона — религиозная и реальная. В конечном счете, путь к катастрофе 1917 г., опустившей русский народ на самое дно истории, — это путь человеческой романтики, мечтательного пиетизма, через утверждение жизни вне реальности Церкви. Этот путь — в представлении об относительности добра и зла и замене этики религиозной, онтологической на эстетику, эстетизм. Это путь литературы, которая подспудно воспитывала читателей на неприятии настоящего как такового, именно потому, что оно настоящее, не выдуманное, и требует смирения многокличивого ума перед реальностью Мира Божьего, требует кропотливого труда, когда проще просто отрицать во имя «музыки мирового пожара».

Возможно, по мере оживления церковной приходской деятельности, введения в преподавание Закона Божия для русских детей и приобщения к опыту Церкви, обожествление «великих и значительных» кончится само по себе. Мудрость святых отцов Церкви настолько велика, что кажется странным ее не знать, не знать и даже не предполагать, что существует христианская антропология, учение о человеке, о каждом его свойстве и качестве. Каждый, кто начинает усваивать эту мудрость, замечает, как мирские авторитеты скукоживаются, теряют свой блеск. Так когда-то произошло и с идолами всяких Аполлонов, Зевсов, Венер, Плутонов. Столетиями их украшали, к ним обращались за помощью, в их реальность и силу верили, как в гром небесный и солнце, и вдруг выяснилось, что все это было лишь обольщением бесов.

...В очень давние времена жил к востоку от Палестины праведный человек по имени Иов. Это был справедливый и добрый человек, который всегда старался угодить Богу. Господь наградил его за благочестие большими благами. Он имел многие сотни крупного рогатого скота. Утешала его большая и дружная семья: у него было семь сыновей и три дочери. Но дьявол позавидовал Иову.

По попущению Божьему все потерял Иов: жену, детей, богатство и само здоровье. В рубище, в грязи, больной, покрытый струпьями, сидел он у городских ворот. Прошло время, и Иов за верность его, за твердое упование на Спасителя был снова возведен в богатство и довольство, и снова у него была жена и было много детей.

В дни воспоминания о страданиях Иисуса Христа на Страстной седмице в церкви читается повествование из книги Иова. Трудно сказать, дошли ли мы до роковой черты или еще только приближаемся, но пример многострадального Иова поучителен.

1991 год.

ИЛЛЮЗИИ И МЕЧТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бурный XVII век, начавшись Смутой, закончился Смутой не менее тяжелой — Петровским якобинством и духовно-культурным пленением верхов России, их предательством национальных интересов русского народа.

Польско-шведская интервенция, казачье беспутство и разорение церковью закончилось, как известно, восстановлением по воле народа самодержавия, далее пошло отвоевывание своих Западных земель и присоединение Малороссии: была проделана громадная работа по кодификации государственных Законов и появление знаменитого Уложения 1648 г. В этом Уложении уже видно начало наступления государства, начала светского, внешнего и механического, на Церковь. Возникает дело патриарха Никона, оболганного и сосланного, но не сломленного. Появляются первые признаки раскола в народном духовном сознании: государство есть ложь, правда — в обряде. Страшным для народного сознания было не «дело» Никона, а дело царя Алексея, пошедшего за западниками-боярами и предьявившего права свои на святая святых — Церковь. Среди всех многообразных деталей этого дела народная совесть и чутье не обманулись и выделили главное: государство вне Церкви — есть Антихристово царство.

На этот же век падают бесчисленные восстания, заговоры и войны. Запад входит в Москву окончательно и бесповоротно — кроме давнишней немецкой слободы при Алексее Михайловиче появляется Мещанская слобода, созданная выходцами из Западных краев Белой Руси. Московский книжный базар обильно пополняется трудами астрологов, мистиков и западных богословов. В числе наиболее почитаемых появляется Яков Бёме — виднейший идеолог Массонской Науки, крупнейший каббалист XVII в.

Петр оформил своей волей лишь то, что от него уже давно ждали верхи — боярство и канцелярщина, — он разрывает с Церковью и переносит всю полноту суверенитета на Левиафана Государство. Вследствие этого вся административно-канцелярская власть повисает в воздухе, становится беспочвенной, ибо ее законность, ее полномочия лежат только в Церкви и могут осуществляться только в согласии с Нею. Сам самодержец, становится законным государем только через таинство помазания. Разрыв с Православием автоматически означал, что власть ставит себя в положение незаконной, тиранической, чужеземной. Так чиновник в сознании крестьянина и будет до самого крушения самодержавной России восприниматься как фигура враждебная, иноземная, как «немец».

Наш известный писатель, бывший эмигрант, как-то в беседе с французским журналистом сказал, что судьбу России решил выстрел Мордки Багрова, и, что, будь Столыпин еще несколько лет у власти, Россия была бы спасена. Увы,

выстрел был сделан значительно раньше, и притом не раз и не два.

В сумерках бюрократических подземелий, в канцелярском дожде артикулов и регламентов появляется первая, еще неясно лепечущая на каком-то диком языке, смеси всех европейских, отечественная интеллигенция. Разорвав с христианской культурой, со всем ее мироощущением, ее психологией и ее личностными ценностями, бюрократическая верхушка увидела себя в полной пустоте и даже в безъязыкости. Все заново и все срочно. «Современный русский язык»... что же это за притча такая? А до современного? Был несомненный. Речь, видимо, идет о принципиальной смене всего установочного мышления. Новый язык должен был выразить самодостаточность человека, самоценность его ощущений и переживаний, в которых миру небесному и Промыслителю места не было. Горек оказался хлеб этой безблагодатной культуры.

С Петра и до наших дней происходит безудержная экспансия залежалого товара Западной атеистической культуры. Все усилия царской администрации были обращены на ввоз в страну западной литературы, создание переводческой школы, введение в преподавание иностранных языков, издание книг западных авторов на русском языке. Интеллигенция образуется на ниве комментаторства и переводов. И так — до наших дней. В начале XVIII в. читают Пупендорфа и Гроция, затем французский рационализм, сам заимствованный у античных стоиков, затем пиетизм, Шеллинг и Гегель, а далее брошюры Прудона, идеи Сен-Симона и политэкономия Маркса, как логическое завершение безытности, беспочвенности и полной нечувствительности к православной культуре своей страны. Эта книжная надуманная, искусственная культура интеллигентной бюрократии, а затем разночинной, с ее богатой обличительной, глубокой по психологическим прозрениям и философским мыслям литературой, вся лежит под знаком бесплодности и тупиковости, безысходности и бездуховности. Душевности много, много чувств и мыслей, но не духовности. Не случайно название духовной литературы закрепилось только за литературой религиозной.

Философский пантеизм стал вероисповедной формулой безытной интеллигенции. Полное оправдание зла и даже просто нечувствительность к самой проблематике зла и добра и повышенное внимание к чувственным удовольствиям — такая философия вошла в плоть и кровь тогдашних образованных кругов русского общества. Каббалистические формулировки как-то нечувствительно входят в аксиологию русского интеллигента. Это ведь у него, пантеизма, на одном полюсе самый примитивный материализм с его животной чувственностью, а на другом — тонкая прелесть того же материализма, но только душевно-чувственная — мистицизм, пиетизм. Каббалистические озарения посещают европейскую культуру с раннего средневековья и получают свое полное оформление в эпоху Возрождения и

Просвещения. Отныне добро и зло пустые понятия, выдуманные самими людьми, а есть только реальность пользы, утилитаризм. На место религиозно-церковного твердого начала ставится морализм. Но что есть мораль вне религии, вне Церкви? Опыт показывает, что мораль вне онтологии вырождается в софизм. Эта истина фундаментальная и бьет не в бровь, а в глаз всем прекраснодушным мечтателям, мечтающим, построить нравственность на атеистических началах.

Захваченная таким каббалистическим учением, как пантеизм, русская администрация на протяжении двух веков видела главную опасность для себя не в социалистах, не в революционерах, — которым, в общем-то, сочувствовала, если не в методе борьбы, то в идеях, — а в православной Церкви. При Петре устами Феофана Прокоповича Церковь была определена как потенциально враждебная государственной власти сила (см. «Правда воли монаршей», «Духовный регламент»); затем, при Бироне, в ней видели уже просто врага и стремились всячески унижить русское духовенство. В конце концов волей монаршей создается замкнутое сословие священников и это сословие оттесняется на самое социальное дно. Нищий, полуголодный сельский батюшка, обремененный семьей, бесправный и запуганный — фигура отнюдь не выдуманная. Общественная деятельность служителей Церкви категорически запрещается со времен Петра. Лишь в 1821 г. появляется первый духовный журнал «Христианское чтение», и то в первые годы — в духе масонской пропаганды «Сионского Вестника». Духовная цензура внимательно следит, чтобы живой голос иерархов и архиереев Церкви не зазвучал бы в полный голос. Но, как говорится, свято место пусто не бывает.

Создавшийся духовный вакуум быстро заполняется «внутренней церковью» и уже к 70-м годам XVIII века масонское движение со своей Наукой охватило практически «весь тогдашний культурный слой, — система масонских лож своими побегами насквозь прорастает его» (о. Г.Флоровский). В то время, как рационалисты Екатерининского времени вместе с самой императрицей, под предлогом борьбы с суевериями, накладывают запрет на литературную деятельность православных людей, масонская литературная деятельность, начав свой забег со времен Елизаветинских, в последующие десятилетия процветает. Отсюда же с 50-х годов XVIII столетия начинается и эпоха русской беллетристики.

В масонских документах ложа именуется еще школою-рассадником; а ложи внутреннего Ордена, наиболее сокровенного, именуются Университетом эзотерических и социальных наук. У масонства своя метафизика и своя аскеза. Эта метафизика — каббалистическая натурфилософия с магией и языческими обрядами, напоминающими кровавые таинства подземных богов — послужила основанием как сентиментализма, через раскрытие масонской формулы — «познай себя», так и романтизма, оккультные начала которого никто не

отрицает. Гностико-каббалистическая концепция враждебности духа и тела дала богатые плоды в общественно-политическом движении Европы и России. Не менее богатые плоды она дала и в литературном движении XIX и XX веков. Романтизм — это всегда разорванность и несводимость, это сплошные апории, и среди них главная — герой и толпа, просвещенные и профаны (цадики и невежи хасидизма из этого же ряда). И еще: с одной стороны искусственная и, следовательно, неполноценная культура, которой противостоит стихийная, «органическая», бессознательная, народная. Эта натурфилософская концепция, идущая еще от стоиков и киников, легла в основу романтических построений славянофилов.

Именно в масонстве формируется русский интеллигент. Здесь он впервые изучает всерьез западную философию, осваивает сам философский метод проблематики смысла жизни. Но здесь же он и заходит в капитальный тупик романтизма. Религия заменяется в его сердце на религиозность, которая сама есть не более как чувствительное настроение, мечтательность и томление неопределенностью. В масонстве формируется и высокий престиж интеллекта, и деление человечества на профанов, темную толпу, способную удовлетворяться внешними обрядами Церкви, и на просвещенных, «братьев сияния», которые ведут человечество к свободе и счастью. Этот ход мыслей повторится и в революционном движении, которое все держится на таком мироощущении: руководство провозглашает — «до конца, по намеченному им пути», обязательно для всего народа.

В масонстве много говорится о духовном, о борьбе с грехом, с себялюбием, с дьяволом. Этот психологизм, внимание к своим переживаниям, сердечному трепету, лег в основу беллетристики. Но еще в прошлом веке исследователь масонства заметил точно, что все оно есть утонченный материализм. Это духовная прелесть, обольщение своим «Я», которое нечувствительно заменяет Бога, как в мистических переживаниях, так и в искусственном мире художественной литературы. Символический искус, проповедуемый масонством, становится тем пленом, в котором лукавый дух захватывает человека, и он начинает творить ряды символов и аналогий, заменяя ими реальность подлинного мира. Чувственность, сентиментальный морализм масонства лишь усиливают ощущение подлинности иллюзорного мира. В известной мере это — автаркия стоиков, но очень комфортная и расслабляющая.

Романтизм вышел из недр масонских доктрин вместе с мистицизмом, который придал ему увлекательность и мечтательность. В недрах сентиментального романтизма рождается «лишний человек» нашей литературы. Напрасно пытаются найти социальные предпосылки этого человека в самой ткани русской жизни. В той жизни люди служили, а «лишние» отсиживались. Но и то правда, что, разорвав с живыми истинами

Церкви., человек чувствовал себя лишним везде и всегда. Безверие двигало человека по пути отрицания ценности того, во что он верил, что психологически понятно, и неизбежно он попадал в ложу, где строили храм Соломона на месте разрушенного храма Христа. Мир нарочитости, выдуманности, призрачности и сухого рационализма прикрывался себялюбивым мистицизмом и чувством власти, достигаемым в магии. К началу XIX в. русское общество буквально поглощено изучением мистической литературы. Кто из русских литераторов не читал увлеченно классические труды деятелей масонских лож: Сен-Мартена, Бема, Эккартсгаузена, Штиллинга, не говоря о Молиносе, Фенелоне и пр. пиетистах-мистиках. Из этой же литературы, из этого же круга идеи вели свое начало и Шеллинг, и Гегель, и их философия окончательно пленила будущих западников и славянофилов, то есть тех же западников, но только а-ла русс. В признании самоценности общины и в обличении самодержавного государства они, как известно, в конце концов, сошлись.

Из масонских же лож пришла и идея о больном обществе, которое нужно лечить. Вылечить его от всех пороков должны были философия и искусство. С одной стороны, с помощью прекрасного, а, с другой, с помощью показа пороков, от которых человек должен содрогнуться, с отвращением отвернуться и сказать: больше так не буду.

На самом деле, дело обстояло прямо обратным образом: изображение пороков в литературе служило к утверждению их в еще большей степени в сознании людей, читателей, и для социальной психологии это абсолютный факт. Обличение порока, показ его без одежд всегда есть соблазн, включающий мощный механизм приражения помыслов, примеривания на себя и совершения греха в своем сердце. Эта художественная литература, признанная по своему социальному долгу заместить религиозную потребность человека и дать ему свои, мирские, безбожные образцы поведения, — в которых Евангельскому учению просто не было места, или, по крайней мере, оно допускалось лишь в качестве литературного украшения, — делала читателей по видимости умней, чувствительней, но духовней и добрее — никогда. Порок множился. Внутренний книжный рынок был открыт для всех антихристианских учений, включая самые радикальные, в том числе социалистические, а Церковь вынуждала, по воле безверной, правительственной администрации, состоящей из тех же учеников Сен-Мартена и Беме, безмолвствовать. (См. Н.П.Гиляров-Платонов «Пережитое»).

Масонско-пиетический период первого двадцатилетия XIX в. дал очень многое для формирования общественного сознания русской интеллигенции. В 1833 г. возникло «Общество любителей» в Москве. Тем самым было положено начало славянофильству и западничеству более поздних времен. Впрочем, строго говоря, западничество началось с Петра, и со времен Феофана

не обнаружило никаких признаков к творческому развитию. Романтизм, имевший оккультные корни, породил лишь одно творческое направление в русской жизни: славянофильство и определил, кроме того, магистральную линию русской литературы. Революционно-разрушительное направление, созданное им, вряд ли можно считать творческим движением.

Любопытно, что «любомудры» увлекаются Спинозой и европейскими мистиками-каббалистами. Кошелев вспоминал: «Мы высоко ценили Спинозу и его творения считали много выше Евангелия и других священных писаний». Очень высоко почитались Кант, Шеллинг, Фихте, Бэкон и проч. В центре внимания новых философов московского кружка, — художник. Он — Демиург, творец жизни, он — преобразователь всей человеческой жизни. Он — квинтэссенция всей человеческой культуры. Этот взгляд на художника свойственен для всего романтизма и характеризует нарочитость, надуманность и мечтательность всего этого направления мысли и чувства в общественной жизни.

В этой постановке проблемы художника как Демиурга нельзя не увидеть прямого воздействия эзотерических идей тех же масонских лож, идей, идущих от гностиков-неоплатоников и Филона Александрийского. Демиург, Мастер, тот, кто творит из готового материала по заданному, вложенному в материю плану нашу видимую Вселенную — центральная фигура всей оккультной космогонии. Это ему, Великому Мастеру, поют гимн в масонских ложах, он — отец всех сознательных, меньших мастеров, имеющих его, Великого, в качестве образца. В этой метапарадигме искусственность, воображение, мечтательность ставятся на место реальности, созданной Богом. Искусство ставится на место реальности и художник становится на место Творца. Грех, непослушание Богу, отпадение от Его воли, выраженной в Заповедях и учении Церкви, заменяется на эстетическое представление о нечистоте, грязи. В аксиологию в качестве чего-то главного, основного, вползает эстетика, ибо этика вне субстанциальных добра и зла теряет всякий, смысл. Именно это обесмысливание морали, начавшись с морализма, привело общество, образованное на рациональной философии и эзотерических учениях, к признанию эстетики, стержнем всей человеческой жизни. Наглость такой эстетики, искусственность, геометричность и сухость — очевидны.

От искусства теперь ждут спасения, и вот уже: «красота спасет мир». Падение и разлад в существеннейших основах бытия, выражающийся в беспрерывном сектантстве, порождает беспочвенность и неуверенность в своих творцах. Отсюда так много героев этих творцов литературных произведений мучаются бесцельностью, обвиняют всех вокруг, а прежде всего некий «царизм», не желая учить, лечить, строить и защищать отечество. И даже там, где они лечат, учат и защищают, они ноют, мучаются своей неприкаянностью. То есть то, что для любого нормального человека является делом всей жизни,

для литературных героев XIX в. — лишь пустая суета, настоящее для них призрачно и невесомо. Итак, от Онегина до пафоса Чехова и Горького.

Первый романтик В. А. Жуковский и тот такими критическими словами благословлял гр. В. А. Соллогуба на «роман».

«Но только избавьте нас от противных «Героев нашего времени», от «Онегиных» и прочих многих им подобных, которые теперь в литературе заменили Шписовых рыцарей, Лафонтеновых сентиментальных пасторов, студентов и гезелей, произведений покойницы Радклиф, которые все суть не иное что, как бесы, вылетевшие из грязной лужи нашего времени, начавшиеся в утробе Вертера и расплодившиеся от Дон-Жуана и прочих героев Байрона». (Из бумаг В. А. Жуковского. «Русский архив», 1896, т. 1).

Место чувствительной добродетели, не без примеси сентиментальной эротики, от которой не был свободен и сам Карамзин в своих рассказах, до конца века занял эстетизм.

Для Александровой эпохи, для 20-х годов XIX в. характерно и появление первых исторических систем. Все эти системы образуются под влиянием все тех же европо-центристских идей. Общий план был задан «теократической школой» масонских писателей с их «святым царем», правлением «священнического сословия» избранных (см. «О заблуждении и истине», «Начертание Новой теологии»), призванных управлять всем миром. Эти идеи вдохновляли еще московских братьев Розового Креста прошлого, XVIII века, и они и далее получили распространение в XIX веке. Известно, что идеи этой теократической школы сомкнулись с идеями социалистов. Государство, которое стало священным в силу того, что оно образовано «священным сословием» жрецов «внутренней высокой церкви», великих архимагов, неизбежно становится принадлежностью всего этого сословия и имеет все черты социализма. Недаром, главный идеолог социализма, наиболее почитаемый в России в первой половине XIX века — Сен-Симон, был членом самого радикального крыла в масонстве — иллюминатов. Впрочем, чаша из храма Соломона не обошла и самого Прудона, как и других социалистов.

Чаадаев, как известно, заимствовал свою историософскую систему у французских «традиционалистов», в том числе воспитанника иезуитов, масона и неокатолика, Ж.де-Местра. Россия, согласно этим представлениям, оказывается выпавшей из всего исторического хода мировой истории, и русский народ объявляется в числе тех, кто не имеет своей истории. Несколько позже, тем же Чаадаевым, а затем в Герценовском кружке, Россия объявляется уже в числе избранных. Теперь, среди новой поросли интеллигенции, поставившей себе целью разрушить страну со всей ее культурой и бытом, всей ее религией, начинает бытовать новая концепция. То, что страна не имеет своего прошлого, вменяется ей в заслугу. Раз она не обременена прошлыми

долгами и грехами, тяжелыми веригами культуры, значит, у нее есть великое будущее, и она принесет свободу всему человечеству. На все лады перепевается новоизобретенное словосочетание: «молодая Россия». Прошлое одним махом новоявленных идеологов объявляется как бы несуществующим. Эта нечувствительность к реальности истории, которой была переполнена русская жизнь, просто поразительна. В созданном романтиками вакууме требовалось срочно созидать новую безбытную, надуманную культуру, некий комментарий к французской и немецкой, такой же внеисторичной, и беспочвенной, ибо созидалась она теми же силами.

Итак, свобода от прошлого. В этом уже лежит стремление к упрощенчеству. История культуры объявляется тяжелыми веригами на пути свободы. Сама культура уже видится как нечто внешнее, тяжелое, мешающее свободе духа. Этой свободе в дальнейшем мешает и частная собственность, и житейский достаток. Этот глухой каббалистический дуализм духа и враждебного ему тела скажется и на социальной доктрине социализма, породив его из себя со всеми его прелестями и обольщениями — от мифической «социальной справедливости», до необходимости нищенского существования, освобождающего человека от «вещизма».

Так, русским, лишенным по воле новой поросли, «передовой» интеллигенции прошлого, предрекается великое будущее, теперь это уже — народ Божий, он несет в себе мессианскую задачу. Теперь он — носитель одной роковой идеи, он народ-мессия. В этнической общности русский народ становится носителем идеологической заданности. В этой теории нельзя не видеть лукавой и нечистой мысли. Чаадаев, Герцен, Огарев, Бакунин и др. нуждаются в народе-мессии, ибо именно для себя они готовят его под пушечное мясо своих будущих социальных экспериментов. В такой безответственной игре словами есть своя прелесть. Все, кто не выполняет задачу мессии, попадают легко в разряд не-народа, и тем самым как бы сами себя обрекают на уничтожение, как не справившиеся со своей исторической задачей. В конце XIX в. такая же задача — освободить человечество — будет возложена на рабочий класс. Теологическая фразеология, выйдя из пределов эзотерической Масонской Науки, будет формировать идеи революционеров. Никто из этих покусителей на роль пророков и вождей, на роль «просвещенных», не знал русской истории и не имел внутреннего опыта той духовной жизни, которая формировала русскую культуру и определяла лицо народа.

Конечно, без признания народа мессией революционная деятельность была бы невозможна. В этом лживом признании — все изуверство, весь иезуитизм «передовой» мысли.

Славянофилы, воспитанные на тех же образцах, что и западники, в большей

мере, чем остальные, восприняли идеи натурфилософии. Они стоят на «органической» точке зрения происхождения народной культуры из бессознательной стихии. В этом учении слышится тоска по цельности, по единству, по социальной гармонии. В этой тоске слышен и голос «Неизвестного философа» Сен-Мартена. Община в их учении — величина не историческая, а этическая. Социально-нравственные начала явно преобладают над религиозными. Социальная проблематика вместе с нравственной, характерна вообще для внерелигиозного восприятия бытия. Моралистическая проблематика стоит во главе угла и самого марксизма. Каждый, кто возьмет на себя труд прочитать сочинения классиков материализма должен будет отметить это преобладание моралистики как в критике существовавшего строя, так и в телеологических построениях. Понятия справедливости стоят во главе как критики, так и должного. Даже в определении революционной ситуации, как мы помним, звучат два чисто субъективистских представления: верхи не могут, низы не хотят... а весь наличный строй несправедлив.

Этические представления берут верх в славянофильских построениях. Кроме того, сильно сказывается и влияние мистико-манихейского дуализма. Община объявлена душой народа, в ней свобода, в ней подлинный быт, традиции и нравственные ценности. Государство оценивается Аксаковым как нечто внешнее и насильственное. «Русский народ государствовать не хочет... Он хочет оставить для себя свою не политическую, свою внутреннюю общественную жизнь, свои обычаи, свой быт, — жизнь мирную духа... Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной, — народной жизни внутри себя...» пишет он в своей известной записке Александру II в 1855 г. И далее, в духе того же дуализма внешнего и внутреннего, он произвольно толкует от имени всего русского народа слова Спасителя о двух Царствах — внешнем, «от Мира сего» и внутреннем, «не от Мира сего». В том же духе пиетизма, мечтательного мистицизма, насаждавшегося в свое время масонским издательским предприятием новиковского кружка, он пишет в этой записке о Царстве Божиим, которое внутри нас есть. Община, душа, внутренняя свобода — противопоставляются мирской суете, коре внешних, государственных тягот, от которой надо освободиться. В этой сектантской, мистической трактовке внешнего и внутреннего, в этом притязании говорить от лица всего русского народа — много от идей масонских лож. Внеисторичность всех этих суждений очевидна. Пройдя искус западной философии, многими нитями, в том числе родственными, связанные с мистицизмом новиковского кружка и всех идей московских розенкрейцеров, славянофилы несли все тот же утопический яд гностико-кабалистических доктрин. Не обошла их и доктрина теократического царства со «святым царем» и царством свободы духа, освобожденного от оков государства в его историческом и культурном бытовании. Сама Церковь

опроцается славянофилами до идеи социальной общности. К мистике православной Церкви они были по сути глухи, что отмечалось не раз и иерархами Церкви, и более поздними философами. Их церковь, это по существу та же внутренняя, мистическая церковь внеконфессиональная, что и церковь масонов, братьев «высокого» Ордена.

На путях русской истории общественных движений сошлись идеи анархиста Бакунина, с его выдуманной русской общиной, как готовой ячейкой будущего справедливого социализма, и идеи славянофилов касательно той же общины, и тоже как начала социалистического, где не будет никакой частной собственности, этого главного социального греха, несущего разлад, распад общества на атомы-личности. И та, и другая сторона отрицает государство и борется за его уничтожение: государство — тело, плоть гностиков, начало враждебное свободе духа по самой сути, и должно быть уничтожено. Большевики довели идею государства, как абсолютного зла, до самоочевидной для всех нас истины.

Утопия напозла на Россию, все нивелирующая и разлагающая. И славянофилы и западники отрицали историю Русского государства и само их историческое мышление, нечувствительное к реальности его и быту, к психологии и особенностям русского народа, было крайне безответственно. Под пером философов и романистов, русский народ терял свои национальные черты и становился носителем какой-то вселенской идеи, которая всех во всем мире объединит. Этот символический схематизм, с его притязательными поползновениями лишить народ реального и повседневного бытия и превратить в идеологическую вывеску вселенской идеи по Шеллингу стал подлинным проклятием русской мысли XIX века. Эта мысль, воспитанная на мистическом пиетизме и отвлеченном геометрическом схематизме школ-рассадников масонских лож, была способна лишь на голый символизм и беспочвенность, на замыкание в самой себе.

Правительственный аппарат, подавив общественную активность Церкви, создал духовный вакуум. Из предполагаемого опасения породить у верующих вопросы в делах веры запрещали печатать богословские труды, книжки христианского содержания для детей, юношества; долго не решались издавать Библию на русском языке и совсем запрещалось издавать критику на другие верования, почти не было критики материалистических учений. В результате создавалось впечатление, что священнослужителям Церкви нечего было сказать. Консервативные охранительные силы России, такие лица, как обер-прокуроры С.Д.Нечаев (1833 — 1881) затем граф Н.А.Протасов, К.П.Победоносцев не столько охраняли Церковь, сколько охраняли русское общество от Церкви. В этом факте — вся печаль и обида русской истории прошлого века. Этот консерватизм был порожден маловерием в силу Слова Божьего и в силу Церкви все обнять, все понять и все осветить своим

благодатным светом — всю науку, все искусство, всю человеческую психологию. Потому-то пошлому по своей сути толстовству и нашлось место в русской интеллигентной жизни. Мещанское толстовство отвечало мещанской сути русского революционерства.

Масонство оказывало глубокое влияние на все формирование русской культуры не только во времена екатерининские и александровские, но и в последующие десятилетия. И не только в теоретическом смысле, но и во влиянии на личные судьбы творцов русской культуры.

Едва ли не самая трагичная фигура среди них — Гоголь. Он воспитывался в Нежинской гимназии, созданной как лицей графа Безбородко. Здесь Гоголь прошел полный курс либеральной мысли и был опален дыханием масонских идей, с их явным безбожием и кощунственным по отношению к Церкви направлением. Здесь преподавали крупные масоны Орлай, Зингер, Шапалинский, Белорусов. Вся среда, в которой рос Гоголь, была пронизана космополитическим направлением и неприятием России в ее наличном духовном историческом составе. Трощинский, Капнисты, семья известного масона Лукашевича, двоюродные племянники которого учились вместе с Гоголем — все это вместе создало то гнездо масонской идеологии, которым стала гимназия. Здесь среди учеников было создано тайное братство (см. Машинский: «Гоголь и дело о вольнодумстве»).

То, что большинство преподавателей в гимназии состояло членами масонских лож, не могло быть случайным. Преподавание велось в духе исключительно враждебном царствующей династии и вероучению православному. В преподавании «естественного права» проводилась мысль о законности мщения, о неправомерности самодержавия, у учеников воспитывалось презрение к учению Церкви. Учили лгать и лицемерить. Гоголь вышел из гимназии законченным романтиком и меланхоликом. Он был опустошен, и пароксизмы самой черной тоски охватывали его по вечерам, когда он приходил после службы домой. Чтобы спастись, он в эти черные минуты брался сочинять что-нибудь смешное для себя.

По воспитанию он был западником, и таким и остался. России он не понимал и не чувствовал. Он ее выдумывал. Он создал карикатуры и маски. Однажды наступил момент, когда он понял, что его талант используют разрушители России, и что он им нужен только в качестве разрушителя, обличителя, карикатуриста. Он содрогнулся, обиделся и пытался вырваться из смертоносных объятий своих «друзей», и был записан ими в сумасшедшие. Это предательство тех, кого он считал своими близкими, ускорило его конец. Трудно найти в мире человека, который был бы так одинок в последние месяцы своей жизни, как Гоголь. Он жил не среди друзей, а среди идеологов, и понял это слишком поздно. Страшное раздвоение всей его личности

сопровождало его всю жизнь, и начало этому раздвоению было положено самим воспитанием в отвлеченном круге беспочвенных идей масонских лож, идей гуманного романтизма с их тупиковым исходом в мечтательную сентиментальность, презрение к настоящему и вечное ожидание никогда не наступающего будущего. Из этого же круга идей и его осознание себя пророком, витией, это обольщение гордыней, которое едва ли не более других обольщений заслоняет от человека духовный опыт абсолютной реальности и трезвости — опыт Церкви. Гордыня — это роковое наследие того тайного братства в гимназии, членом которого Гоголь состоял. О том, что его отношение к России имело сознательно негативное направление в первые годы по окончании гимназии — говорит и то характерное письмо Погодину, в котором он советует изображать русских бояр поглупее и посмешнее, причем чем ближе к престолу, тем глупее. Россия и в дальнейшем оставалась для него лишь мечтой. Он не видел разницы между православием и католичеством, и не видел необходимости обратиться к учению Церкви: «...религия наша, как и католическая, совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменить одну на другую. Та и другая истинна...» Так никогда не мог бы сказать человек, который имеет хоть малую толику реальной веры и церковного опыта. Но так мог сказать человек, прошедший сквозь космополитическое горнило религиозного экуменизма, в котором все обряды есть пустая формальность и все они — одно в разных формах. Эта школа бездуховного пиетизма, насаждаемого масонскими ложами, делала человека религиозно нечувствительным и неверующим.

Для Гоголя, как и для многих других творцов русской литературы, в какой-то миг вдруг обнаружилось, что магия искусства иллюзорна. Вместо всесилия — двусмысленность, делающая его бессильным. Результат воздействия непредсказуем. В искусстве дух не находит себе пропитания и еще более алчен. Добрый и злой равно наслаждаются творением гения, но добрый остается добрым, а злой злым, и каждый находит в ней себе оправдание. Эта суровая правда открылась Гоголю и, возможно, отсюда его влечение к прямой поучающей речи. Но плащ пророка, заимствованный им у романтической эпохи, оказал ему плохую услугу — он больше раздражал, чем поучал. Его «Выбранные места из переписки с друзьями» это вся та же идея, «священного царства».

Это то же «истинное государство верующих», проповедуемое в «Новом начертании Истинной Теологии» европейских масонов конца XVIII века (см. также соч. Гаугвица «Пасторское послание», пер. 1785 г.). Теократическая идея строителей нового общества на земле, общества муравейника, в котором личности нет места, как нет места и личному выбору, а, следовательно, и нет места любви, добру и самой морали, в основании которой всегда лежит свобода выбора, эта еретическая утопия нашла место и в идее Гоголя, слегка

прикровенная ссылкой на Церковь православную. Но это прикровение менее всего могло обмануть читателей, искушенных в мистической и религиозной литературе. Видимо, в какие-то моменты и сам Гоголь чувствовал, что находится под воздействием обольщения, а потому и писал: «Дивись, сын мой, ужасному обольщению беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела. в наши мысли и даже в самое вдохновение...»

Государство заслонило собой и даже просто заменило Церковь. Оно само стало священным, и Церкви в нем отводится подчиненная роль одного из департаментов по делам... вероисповедания. Чиновник и монах — оба одинаково гайки и винтики священного механизма Единения и Порядка. Губернаторша и помещик у Гоголя должны, как мы помним, поучать священника, заботиться о распространении Библии, быть наставниками простого народа. Все, как во времена расцвета масонско-пиетического Библейского общества Александровской эпохи. Точно такую идею подробно развивал и Сен-Мартен в своей программной книге «О заблуждениях и истине» (1774 г.). Недаром она пользовалась большой популярностью и среди московских «любомудров» в 30-е годы.

Гоголь не вышел из пределов мечтательного, неопределенного, мертвенного пиетизма и сентиментального морализма... Морализма у него много, и совсем нет действительной церковности. И именно поэтому «Выбранные места» не понравились ни о. Матвею, ни свт. Игнатию Брянчанинову, ни Григорию Постникову, также, впрочем, как и К. Аксакову, увидевшему в них западническую, теократическую идею. Оптинский старец Макарий по этому же поводу писал: «...Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но для религии этого мало. Чтобы она была истинным светом для человека собственно и чтобы издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходима и нужна в ней определительность. Определительность сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего, кажущегося истинным. Посему, желающий стяжать определительность глубоко вникает в Евангелие, по учению Господа, направляет свои мысли и чувства... сперва просвещение истинною, потом просвещение Духом. Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение, как смешанное, умерщвляет его, чтобы Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если же человек будет руководствоваться, прежде очищения его истинною, своим вдохновением, то он будет издавать из себя и для других свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом, более или менее. (...) Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что он издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного, неясного, безотчетного, душевного, а не

духовного... так как сочинение есть непременно исповедь сочинителя, по большей части им не понимаемая и понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств и в ней различил свет от тьмы, то книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение. Желательно, чтобы этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристани истины, где начало всех благ» (см. Концевич «Оптина пустынь», с. 593).

Романтические идеи, рожденные в недрах масонской натурфилософии, выплеснулись на улицы русской жизни и приобрели разные очертания.

Это и «Священный Союз», и идея Александра I и кн. Голицына создать священное царство вне Церкви путем библизации всего русского общества, и слияние Святейшего Синода с Министерством народного просвещения, и образование сугубого «министерства» кн. А.Н.Голицына, это и идея Сперанского, создать какой-то особый корпус священников, во многом осуществленная, это и попытки создать из священников врачей и пахарей в 40-е годы. Отвлеченный мистицизм породил желание истончать реальность до отвлеченного символа и «ликвидировать» народ путем замены его на идеологическое клише. В приписывании народу роковой черты спасителя, мессии мы видим тот же символотворческий романтический порыв. Но символотворчество всегда не только упрощает, но и уплощает, лишает реальность субстанциальности и многообразия.

В волну неопределенного гуманизма попало не только творчество любомудров и Гоголя. Эта идеологическая зараза не миновала и Достоевского, у которого этот сентиментальный, душевный гуманизм так часто неискушенными в религиозной жизни людьми принимается за христианство и церковность. В самом деле, все, что сказал старец Макарий по отношению к Гоголю, вполне применимо и к Достоевскому. У него тот же свет душевный, очень чувствительный, зачастую надрывный до какого-то крика тон, но ясности и духовности — никакой. Потому он так и нравится людям душевным, что созвучен им и служит упоительным соблазном заменить суровость Слова Божия и трудного тесного пути в Царство Божье на некое подобие этого Царства, но не требующее от человека отречения от себя и трудного делания в церковной оgrade. Велик соблазн... Достоевский отрицал первородный грех и проповедовал морализм в духе Руссо. «Из этого вытекает, — пишет Концевич. — что созданный им тип о. Зосимы не совпадает не только с оптинскими старцами, но даже с ликом всех преподобных Православной Церкви» (Концевич, 598). В моралистическом христианстве Достоевского все явления объясняются естественным образом. Здесь полная параллель с «Отцом Сергием» Льва Толстого. У Достоевского отчетливо звучат идеи, характерные для иудаизма.

Дуализм гностиков и манихеев, сконцентрированный в каббале и тщательно штудируемый в ложах, облекся в русской общественной жизни в яркие одежды социальных чаяний и революционных порывов. Настоящее в романтическом настрое — это всегда скука, это всегда косность и тоска. Романтизм живет ожиданием будущего, которое никогда не наступает. И эта тоска и ожидание будущего стало лейтмотивом всей русской литературы XIX века. В этом умонастроении легко находит себе место и обличительный пафос. Вспомним и «Вишневым садом» Чехова, где герои так упоительно взывают к будущим красивым людям, вспомним эти завывания о сверхчеловеках, этих красавцах и умницах, которые будут жить «после нас». Еще один шаг и вот все настоящее не более, чем навоз для прекрасного будущего.

Вместе с уплощением шло и опрощение, вражда к христианской культуре, которая враждебна «простому» человеку и ему не нужна. Писарев, Добролюбов и весь русский нигилизм — это только логическое следствие того же романтизма с его ожиданием примитивного будущего и отрицанием бездонного по своему богатству и ценности настоящего. Многообразие жизни и ее божественная цельность, ответственность за каждую былинку, уступают в романтизме желанию все переделать по своему, по своим меркам «социальной справедливости». Что из этого получилось — нам известно лучше, чем кому бы то ни было в мире.

Всей этой грандиозной и чисто дьявольской утопии, которую несла магистральная, романтическая линия русской литературы, противостоит лишь реальность, вернуться к которой и быть с которой великая задача человечества и каждого человека. Путь к этой реальности, как делу всей жизни — это путь духовного трезвения, путь умного делания, это путь борьбы с своими помыслами, мечтательностью и тонким самообольщением своим «я», это путь Православной церковной жизни по вероучению Св. Отцов. Реальность мира Божьего или мечтательный мир темных сил, в котором человек видит себя творцом всего сущего, наделенным всемогуществом, — третьего не дано.

ЛИТЕРАТУРА И ДУША ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

То, что мы называем «культурой», сводится к набору многочисленных признаков и явлений, перечислять которые было бы сложно. Как говорят специалисты, существует более пятидесяти определений слова «культура». И к этим определениям можно добавить при желании еще примерно столько же. Любопытно, однако, что само это слово на Русской земле появилось, едва ли не в конце века восемнадцатого, то есть тогда, когда безбожие на Руси шло полным ходом и нужно было как-то определить новую идеологию, новую религию и новые верования, устремленные на мирское благополучие и создание на земле царства Астреи, то есть, по-нынешнему, коммунизма, или,

по-иудейски, «гао-лам габа», рая на земле. «Культура» не было в Московской Руси, а в Петровской, Петербургской она вдруг появилась. Откуда, с чего, с каких рыжиков? И вдруг выяснилось, что какие-то ее проблески были и в допетровской Руси, но так себе, кое-что и совсем мало. Теперь тоже мало, но будет много. С этой верой в неизбежность накопления «культуры», когда ее станет очень много, и наступит полное исчезновение всех вредных привычек человеческих, не станет воровства, убийств, угнетения богатыми бедных и не станет даже и самих-то бедных, как, впрочем, и богатых, рождались, жили и умирали целые поколения русских образованных на западный лад людей, часто вовсе неглупых во всех отношениях. А самым некультурным был, понятно, крестьянин. Он не читал романов, ничего не знал об Антоне Рубинштейне и даже о Пушкине чаще всего ничего не слышал, не говоря уж о Толстом, или, на худой конец, о Фейербахе или Гегеле. Писарев, апостол этой детской веры в преобразующую роль «культуры», уверял из статьи в статью, что от того у нас есть душегубы и воры, что мало образования, мало знают беллетристику, биологию и физику. И как только удастся всех поголовно загнать в школы, так и наступит рай земной. В этой же детской и примитивной вере в исцеляющую роль искусств и наук пребывали и все наши народные и революционные демократы от Чернышевского до Михайловского включительно.

Главная вина «царизма» в том и состояла, что он, этот самый «царизм», не мог обеспечить всем начального образования. Не мог покончить полностью с таким «мракобесием», как церковно-приходские школы, не мог позакрывать источник «мракобесия» — церкви и организовать на их месте амбары для зерна, склады и клубы с «кофием» и чтением утренних газет с папироской в зубах для местных крестьян.

Но то, что внимательное изучение романов и повестей, стихов и умных очерков способно сделать род человеческий совершенным, никто из деятелей этой «культуры» в этой истине не сомневался ни на секунду. Именно в борьбе за эту «культуру» они и расшатывали основы государственного, общественного и даже семейного быта, провозглашая «свободную» любовь и равенство полов. Революционно-освободительное движение в России началось, как известно, со скандала устроенного пьяными студентами Московского университета в публичном доме в 1855 году, как вспоминает современник событий известный публицист и издатель газеты Н. П. Гиляров-Платонов.

Конечно, в придачу к магическому действию беллетристики, именуемой теперь художественной литературой, предполагалось посылать вдогонку и знания всяких там естественных наук. Но, правды ради надо сказать, что сами эти науки находились, строго говоря, в тисках идейных демагогов, и этим наукам ставилась цель доказать, что Бога нет, что человек от обезьяны имеет честь произойти, что материя вечна, и жизнь появилась согласно учению оккультистов, то есть самозародилась. Все эти идеи были заранее внесены в

научную область, и сами факты менее всего интересовали тех, кто говорил от лица наук.

Среди всего набора тех явлений, что были объединены словом «культура», первостепенное значение в России приобрела художественная литература. Ее появление и развитие знаменовало собой появление новой «религии» в качестве господствующей в обществе, но вовсе не новой в своем существе. Историки литературы единогласно отмечают, что развитие художественной литературы знаменовало появление интереса к человеку, к его чувствам и мыслям, к его переживаниям и надеждам. То есть выражало собой обожествление греховной природы человека, вернее, природы, поврежденной грехом. Вместо Богочеловечества теперь пришло человекобожие. И если Церковь Христова учила и учит человека стремиться к единству с Богом через подражание святым подвижникам ее, то человекобожеская религия погружает чувства и мысли человека в состояние наслаждения чувственным и порочным, нередко прикрытым благородными мечтами и возвышенными целями, вроде «освобождения человечества от оков рабства» и «угнетения слабых сильными». На первое место вышло отношение человека к человеку вне всякого отношения к Богу, что характерно для иудаизма.

История появления беллетристики в России насчитывает всего два с половиной века и хорошо известна в своих главных чертах. Она началась, как переводческая, в сущности уже во времена Екатерины Второй. У ее истоков мы видим исключительно масонов. Нет никакой нужды их перечислять. Пришлось бы перечислять всех наших тогдашних писателей, переводчиков и стихотворцев. Более того, это внедрение в Русское общество непривычной для него литературы стало делом государственной важности, и в него включились как собственные придворные (и сама Императрица в первую очередь), так и масонские сообщества, специально для этой цели создававшие издательства, первые в России. Указ Императрицы о вольных типографиях¹ много помог этому предприятию. А ведь оно было очень дорогостоящим. Нужно было оплачивать штат переводчиков, создавать типографии, закупать бумагу, создавать сеть магазинов, платить гонорары и так далее. Все это ни в какой степени не окупалось и требовало дотаций.

Тот, кто захочет узнать степень распространения при Екатерине Второй и Александре Первом масонства может ничего не читать на эту тему, но зная лишь поверхностно масонскую символику, пойти на кладбище Донского монастыря в Москве. Почти все могилы того времени, включая и женские, имеют богатейшую оккультно-каббалистическую и специально масонскую

¹ Указ 15 января 1783 г. «Полное собрание законов», т. XXI № 15.634. Им уничтожалась казенная монополия и объявлялась свобода типографского промысла, в сущности — свобода печати.

символику. Этот факт, сам по себе, почти поразительный в сопоставлении с мыслями о том времени, как о времени влияния на Русское высшее общество французского просветительства и появления беллетристики, как некоего нового «религиозного» жанра, человекобожия, не может не навести на многие плодотворные мысли. В обществе, исключительно религиозном по своей настроенности, где любое явление общественной жизни, любая идея приобретала воистину всеобщее, религиозное значение, очевидно, и появление художественной литературы приобрело всеобщее и даже религиозное значение. Появляются всевозможные жанры, созданные идеями, культивировавшимися в масонстве: сентиментализм, романтизм и их варианты.

Воскрешаются имена языческих божков и кумиров на страницах журналов и в сочинениях писателей. Журналы Новикова несут весь мрак язычества времен упадка Римской Империи. Банальные рассуждения о страстях человеческих, о цели жизни, о долге и «достоинстве человека» наполняют новые журналы, в том числе и новиковские, то есть издаваемые московскими розенкрейцерами.

Любопытно, что к концу двадцатых годов XIX века относится одна Записка, адресованная, видимо, Императору Николаю Первому по поводу причин бунта на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Автор указывает преемственную связь между этим бунтом и семенами, посеянными новиковскими журналами и прочими изданными им книгами.

В отличие от некоторых современных писателей, числящихся в лагере патриотов, и поющих осанну розенкрейцерам в лице Новикова, анонимный автор оказался более прозорлив и точен.

Для новых целей нужен был и другой язык. И вот армия переводчиков с немецкого и французского села за создание такого Русского языка, который был бы приспособлен для новой цели. Его, Русский язык, в этих целях, корежили, вычищали, вводили новые слова. Московские розенкрейцеры создали даже на свои средства Переводческую семинарию. Они знали дело хорошо.

Многие грамматические обороты в современном Русском являются просто калькой с французского языка. Точно также создавали и новые слова, способные передать смысл иностранных слов. На эту тему имеется специальная литература, и поэтому я не буду долго распространяться о сем предмете. Так, например, сошлюсь на Алексея Николаевича Толстого, который посвятил исследованию этого вопроса отдельную работу <...>², поведение героев, их мысли и поступки неизбежно становятся моделью для общества. Литература сочиненная сама формирует поступки людей, их образ мышления и

² Так в тексте. — OCR rus-sky.

внушает представления о должном и презируемом. Причем, совершенно языческим образом. Возникает вопрос: можно ли считать литературу реалистичной, коль скоро она точно отражает нашу жизнь. Нынешнюю и прошлую. Здесь я сошлюсь на замечательную статью протоиерея Михаила Труханова, кандидата богословия, в журнале «Держава» (1996, № 1), озаглавленную «Мысли, вдохновенные Святым Духом... Объективная ложь сочинительской литературы».

«Литература отражает жизнь», — говорим мы, повторяя чужие слова. И немного найдется людей, способных увидеть изъян в самом этом выражении. А между тем, возникает вопрос:

Какую именно жизнь отражает художественная литература? — жизнь, полную лжи, погрязшую в словоблудии, мелких дрызгах, в «грязной тине страстей плотских»?

И богослов протоиерей Михаил замечает по этому поводу: «Посему и не может быть достопорядочности и правды в сочинениях тех авторов, которые сами будучи рабами плоти, рабами страстей... уловляют читателей в плотские похоти». Итак, существует ли, строго говоря, реалистическая художественная литература? Правда жизни — это праведная жизнь, жизнь по правде Божией, по истинным словам Бога. И следовательно, такую жизнь изображает нам житийная церковная литература. Именно она и является правдивой. Она изображает нам правду во всей ее жизненной конкретности. За все века жизни человечества мы имеем изображение этой правды, начиная с Библии. Изображение же греховной жизни, незаконной и ложной как бы точно это изображение ни было, есть изображение лжи во всех ее оттенках. И именно изображение такой жизни, «чисто человеческой», вне Бога и праведности, и посвящена беллетристика как таковая. Она является ложью сама по себе. Вместо жизни по правде она дает суррогат жизни, изображая не саму жизнь, а ее разложение, умирание, бездуховность. Духовная литература ставит себе целью возрастание в человеке начал духовности через сознание своего недостойнства перед Богом, через сокрушение о грехе, через покаяние... В усвоении духовной литературы человек учится не только правильно мыслить, но и правильно жить. Слово и дело в духовной литературе реально совпадают, чего не скажешь о беллетристике.

Сколько ни читай о благородстве героев романов, благородства не прибавляется в читателе. Ибо правда и сила только в Боге. «Жизнь же во зле, в грехе — есть умирание», — заключает богослов протоиерей Михаил Труханов.

Многочисленные романы, повести и рассказы, как и поэмы и стихи, не сделали нашу жизнь ни лучше, ни добрее. Они дают читателю иллюзию добра и благородства, а не добро и благородство, иллюзию любви, но не любовь...

В пределах обсуждения темы нужности и полезности художественной

литературы обычно, при переходе к конкретным именам, ставятся вопросы такого типа: «Как, ты критик, посмел поднять руку на такого-то?! Да знаешь ли ты, несчастный, то такой-то просто святой человек, не говоря о том, что он — гений!» Конечно, в искусстве есть свои гении и свои пигмеи. Но вопрос в другом: а что нам от этой гениальности, что получает наша душа от глубоких переживаний героев и замечательных описаний природы... Вопрос: всякая ли гениальность полезна для человека и общества? Ответ содержится в правильной постановке вопроса. Реальный факт: языковая стихия обществ, выросшая на сочинительской литературе, бедна, отличается скудостью выразительных средств, бедностью образного строя речи. В то же время речь деревенских жителей богата и образами, и точностью определений, и глубиной сравнений. Деревенский, простонародный язык богат — городской беден и примитивен. А ведь, кажется, должно было бы быть наоборот. Пушкинский язык один чего стоит. Увы, не стоит и одной копейки в сравнении с простонародным.

Общества, которые замещают религию художественными произведениями, духовно мертвы, бесхребетны и безвольны. Мы часто путаем, к тому же, воспитание и образование. Светские науки, искусства наполняют человека миллионом ненужных сведений, рассеивают его волю и погружают мысли в атмосферу подражательности и испуга перед самим собой. Религия же в первую очередь воспитывает человека и нацию, делает личность цельной.

Совершенно очевидно, что в сущности, невозможно совместить мирское и духовное. И если многие из нас пытаются это сделать, то только потому, что мы малодуховны и тешим себя надеждой, что несмотря на все предупреждения Спасителя, можно служить и Богу и маммоне. И так хорошо пребывать сразу на двух стульях! Но это пустая надежда.

Не следует себя мучить вопросами, заданными умом праздным и мирским, вроде, нужен ли нам Пушкин или Лермонтов? Протоиерей Михаил Труханов отвечает так, в целом:

«Из сказанного о сочинительской литературе напрашивается вывод: не читать вовсе». Если же это невозможно, то нужно последовать совету Василия Великого: «к юношам о том, как получить пользу от языческих сочинений: брать то, что «нам свойственно и сродно с истиной, остальное будем проходить мимо». Василий Великий далее советует «оберегать душу, чтобы, находя удовольствие в словах, незаметно не принимать чего-нибудь худого, как иные с медом глотают ядовитые вещества».

Мы воспитаны на Пушкине и Лермонтове, Гоголе и Чехове, как поколения древних римлян и греков перед явлением Христа были воспитаны на Вергилии, Гомере, Феокрите, на Платоне и Аристотеле. Но есть разница. Те творили до пришествия Христа, мы же находимся в состоянии отпадения от Христа,

апостасии. Они не имели явленной Истины, мы же отрекаемся от Нее ради игрушек языческого мира. Но те, древние, в лице своих лучших представителей стремились искренне к Ней, мы же столь же искренне от Нее отрекаемся ради похотей примитивного бездуховного ума, ради удовлетворения своих греховных наклонностей. Есть разница? Есть, и принципиальная.

Так что же такое светская «культура»? Ответ на этот вопрос представляется очевидным: это есть человекобожеская религия, отвергающая Истины Христова учения и выдающая бессмертие только в делах коллективного человека, который «все может САМ». Это «религия Труда и Этики», религия «чисто человеческая». Но последние определения принадлежат масонству, которое именно так определяет свое учение. Культура — это культ поклонения Человеку, в котором все свято и греха нет. Это культ поклонения коллективному человеку, в котором отдельные персоны складываются в общества. Она, «культура», основывается на теософской мысли, что сам Бог осуществляет Себя только через дела человеческие. Тогда человеческое общество в лице «избранных» есть становящийся Бог. Вот, собственно говоря, религиозная подкладка слова «культура». Но эта религиозность «чисто человеческая», потому что такой «бог» — безличный и какой-то неполноценный.

Прежде, чем кого-то в чем-то убеждать, надо правильно расставить точки над «i». Хочется думать, что автору в какой-то мере это удалось.

Перед каждым из нас — или... или. Третьего не дано.

1997 г.

«КУЛЬТУРА» КАК ОРУДИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗРУШЕНИЯ

I

«...Но вместе с тем на нем, как редко на ком, сказалось то странное воздействие, которое оказывало в России воспитание. Воспитание всегда вырывало у нас человека из почвы, и, смотря по положению его, отчуждало его либо от среды, либо от родины. Григорий Петрович, как многие в то время, был тем менее русский, чем более культурен. (...) С сильной художественной складкой, исключительно одаренный... он не был создан ни для чего, что требует корней; он был не нужен родине, как остался не нужен своей семье». (Князь Сергей Волконский, «Мои воспоминания», М., 1992 г., т. 1, ее. 383-384).

Когда-то, в начале XX века, когда общественная жизнь России вышла из своих патриархальных берегов и раскололась на враждебные лагери, возникли

впервые не только революционные партии и левые органы печати, но и правые. Возникли левые и правые политические движения. Появились впервые люди, назвавшие себя националистами. В отличие от монархистов и их массовых организаций, число националистов всегда было незначительным и какого-то существенного влияния на ход политической борьбы они не оказывали. В III Государственной Думе их число не превышало двух-трех десятков. В IV Думе они составляли уже значительную фракцию — 88 человек. Но за стенами Думы их было немного. Это были небольшие группы из журналистов, профессоров университетов и политических деятелей. В народ эти националисты не пошли и сама их доктрина была создана не для простонародья. На слух русского человека то, о чем толковали русские же националисты, воспринималось как чисто заморская и даже едва ли не барская выдумка, с революционным духом. Что и имело место в действительности.

В резкой полемике с националистами находились все органы черносотенной, то есть монархической печати. Что, быть может, и есть самое интересное. Кратко излагая суть проблемы, нужно сказать следующее. Националисты из известной триады — «Православие, Самодержавие и Русская народность» — сделали свою триаду — русская народность, парламент, конституционная монархия по английскому варианту. Русская народность должна была стать господствующей. Это на первом месте. Политическая, кадровая политика правительства должна предоставить русским определенные преимущества в системе административного аппарата и других областях государственной и общественной жизни. Поскольку только западный тип цивилизации способен обеспечить государству и народу процветание, то следует тихо, но неуклонно двигаться в сторону Запада, пример чему подавали и сами правительственные решения тех последних лет: разрешение политических партий, общественных организаций (1906 г.), утверждение в стране думской монархии, то есть парламентской, фактическая отмена цензуры, открытые границы с Западом и прочее в том же духе...

На практике это привело к тому, что фракция националистов в Государственной Думе четвертого созыва быстро вошла в стачку с самыми левыми партиями, стала инициатором Прогрессивного блока и приняла самое активное участие в свержении самодержавия. Некоторые из националистов еще до того пошли на содержание сионистско-кадетского комплота, активно стали выступать в защиту «избранного и гонимого» еврейского народа, не отказываясь от звания умеренных монархистов и националистов. Пример тому — известный последователь Каина и Иуды, этих подвижников прогресса и демократии, В.В.Шульгин. Вечно шатающийся в своих воззрениях, хотя и талантливый и очень симпатичный лично, М.О.Меньшиков на своем примере доказал, что сам по себе русский национализм идейно пуст, бесхребетен, неплодотворен и из него ничего, кроме набора пустых, громких и красивых

фраз, выжать невозможно³.

Что этот национализм призывает русских служить идеалам шатким и неорганичным. Еще там, где с ним была соединена чуткая и бескомпромиссная совесть, врожденный дар логики и искренность без страха иудейского, там еще можно было получить блестящие образцы публицистики. Но не все в конце концов публицисты. А во-вторых, на одном отрицании и анализе далеко не уедешь. Тем более на утверждении идеалов демократии и прогресса, т.е. революционных и иудейских. Кроме того, в этом случае обеспечен совершенно искаженный взгляд на причины и следствия в русской истории. Ибо взгляд и оценка становятся позитивистскими, а в основе всего — материализм. Отсюда полное непонимание мотивов поведения русских людей в деле созидания Русского государства.

В критике националистов со стороны монархистов самым точным определением было: мы, монархисты, на первое место ставим дух русской народности — Православие и его защиту на земле русской — Самодержавие. А националисты — русскую кровь, которая должна питать материализм и западничество, т. е. начала иудейские. Кому этот национализм нужен?

II

Сегодняшний русский патриотизм не вышел за пределы этой дилеммы, и надо признать, что, несмотря на провозглашение в ряде публикаций фраз о пользе для русского народа Православия, необходимости следовать идеям «национальной самобытности» и не отрываться от «отеческих корней», основной ход мыслей и ценностные ориентиры как раз носят все черты критикуемой, как правило, стороны — масонства и западничества. За фразой стоит утверждение, отрицаемого на словах.

Большинство исследователей и публицистов из настоящих русских по

³ Меньшиков Михаил Осипович, ведущий публицист «Нового времени» с 1901 по 1917 г. Род. 25 сент. 1859 г. Расстрелян 20 сент. 1918 г. евреями-чекистами на берегу Валдайского озера, на глазах своих малолетних детей за свои разоблачительные статьи по еврейскому вопросу (из его письма жене накануне расстрела: «Члены и председатель чрезвычайной следственной комиссии евреи и не скрывают, что арест мой и суд — месть за старые мои обличительные статьи против евреев. Они называют их погромными...»). Многие из того, о чем писал Меньшиков, сбылось слово-в-слово и этого ему не могла простить новая, кроваво-мстительная власть. По убеждениям Меньшиков был западником и конституционалистом. Один из основателей Всероссийского национального союза (1908 г.). Его перу принадлежат 16 томов «Писем к ближним», в которые сведены все его статьи в «Новом времени» за 16 лет. Ныне они практически недоступны широкому читателю даже в центральной Российской библиотеке. /см. подробно о М. в «Российском Архиве», М. 1993 г., т. IV. Материалы к биографии М.О.Меньшикова/

понятым причинам стоят в круге культурологических ценностей, в систему которых легко вводятся любые слова и понятия, в том числе и «православие», и «отеческие корни», и «исторические традиции».

Разумеется, круг поднятых вопросов не может быть исчерпан и в десятках статей, но важно осознать проблему. Такие слова, как «нация», «культура», «социализм» у всех на слуху, но вопросы, связанные с ними, и стоящие за ними легенды и обманы более чем актуальны для любого человека, как читающего, так и вовсе не читающего ничего. В конце концов речь идет о добровольном рабстве несуществующим богам и существующим демоническим силам, выдающим себя за богов, как ни банально и риторически это ни звучит.

Как бороться с масонством, задаются часто вопросом люди, начитавшись соответствующей литературы, посвященной и современному положению вещей, и проблемам нашей истории. Ответ из этой литературы напрашивается один: никак. Много умного можно прочитать, много узнать о происках сионизма, мысленно сочувствовать идеям освобождения русской земли от нашествия двенадцатых языков, возглавляемых какой-нибудь шайкой «демократов», но ответ один — ты мал, и слаб, и одинок. Там политики, там дельцы, и, даже если захочешь, туда, где решается судьба страны и мира, ты не сможешь проникнуть. Тем более что практика показывает: и проникшие за кулисы власти легко отдадут себя все тому же израильскому капиталу и бнай-бритовской когорте борцов за «права человека». Такой неутешительный вывод следует из нашей историко-публицистической патриотической литературы.

Пока вопрос в публицистике решается на политическом уровне, пока все описываемое относится чисто к внешней стороне дела, до тех пор никакой практической пользы получаемые сведения не приносят. Они только вселяют уверенность, что от тебя, маленького человека, забитого нуждой, ничего в этом мире не зависит. И уж вопрос о том, чтобы противостоять какой-нибудь громадной политической организации, снабженной всей мощью современного финансового и пропагандистского аппарата, просто смешон. И в таком эффекте воздействия на читателя — ахиллесова пята всей просветительной литературы на эти темы. Конечно, не исключено, что целью многих таких публикаций является деморализация читателя.

А ведь между тем речь-то идет не о финансах и не о политических вопросах, речь идет об исповедании определенной религии и о религиозных кумирах. А это уже та область, в которой каждый человек сам волен и властен решать так или иначе. И вся политика, и все политические интриги, и все революции, и все интернационалы, и все мощные силы всемирной масонской организации только для того и существуют, чтобы держать каждого из нас в лоне этой религии. В ней и только в ней — вся суть.

Замороженные политиканами, историками, воспитанными в духе этой

религии, мы принимаем средство за цель, а цель и вовсе не видим. Нам внушают, что вся политическая борьба, все революции, все козни масонов и Бнай-брит только для того и существуют, что им нужны деньги и власть. А сама власть опять же для того, чтобы иметь много денег и власть над природными ресурсами мира. Так это видится с точки зрения материалистов-историков и журналистов, позитивистов и прагматиков. Более наивного и глупого трудно что-либо еще представить!.. Но, в конце концов, эти положения находятся на одном уровне с доктринами экономического материализма, где религия — выдумка попов и порождена производственными отношениями.

Что первое приходит в голову нашему человеку, когда ему хочется доказать, что русский народ не так себе прост, что он чего-то значит, и, что если уж по большому счету, то, во-первых, он доказал свою талантливость и, во-вторых, имеет право на достойное место в ряду других цивилизованных народов. Он вспоминает сразу с десятков-другой имен писателей, нескольких поэтов и нескольких композиторов, которых он, говоря по правде, не читает и не слушает. Затем, непременно, Суворова и Кутузова, а теперь еще и Жукова. Но, удивительное дело, те, с кем ему приходится держать полемику, как правило, все люди тоже начитанные, и, конечно, тоже люди культурные, потому что с безкультурными что же и говорить. Хотя они по большей части и нерусские, но вполне соглашаются с набором «великих» и «значительных». Толстые журналы, как «наши» так и «не наши», в общем тоже пишут о тех же великих с тем же пиететом и с тем же непременным упоминанием при соответствующем субъекте того же предиката «великий русский писатель (поэт, композитор, художник)», лишь включая в эту когорту более широкий набор таких «русских» имен, как Шагал, Мандельштам и другие, а также включая всех русскоговорящих, что-либо когда-либо как-либо написавших на русском языке, даже самое неудобоваримое. Но это другая проблема, хотя она страшно раздражает одних и нравится другим, ведь еврей — «это наше все».

В этой полемике о роли русских в мировой истории, о роли всевозможных врагов русского народа и заговорщиков, при внимательном прочтении полемических статей остается впечатление какой-то условности между двумя партнерами, которые как бы договорились вести дуэль холостыми патронами, делая выстрелы погромче и с большим дымом. Эта пиротехника полемических боев более всего нравится читателю. Конечно, условность есть, частично есть и договоренность. Но если бы все упиралось в последнюю, то не было бы большой проблемы. Это свидетельствовало бы только о том, что вся полемика вокруг русского вопроса с большинством публикаций в книгах и журналах направляется из одного центра. По крайней мере, проблема носила бы чисто внешний характер.

Понятно, что заранее двусмысленность ситуации в такой активной полемике, начавшейся, по правде говоря, давно, вместе с началом

революционного движения в России в веке XIX, полемике о русском и космополитическом, заложена общими вкусами и ценностными ориентирами обеих сторон, русской и космополитической. Или, если шире — кадетской, т.е. русской по форме, иудейской по содержанию. Смысл шаткости русской стороны заключается в том, что сама полемика стоит на шаткой основе — основе не национальной, а вненациональной; эта основа — «всемирная культура» и ее ценности, созданные отнюдь не русскими вкусами, как они выразили себя в допетровской Руси, и даже не немецкими и не английскими, а, следуя верным наблюдениям многих мыслителей, как сионистов, так и их идейных противников, вкусами иудейскими...

III

Мне могут возразить — такие имена, как Пушкин или Л.Толстой, Тургенев или Чехов являются столпами мировой культуры из-за гениальности их сочинений. Одно замечание мне представляется нужным сделать. Если иметь в виду такое качество творчества, как гениальность, то она несомненно от Бога, но если иметь в виду другое качество, необходимое для того, чтобы эта гениальность стала достоянием многих людей, а именно значительность, то ее присутствие — вещь вовсе условная и чисто конъюнктурная. Один гений больше значит сегодня, на другого гения нет спроса, третий и вовсе не раскупается. Или, чаще, и вовсе не издается. В сумасшедшем мире спрос, понятно, будет на сумасшедших, а в здоровом — на здоровых и крепких в своем деле. Но и в здоровье, и в сумасшествии есть свои гении и свои дарования.

Кроме того, процесс создания культуры, как и любой процесс в мире организованных иерархически государств, есть процесс, направляемый и организованный определенными людьми по определенным вкусам. Сами вкусы не есть вещь стихийная, свалившаяся с гор Памира или Монблана. Вкусы создаются, и это аксиома. Конечно, есть консервативность вкуса и привычек, и есть традиции. Но именно пример нашей страны показывает, как громадный народ усилиями идеологов-террористов в течение двух-трех поколений почти напрочь забыл эти национальные традиции на девяносто девять процентов. В стране, например, где пели все, от извозчика до купца-горожанина, в любой деревне и на любой улице, сегодня знают только два слова из песен Дунаевского и какого-нибудь убудочного Чебурашку. Это люди старшего поколения. А сегодня и вовсе молчат, и даже знаменитый «Шумел камыш...» почти не услышишь, хотя пьют, как и прежде, много и самозабвенно. Уж не говорю о многом другом, что касается этой проблемы. Одно ясно — страна духовно онемела — ни молитвы, ни песни не знает. Да, вкусы навязываются, прививаются и диктуются. Спрос организуется. Да и вся история СССР — это история целенаправленного, по одному четко

обозначенному плану, процесса уничтожения целого космоса культуры певучей, добродушной, лукавой и подвижнической, избяной и теремковой, с колокольными перезвонами и крестными ходами, с любовью к пересудам и всевозможным чудесам, церемонной и неторопливой, скептической к властям и не знающей решительно о культе «великих личностей».

История нашей страны являет пример того, как грубо, насильственно, ломая и сжигая, осмеивая и оплевывая, создавалась новая безбожная религия, новые вкусы и новый советский народ, как социальное и политическое единство. В этой культурно-религиозной ломке вся суть всех репрессий большевизма, вся суть уничтожения русской деревни с уездными городами включительно. Как же в такой ситуации не вспомнить и не подумать над одним фактом и не попытаться его осмыслить; я имею в виду, какое громадное значение режим, пришедший к власти, придавал с самого начала искусству, образному и литературному, для целей великой переделки русского народа, как и других коренных народов России. Писатели, поэты, режиссеры напрямую писали вождю и отцу народов, советовались и вводились в руководящий орган партии власти. Они стали руководящей ложей идеологов в стране, направляющей и созидающей новую религию — религию социализма, «религию человечества», о которой писали идеологи масонства с давних времен. Романы, повести, киноискусство, театр... И все это направлялось, цензурировалось, финансировалось по одному плану и из одного центра. Новое еврейское по духу искусство, чуждое вчера поколению, выросшему в царской России, уже через двадцать лет после революции новым поколением воспринималось как свое, родное. Одновременно уничтожались все книги по русской истории, по философии, все старые дореволюционные журналы, все религиозные книги, все старые школьные учебники и... кладбища. Чтобы сделать вновь создаваемую культуру на началах чисто иудейских и, соответственно, «общечеловеческих» и всемирных, догадались в тридцатых годах придать этой культуре национальную форму при наличии непременно социалистического содержания. Повести, рассказы, романы стали воспевать освобождение угнетенных и оскорбленных, описывать «ужасы царизма» и — в русле атеизма — воспевать «человека труда», «человека науки», человека, устремленного в светлое будущее и своими силами, без всяких там «поповских суеверий» и «боженьки», созидающего светлое царство «освобожденного труда». Понятно, человеческие переживания, любовные коллизии, столкновения с рутинной в форме недобитого кулачества или зазнавшейся бюрократии, втягивали читателя и зрителя в сопереживания и заставляли плакать и вздыхать, а заодно и вдыхать аромат курильниц новому «чисто человеческому богу» — коллективу, творящему чудеса и не нуждающемуся в Боге и Церкви.

IV

Обозревая все это и вдумываясь в происшедшее, нельзя не удивиться, как быстро нация стала заплевывать свое прошлое, свою религию и петь хвалу своим врагам, врагам Христа и добровольно служить своим словом и делом палачам решительно нерусских кровей, о которых русские люди знали из Священного Писания. Трудно человеку сидеть без работы в углу коммуналки и умирать с голоду, страшно не хочется попасть на мушку чекистам — это понятно. Но кто же заставлял скромного рабочего, инженера и мелкого чиновника орать самозабвенно о «поповщине», «кровавом царизме» и распространять сказки о «жутком положении» рабочего человека в «проклятом прошлом», когда сытые и довольные физиономии его родителей на фотографиях из того прошлого ярко свидетельствовали о благополучии той жизни, где не было коммуналок, очередей и великих строек под дулом винтовки. И даже сексотов и партийных проработок.

Но... такая необходимость лить помой на святой алтарь появлялась всегда, когда очень хотелось стать писателем, артистом, романистом и поэтом, режиссером и просто руководителем какой-нибудь конторы, то есть социально обозначиться и вылезти «в люди». Без такого запачкивания себя прямыми кощунствами в адрес Церкви ни один деятель искусства, особенно писатель, самый что ни на есть патриотический и «наш», включая некоторых из племени так называемых «деревенщиков», ставших одновременно членами ЦК КПСС, фрейлинами их величеств генсеков, титулованными номенклатурщиками, никак не мог обойтись. К этому принуждали. И на это соглашались... Когда-то через кровь входили в революционные банды, и кровь спаивала. Кощунство периода советского большевизма тоже спаивало и объединяло людей этой «чисто человеческой религии». Я помню выступление известного писателя В. Распутина на каком-то собрании уже времен перестройки по телевизору. Магометанство, буддизм, христианство играли положительную роль в равной степени, вещал он нудным голосом, ибо все религии воспитывают в человеке положительные моральные качества. Ну, точь-в-точь, как еврейский просветитель Германии Мозес Мендельсон и его соратники по масонской ложе. Впрочем, и Мендельсон был известным писателем. Но дело не только в такой откровенной демонстрации своей приверженности атеистической религии «всечеловеческой культуре». Дело, понятно, глубже, и заключается в самом характере этой религии и ее текстов, создаваемых новыми жрецами ее — писателями, художниками, поэтами и идеологами от журналистики и телевидения. Нельзя, впрочем, не заметить, что в основе любого общества в государстве лежит определенная религиозная или философская идея, или Легенда. В основе советской идеологии тоже лежала Легенда, символами которой воодушевлялось все искусство советского периода. В этой Легенде было несколько глав, взятых из круга оккультно-герметического масонства.

Собственно, этой теме и посвятил свою работу «Религия и социализм» (СПб., 1908, ч. I-II) будущий нарком образования и культуры Л.Луначарский. Это чисто еврейская Легенда. И чисто масонская.

V

Да, культура — это идеология «человеческой» религии. Да, вкусы создаются. Как создаются телевизионные программы с заложенной в них определенной идеей, как составляются планы книгоиздательств и как многое другое.

Вкусы же — дело прихотливое. Никто не спорит, что, например, Гомер гениален, и даже очень. С этим согласятся все, но читать не будет никто. За очень редким исключением. Существует и отчетливо выраженный национальный вкус, проявляемый в отрицании. Например, по моим наблюдениям, никакие утверждения авторитетных людей, что «Дон-Кихот» гениальное произведение, не могут русского человека, подростка и взрослого, заставить прочитать хотя бы два десятка страниц этого монумента всемирной интеллигенции. И то, что это — монумент, вовсе не представляется очевидным. Зато еврейские дети читают его с искренним восторгом.

Кафку только русский интеллигент прочтет, и то разве что «для порядка», а еврей прочтет и не будучи интеллигентом, а простым инженером или продавцом. То же с Шагалом, с Пикассо... Впрочем, то, что существует определенный национальный психологический тип, выражаемый и во вкусах литературных и зрительных искусств, — это отмечено давно. Например, в замечательной работе Э.Метгнер (Вольфинг) «Модернизм в музыке». (СПб. 1911 г.) И с этим творцам всемирной культуры приходится считаться. Но замечу сразу, считаться в форме, но не в содержании. Слово «всемирный» что-то да означает: означает же одну-единственную идею, выраженную в свое время (в 1723 г.) в масонском катехизисе — «согласие в главном, разнообразие во второстепенном». Совершенно очевидно, что нам навязывают еврейские вкусы, которые всемирны.

А что главное, что второстепенное, еще предстоит разобраться. Но, разбираясь, приходится сразу ставить себя под удар, который уже не раз следовал вслед за таким «разбирательством». Лично мне вспоминается по этому поводу Тертуллиан и содержание его полемики с язычниками. Для них Тертуллиан и его единоверцы были не кем иным, как нигилистами, ниспровергателями всего и вся; всего того, что так дорого всему «культурному миру». И в этих словах нет иронии. Был культурный мир, тот самый, кстати, который так успешно мы сегодня воспроизводим в главных чертах, и были отрицатели этого мира. По крайней мере, всех статуй всех решительно богов, и всех героев, и всех вообще капищ, невзирая на их очевидную для сегодняшнего мира художественную ценность.

И дело не в том, чтобы что-то ломать, а в том — что надо признавать и чего не надо. Может быть, значимость для одного, а может быть, значимость для всего общества, а последняя чаще всего определяется значением в ценностной системе данной культуры. Когда значимость определена, вопрос переходит в плоскость достаточно всем известную, чисто техническую: выделение денег, экранного времени, выделение бумаги на издание, реклама и прочее, вполне очевидное для каждого. Происходит легализация какого-либо произведения, его тиражирование и активнейшая пропаганда.

Учитывая все эти факторы создания культурного процесса, приходится расстаться со многими романтическими представлениями на уровне детей дошкольного возраста, вроде классической фигуры, столь дорогой сердцу обывателя: «талант всегда пробьет себе дорогу»⁴. Много у нас талантов, противных большевистской идеологии, пробило себе дорогу на книгоиздательском фронте? Эти таланты в основном пробивали просеки на лесоповалах, вот и все. Но смею заметить, что и во всеобщий котел всечеловеческой культуры кладут далеко не любой продукт, как бы ни был он вкусен и полезен. Напрасно думать, что не существует никакой идейной заданности во всем этом мировом процессе. Во всем этом разнообразии есть тоскливое однообразие... Пошлость была всегда, но сегодня именно на нее делается ставка.

Но вернемся к полемике, в которой одна сторона доказывает неполноценность русской нации. Рефрен, звучащий в каждом утверждении какого-нибудь телекомментатора или историка-публициста, — «в этой стране все не так». Пример чистого, сытого и вежливого Запада колет глаза, и в нем, как в зеркале, мы и без комментаторов видим — действительно «не так». Грязь, нищета и хамство плюс бандитизм и самое беспардонное воровство сверху и повсюду. Да еще большевизм и бездорожье. Отчего это «все не так»? От вашей русской неполноценности, говорят нам. Мы с этим не согласны. У нас русская литература и много ученых... Между тем, постоянное выдвижение вперед имен и фамилий знаменитых для доказательства величия и значимости самой русской нации изначально порочно и таит в себе вовсе не идею значительности и талантливости своего народа. Бесконечное козырянье и цитирование по случаю и просто так Толстым и Достоевским, Чеховым и Куприным, десятком других имен философов и мыслителей, композиторов и певцов — лишь свидетельство вырождения если не самой нации, то ее культурных представителей, которые только как бы на то и способны, чтобы быть поставщиками ко двору Ее Величества культуре работников и глашатаев.

Бесконечное тиражирование мыслей значительных и гениальных,

⁴ По умному замечанию редактора — талант нуждается в помощи, и только бездарность сама пробивает себе дорогу.

комментарии к ним и комментарии на комментарии сродно работе раввинов-талмудистов; оно лишает человеческую мысль авторитетности и содержательности и передает оценку мысли в руки комментаторов культуры: «как сказал Федор Михайлович», «как писал Лев Николаевич», «как отметил в свое время Лосский...», и далее следует, как правило, какая-нибудь совершенно банальная сентенция. Самая замечательная мысль, сказанная от себя, пройдет незамеченной, если не опирается на соответствующую цитату.

Целая армия комментаторов-литературоведов, этих талмудистов-гробокопателей, заслонила живую человеческую мысль засушенным гербарием — цитатой и сделала почти невозможной ее самостоятельность.

Но и за минусом этого талмудического процесса, получающего свое освящение в основных догматах иудаизма с его культом личностей, творцов культуры, обращение с пиететом к ряду своих отечественных «великих» и «значительных» с целью утверждения величия своей нации таит в себе совершенно другую идею. В культурологической апологетике своей нации сквозь призму человеческой кумирни, на капище всемирной культуры скрываются основания шаткие и двусмысленные. Речь должна была бы идти о понимании уникальности своего народа и необходимости его существования в творческом замысле Творца и Вседержителя. А понимание уникальности русского народа должно было бы совершенно по-другому расставлять и все акценты и в отношении национальной значимости к творцам общечеловеческой культуры, даже из числа своих соплеменников. Культ личностей появляется тогда, когда сама культура перестает быть церковной и становится мирской. Кто имеет доступ к историческим материалам, включая мемуарную, тот, возможно, с удивлением на первых порах отмечал, что в допетровской Руси и в послепетровской (но уже только со стороны простонародья) совершенно буднично, без восторгов и без особого внимания писали и говорили сами современники о тех людях, чья изображения сегодня мы видим в учебниках русской истории. Культ личности всех писателей и поэтов, музыкантов и композиторов, весь патриотический запал в этом направлении совершенно непонятен сельскому миру России и всей русской провинции. Там, свидетельствую, никогда не было проблем и с культом Сталина, как, впрочем, и с его извержением, там просто другая психология и другой язык. «Культ личности» возникает только в культуре иудейской и называется гуманизмом. В христианстве есть только культ Творца и Спасителя.

VI

Посмотрите на известное: как крестьянский мир относился к Толстому и Достоевскому, к другим великим и значительным «народным» поэтам и писателям в дореволюционной России. Ни плохо, ни хорошо. Просто никак. Интеллигентная, «барская» культура, для интеллигентов и нужная. В 1918 г.

эти, со слов сегодняшних глашатаев «великих и значительных», облагодетельствованные крестьяне разграбили и сожгли поместья «великих» и «значительных», «любимых народом» мастеров слова. Можно говорить о варварстве и одичалости народа в ту пору, и это будет верно. Потому что грабить и сжигать грешно и преступно. Но можно задуматься и о другом. Пока не было «великих и значительных», а народ жил по Псалтири и сам любил сочинять и петь, усадьбы не горели, и воровства, по свидетельству даже иностранцев, было мало. Намного меньше, чем в Западной Европе. Да ведь глубинка жила патриархально и без замков на дверях уже и в наше время. Но, понятно, талантливо описывая мучения народа под игом извергов дворян, выжимая слезу над строчками «Муму», читая слезливую «Историю» Карамзина, в конце концов начинаешь зажигаться ненавистью к «тиранам». Чего же тут удивляться откуда взялось это одичание? В автобиографиях революционеров всех мастей можно отметить одно важное место: решительно все говорят, что пришли в революционные организации через чтение классической литературы. Одни отмечают «Дым» Тургенева, другие «Бесы» Достоевского, третьи стихи Некрасова. Декабристы в числе своего идейного багажа, приведшего их к бунту, называли и «Историю» Карамзина среди других сочинений. Именно «гуманизм» ведет народы к одичанию, опустошает душу.

Почему такая важная роль отводилась ими художественной литературе? Не потому вовсе, что там были прямые призывы к бунту и насилию. Дело вовсе не в этом. Призывами занимались другие. Примерный ход объяснений таков: чтение Чернышевского и других авторов, которыми увлекались старшие товарищи, проходило бесследно и никакого интереса и понимания по началу не возбуждало. И только после чтения художественной литературы стали волновать проблемы, ответ на которые и давали уже чисто революционные авторы. Возбуждался интерес к проблемам, которые раньше были неактуальными. Именно в проблематике все дело. Собственно, и Бердяев отмечал совершенно справедливо, что в марксизме важно не содержание учения, а его проблематика. А проблематика эта заключается в одном: как благополучнее и получше устроиться в этом мире, как удовлетворить свои «естественные» потребности, будь то вопросы любви, честолюбия или общественного переустройства. Так раскрывается смысл «чисто человеческого» масонского катехизиса. И еще: вместо нравственности — этика, моралистика.

Что же после этого иронизировать или удивляться по поводу разграбленных усадеб и одичания русского крестьянства?! Но странно после этого, осмысливая в общем-то хорошо известное, ссылаться для доказательства величия своей нации на творцов мировой культуры и апостолов свержения православного уклада жизни русского народа. Ведь странно было бы ссылаться

для такого случая на имена святых, в земле российской просиявших, взяв в руки Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского. Дмитрий Ростовский не говорит нам о величии рода человеческого и не тешит национально-патриотическое чувство. Он говорит о величии Бога и о человеке, понявшем это.

Лестно, конечно, что именно наши, природные русаки, кровные и родные, так ценимы во всем культурном мире. Конечно, подлинный культурологический патриотизм, основанный на началах в общем-то вненациональных, в чем его изначальная неполноценность, заставляет после всех этих рассуждений раздраженно произнести банальную и пошлую фразу: мы «их» — «им» не отдадим. Увы, в отличие от денег, «их», «великих и значительных», хватает на всех — и на «наших», и на тех, что вовсе «не наши», но которые почему-то тиражируют «наших» и ставят их на золотые постаменты всечеловеческой культуры. Банальное и пошлое объяснение: из-за таланта. Вернее было бы тогда добавить: из-за таланта, обслуживающего «всемирную культуру» серого мещанина.

Что дает нам наличие целой когорты великих русских ученых, гениальных писателей (поэтов, композиторов, художников) для нашей национальной выживаемости, для нашей национальной воли к самоопределению и свободе? Будем откровенны, решительно ничего. Факт слишком очевидный. То есть очевидно отсутствие этой воли, отсутствие национальной гордости, позволяющее терпеть любые измывательства над национальным русским достоинством. И вымирание нации, покорно следующей к своему последнему часу, если ничего, конечно, в сердце народном не изменится, не произойдет. Вспоминается жуткий рассказ о жизни последнего тура в Беловежской Пуше, как он звал трубным голосом сородича в лесной чаще, последний... Не хотелось бы быть пророком.

Любят вспоминать Смутные времена и князя Пожарского вместе с купцом Мининым. Но в те времена люди не знали о наличии «великих и значительных». Шли в ополчение с иконами, после поста и молебна. А под знаменами Чехова и образами Толстого спасать отечество не пойдешь. Культурным будешь, интеллигентным и «с пониманием» будешь, а жизнью своей единственной рисковать не станешь. Мы и не рискуем, сидим тихо. Именно эта культура сделала нас вялыми и безвольными.

Итак, очевидно и наличие у нас великих имен в запасе, и великая литература, и великая музыка и много еще чего великого. Но никого все это не вдохновляет и на бой не зовет. «Наши современники» пишут для своих, ихние «современники» пишут для всех. Все умнеют на глазах, знают бездну ненужных вещей, все, понятно, отрывками и урывками, знают все о «мировом заговоре» и о том, что «жиды» сгубили Россию, и вполне с этим многие соглашаются, как и с ролью рабов, которую их заставляют играть. Мирская,

внецерковная, цитатная и кумирная культура и не могла не дать такого эффекта — полного развала национального самосознания и национальной воли. Размазывания ее по страницам, цитатам, ненужным фактам и ученым рассуждениям. От того «избранные» так талантливо нас грабят, что мы культурны их культурой.

Существуют народы, которые не имеют в своих рядах и пары своих «великих» и «значительных», и даже полчетверти своего Карамзина и одной десятой Тургенева или Достоевского, и даже не только не имеют, но и нужды их иметь не испытывают. Возможно, потому и не имеют. И между тем они чувствуют свою национальную гордость, именно национальную; они, в отличие от нас, не дают себя угнетать всемирной ассамблее «демократизма и прогресса», плевать себе в лицо и вовсе не чувствуют необходимости кому-то доказывать, что их народ велик, а потому «его» нельзя обижать.

Для каждого человека, не плененного тиражами «всемирной цивилизации», ясно, что само стремление доказывать свое право на уважение со стороны других народов говорит о недостатке самоуважения, которое не нуждается ни в каких логических доказательствах. Совершенно очевидно, что русский народ утратил ключевые позиции в самой России со времен февраля 1917-го, утратил главное дело, ради которого он, собственно, и был явлен на свет Творцом и Создателем, и с тех пор шатается по бесплодной пустыне как неприкаянный, как Агасфер, Вечный Жид, и, в общем-то, в таком качестве ненужный. В первую очередь самому себе. Ибо другие дела — мирские, дела благоустройства земной жизни другие народы делают лучше и чище. А слово Православия, слово Церкви и сегодня даже и в устах иерархов Московского патриархата звучит тихо и неуверенно, как-то стеснительно. Для чего же тогда и нужен этот народ, забывший слово Божие? И главное — это чувство неприкаянности чувствуется, кажется, у нас в стране всеми. Сверху донизу никто не имеет представления, как жить и ради чего. Всем ясно, что ради царства всеобщего благополучия здесь, на земле, нести ноши своих тягот никому не хочется и просто бессмысленно. Скука, вот беда людей, потерявших свое главное дело на Земле...

Личная уверенность, что мой народ — народ хороший, нужный и необходимый и имеющий право на достойную жизнь, заключается в моем точном ощущении того, что я живу и живет мой народ, что мы, как народ, есть некая особенность; особенность, не упавшая с потолка или свалившаяся на землю вроде какого-нибудь метеорита, а, наверное, по воле Божией. У нас свой язык и свой быт, свои песни и свои обычаи, а главное, свое видение мира и свой тип миропонимания. И стоит ли на эту тему долго рассуждать. Я — есть, и этого достаточно!

Не говорю уж о том, что подавляющее большинство людей в мире вовсе не

читает никаких классических романов, не очень вчитывается в сочинения философов и не слушает серьезную музыку. Более того, у тех, кто и вслушивается, и вчитывается, и углубляется, возникает одно точно выверенное ощущение — не нации той или другой принадлежат «великие» и «значительные», а все той же великой «всемирной культуре», не имеющей национальной принадлежности. Есть ведь четкие критерии принадлежности к этой когорте апостолов и творцов всемирных ценностей. Здесь свой язык, свой строй мышления, свои ценностные ориентиры и свой, еврейский, в общем-то, шаблон. Умиравшая нация, по крайней мере, увядающая, лишившаяся своей самобытности, выдвигает на первый план этих «великих» и «значительных» только потому, что переживает острый комплекс своей неполноценности, ибо это чужие ценности, иудейские и масонские.

Сколько бы мы ни вчитывались в строки «Капитанской дочки», сколько — ни восхищались прелестью стиха в «Евгении Онегине», сколько бы ни вникали в глубины мысли Достоевского, мы ни на секунду не увеличим ни свой от Бога данный нам разум, ни его мыслительные способности, не приблизим себя к истине и не получим импульс к борьбе за национальную независимость. Ибо ясно, что сам смысл слова «национальный» нами утрачен, а из произведений классиков его не выловишь... Там один «гуманизм». Именно он погубил историческую Россию.

И надо признать, что все они, «великие» и «значительные», не говоря уж о тех, кто поменьше, вернее их произведения, есть развлечение ума праздного, по слабости человеческой природы нужного, но не более того. Понятно, что сегодня они играют роль общенационального объединителя, составляют единое поле национального сознания, но не самосознания. Роль самосознания и подлинного объединителя может играть только религия, и более ничего. И это аксиома для любого специалиста по вопросам национального бытия, создателя идеологических схем. Только истинная религия, Православие, указывает цель бытия и личности, и народа.

Объединителем и выразителем общих национальных чувств стал, в последние пятьдесят лет, как известно, блок сюжетов под общим названием — Великая Отечественная война. Но сегодня и этот интегратор нации в силу прошедших лет, умирания старого поколения и смены идеологических ориентиров теряет свою силу... Православие же в общенациональном масштабе пока не дает себя ощущать в качестве объединителя. И здесь наступает время увидеть тот порог, где мы остановились, впитав идеи масонства.

VII

Два мирских устоя мешают третьему, подлинному и спасительному для нас, заняв свое место в душе нации. Если бы Православие по милости Божией заняло свое господствующее место в жизни русских людей, то не отпала бы

необходимость и в самой «классике», как и в темах Великой Отечественной войны, но все это заняло бы свое должное место в общей системе правильно выстроенной иерархии ценностей, и все бы получило подлинное освещение и осмысление. С точки зрения конечных целей бытия и действия Промысла Божия. Впрочем, классикой стали бы Жития Святых, а не романы.

В исторической ретроспективе нельзя считать случайным, что именно в момент всеобщего распада и разлада всей русской жизни в середине XIX века на поверхность ее выходит русская литература и прочие светские искусства. Как раз за несколько десятилетий перед страшным национальным крушением, под тяжкими обломками которого мы и пребываем... Моральный разлад, распад религиозного мирозерцания и мирочувствия, поразивший русское общество в то время, выразил себя обостренно в сфере единственно для этого возможной — в искусстве. Но от созерцания распада и болезненных явлений здоровья не прибавляется даже у врачей, сколь они ни сведущи в причинах болезней. Они болеют точно так же, как и их пациенты, если не больше.

Сколь много и громко сегодня ни говорится о Православии, но ясно, что это сегодня религия немногих, и что многие хотели бы больше свидетельствовать о том, что они «не против». Здесь некого осуждать, коль речь не идет о пустозвонной фразеологии, призванной обманывать и протаскивать гнилые идеи под слоем «правильных» слов и клятв в верности «заветам предков». А это имеет место и очень, увы, большое во многих публикациях. Этот феномен следовало бы назвать «социалистическим православием» или безблагодатным патриотизмом криптокоммунистов, ставших сразу, в один день, влюбленными в «отеческие заветы» и в «родное православие». «Православные» коммунисты поют гимн атеистическому «советскому» государству. Что тут скажешь... Это, на мой взгляд, очевидно на примере всех этих Володиных, Троицких и Антоновых... замечательных по-своему фальсификаторов.

Духовная пустота, отсутствие ясных ориентиров порождают в вопросах национализма желание заниматься апологетикой национальных героев от культуры, литературы и прочих искусств. Это поле полемических сражений изначально таит в себе невероятное количество всевозможных ловушек, избежать которые решительно невозможно. Во-первых, потому, что добрая половина русских «великих» и «значительных» по крови была таковыми, т.е. русскими, либо наполовину, либо около того. Приходится вступать на шаткую изначально почву всевозможных доказательств, в конце концов пускаться в мистические рассуждения о силе духа, который претворяет еврейскую или немецкую кровь в русскую, либо утверждать, что все это неверно, потому что неправильно. В результате утрачивается вообще смысл слова «русский» и появляется интернациональная абракадабра — дескать, русский дух есть дух вообще бесплотный, собрание неких отвлеченных качеств подлинного интеллигента (по мысли В.Кожина). Русских же, как нации вообще нет, а

есть некое собрание каких-то неопределенных в своей помеси народов⁵. Таким путем удастся спасти своих кумиров с иноземными корнями, но теряется сам смысл такого национального патриотизма... Не говорю о всей бредовости всех этих рассуждений всевозможных авторов, являющих собой пример как раз такого национально-еврейского смешения и потому кровно (буквально) заинтересованных в этих недоброкачественных фантазиях. Важно установить принцип. Уровень осмысления национальных проблем в их историческом и политическом ключе при культурологическом подходе крайне невысок. Надо либо вообще отказываться от всяких национальных приоритетов во имя «всечеловеческой культуры», даже в национальных одеждах, либо отказаться от самодостаточности мирской культуры во имя национальных интересов и признать их лежащими в другой плоскости. Вне романов, повестей и философских трактатов, даже если речь идет о самых всемирно известных романах, поэмах и трактатах. Это все орудия масонского «гуманизма».

Вторая ахиллесова пята культурологического подхода состоит в том, что значительная часть, если не подавляющая, из числа национальных культурных авторитетов и полководцев прошлого состояла в масонских ложах. И что представить «всемирную человеческую культуру» вне масонства вообще невозможно, ибо эта культура и есть творение масонских лож. Едва ли не все лауреаты Нобелевской премии, все немецкие философы до крупнейших включительно, тысячи и тысячи писателей, композиторов и художников, скульпторов и кинорежиссеров состояли и состоят в масонских ложах. Попросту говоря, масонство с прошлого, а вернее, с позапрошлого века стало силой, формирующей весь корпус современной культуры и ее идеологии. Перечислять в этом случае отдельных деятелей культуры как членов лож, значит, просто вводить читателей в заблуждение даже невольно, так как таким путем только создается впечатление, что остальные там не состояли. Аналогия здесь самая точная с нашей страной, где в членах партии состояли миллионы, а если кто из деятелей искусства и науки и не состоял, то только по индивидуальному разрешению той же партии. Была ли партия в нашей стране силой, организующей культурное строительство, вопрос праздный.

На этой почве у безблагодатных русских патриотов возникают одни проблемы, без всякого проблеска надежды их удовлетворительно решить.

Всевозможные рассуждения о «невредности» первых степеней масонства, о вредности только высоких степеней, о «незнании» на этих низких степенях о вредоносных замыслах в отношении России, которые были известны только высокому начальству масонства, еще больше отягощают картину. Спасая чистоту патриотических риз такого материалистического патриотизма, вводят

⁵ Остается «коварный» вопрос — кто же создал русский язык, если это не эсперанто. Но таковым сегодня является английский.

в соблазн миллионы читателей, как бы приглашая — вступайте в низшие градусы масонства, — там все в порядке и для патриотизма вовсе не опасно.

Там ничего «такого» не происходит. Происходит же, смею заметить, самое главное — отвращение от Церкви Христовой...

Кульбиты софизма можно проделывать только потому, что сама духовно-религиозная сущность проблемы вовсе не понимается. То же самое, что с вопросом о пребывании в коммунистической партии — «миллионы честных коммунистов». Не важно, что безбожники, важно, что честные. В этих утверждениях делают как бы вовсе неопасной для души человеческой саму коммунистическую идеологию и ее исповедание. Оказывается, вся вредоносность коммунизма проявляет себя только в высших эшелонах власти. А одичание народа, а молчаливое согласие на оплевывание прошлого — «кровавый царизм», «поповщина», «кровососы-помещики» и пр. в том же духе, а трусость и ложь, и повсеместное хамство и доносительство?.. Разве все это не плоды партийной идеологии? Понятно, что утверждать все это могут только люди, заранее установившие, что ничего опасного в воинствующем безбожии, в учении экономического материализма, как и исторического, нет. И все внимание наводится на политические решения руководства партии. С масонством обстоит то же самое. И вот уже какой-нибудь современный исследователь масонства и, конечно, «православный» атеист, адвокатствует: Новиков — хороший патриот, Кутузов тоже, и даже прожженный социал-демократ и революционер Вересаев тоже хороший, потому что он писал хорошие повести, а Кутузов выиграл у французов и так далее. Проблема, и очень серьезная, сводится к трескучей фразе квазипатриотизма. А это опасно для нашего ума и сердца.

На этой почве морализаторства, обличающего у его адептов отсутствие всякого понимания христианства вообще, как положительной религии, и ставится сейчас пьеса русского патриотизма. Сама апологетика русского народа в такой ситуации становится крайне двусмысленной. Таящей в себе не просто непонимание, но форму утверждения того же интернационализма, о чем речь шла в самом начале очерка.

Люди, воспитанные мало-мальски на Житиях святых, имеющие представления о православной догматике, более или менее приобщенные к церковной жизни, не станут дергаться по поводу вопросов национальной самобытности, не станут рыдать по поводу пребывания какого-нибудь кумира безблагодатного патриотизма в масонской ложе, но во всех этих вопросах обратятся не к моральным оценкам, всегда чреватым для самого морализатора, а постараются найти духовные принципы в поставленных вопросах. Не взяв на себя роль прокурора-морализатора в вопросах оценки противников русского народа, не станут и адвокатом масонства, как и адвокатом своей нации перед

судейским конклавом на предполагаемой мысленно ассамблее всех наций в храме «всемирной культуры», то есть в «храме Соломона» масонов.

Это не только не значит отрешенности от интересов своей нации; но наоборот — только в такой перспективе вечности, даруемой подлинной богооткровенной религией, отступает языческое поклонение кумирам всемирной культуры, в том числе и из числа своих великих и гениальных, получивших патент на Бесчеловечность.

Никакая нация не нуждается вовсе в доказательности своей нужности. Другое дело, какую нужность хотят подчеркнуть. И в этом главное. Нужность мировой цивилизации?.. Тогда конечно. Тогда денно и ночно нужно выискивать и доказывать. Но кому в этой ситуации доказывают и какие дивиденды при этом хотят получить сторонники языческого патриотизма, пропитанного чувством своей неполноценности? Какие ожидают приобрести доходы? Если уважение других народов и государств, то практика показывает, что это путь тупиковый. Дивиденды всегда адресны персонам и народам не выдаются. Они выдаются только труженикам межнационального фронта, представителям космополитических сил, подлинным организаторам всемирного государства и всемирной демократии. Не следует забывать, что космополитизм всегда по форме национален. Это ведь там, в международных организациях, решают — кого куда выдвигать, какой конкурс где провести и какие награды кому выдать, какими тиражами и кого издать. Ведь всемирная культура есть та «естественная религия», «в которой согласны все люди», говоря языком масонского Устава Андерсена.

VIII

При здоровом же отношении к кумирам культуры и при нормальном национальном самосознании следовало бы не нации гордиться тем, что в ее рядах Пушкин и Достоевский, Чехов и Толстой, а тем, что она создана Богом и тем самым самоценна. А для Пушкина и Толстого составляет честь принадлежать к русскому племени. А для тех из нас, кто не является сам Пушкиным или Толстым, вовсе нет необходимости вообще козырять чужими именами для доказательства своей национальной полноценности. Ибо полноценность всегда личностна и не передается ни по наследству, как уверяют идеологи талмудизма, ни по историческим каналам. Поведение каждого человека определяет достоинство нации, и последнее складывается на каждом историческом отрезке именно из совокупности поступков и действий отдельных личностей.

Любопытна дорога России в сторону всемирно-исторической универсальной культуры, в сторону европейского прогресса, то есть по дороге иудаистских ценностей. Сначала Век Просвещения, ворвавшись шумно и бурно в российское захолустье с реформами Петра, оттеснил церковно-

народную культуру совершенно насильственно, с веселым разбойничьим гиканьем, кошуном и казнями на периферию государственной жизни, затем лишил единственный оставшийся орган этой культуры — Церковь и ее служителей — всякого влияния на государственные дела и, зажав им рот, отстранил православных людей от печатного слова, заполнив все прилавки книжных лавок изложением и разъяснением учений материалистических, расшатал все нравственные устои и закончил свое победное шествие всероссийским погромом в самом прямом, уголовном смысле этого слова. Обозревая именно в таком порядке историческое шествие идей всемирно-исторического прогресса, уже можно видеть их ценность для судеб русского народа и, можно не сомневаться, для всех остальных.

Век просвещения, а не церковно-народная культура, создал художественную литературу, деление народов на ценных и наоборот для всечеловеческой универсальной культуры, создал доктрину социализма, ввел в действие такие жуткие механизмы лжи и репрессий, о которых в старые времена не знали ни Ашшурбанипалы, ни Тамерланы. Например, о том, как голодом уничтожать миллионы людей, вызывать межнациональные войны, провоцировать и сталкивать тысячи людей, снабжать их оружием и хладнокровно следить за разожженными пожарами войн в тех или других странах мира, планируя то там, то здесь новые кровопролития и одновременно громко крича о международном праве и правах человека; сознательно, научным методом, развращать нации, отчужденно наблюдая, как идет их вымирание... И все это и есть «гуманизм» и его плоды.

В результате насильственного истребления провинциальной России, ее деревень и провинциальных городов, исчезла та трезвая и здоровая человеческая мысль, что выросла из начал церковных и национальных. И поле национального сознания, обеспечивающего национальное единство, оказалось заполненным романами, поэмами, драмами и философскими трактатами идеологов той культуры, которая на место задач духовных и нравственно определенных в системе христианского понимания жизни поставила принцип земного благоустройства, принцип чисто иудейский, как его определяли и такие знатоки вопроса, как Гегель и Фейербах — многочадие, здравие и долготлетие. Определив задачу национальной жизни и жизни отдельного человека такими физиологическими целями, можно ли было ожидать чего-либо другого, кроме развала и разрухи... Что может вырасти на корысти и эгоизме?

IX

Самосознание русской нации сегодня отдано на откуп глашатаям идей универсальности и прогресса в лице всевозможных писателей, безликих литературоведов, каких-то словоблудных философов и «экспертов», среди которых всем нам дана творцами культурно-идеологического процесса

возможность выбирать «своих», вроде бы национальных, и возводить их на пьедестал русского патриотизма. За неимением других приходится...

Самосознание нации отдано цитате, конкурсу, юбилеям и многотомникам с золотыми обрезам, презентациям и журналам, телепрограммам и телеведущим, то есть на самом деле тем, кто стоит за всем этим хорошо финансируемым и направляемым процессом. Мир отдан и в целом на откуп комментаторам. Комментатор — главная фигура всей общественной и культурной жизни. И комментируется текст отнюдь не богооткровенный, ибо текст этой идеологии написан был в другом храме, храме Соломона, и смысл его — в обезличивании человека, его опощлении, в слиянии людей в одну протоплазму Всемирного Человечества. О чем так мечтали апостолы социализма, вроде Ш.Фурье, К.Маркса и О.Конта с его религиозным культом Человечества и созданием «новой церкви» этой религии.

Собственно, если по большому счету, то ведь и вся эта великая, без иронии, копилка «всемирной культуры», со всеми тысячами мыслителей и музыкантов, художников и философов, есть громадный форум всемирного комментария глухо доносящихся раскатов вечности. Это есть бесконечная страстная попытка пантеистов расшифровать эти звуки вечности и точно их смысл донести до нас. Но попытка эта изначально недобросовестна со стороны тех, кто финансирует жизнь этого форума и тиражирует этот комментарий. Ложны сами основы этой ложной «религии человечества».

Гениален Гомер и гениален Вергилий, гениален Гегель и гениален Шолохов, Конфуций и Шопенгауэр, Бетховен и Рубенс... Но ни одного из них не возьмешь с собой в загробный мир и не оправдаешься ими перед Всевышним. Более того. И сам ни на шаг не станешь лучше от многолетнего изучения чужой мудрости и чужих мыслей. Не станешь, прошу прощения, даже умнее. Кажется даже, по наблюдениям за книгочаями, всеми этими философами и писателями, что дело обстоит как раз наоборот: приобщенность к этой копилке всемирной мысли делает человека как-то глупее, инфантильнее, расслабляя его волю и не давая пробудиться своим собственным, от Бога данным способностям.

Для иллюстрации той простой мысли, что нет людей, более внушаемых со стороны средств государственной пропаганды, чем интеллигенция, можно сослаться на исторические наблюдения, вспомнив, к примеру, времена больших общественных катаклизмов.

Ведь, собственно, тот тип людей, который называется интеллигенцией, и есть тип, воспитанный на кумирне всемирной культуры, национальной по форме и международной по содержанию. Это тип, который может в зависимости от всяких привходящих особенностей своей биографии или происхождения и семейных традиций, больше иметь склонность или к форме,

которая национальна, и быть тогда «патриотом» (в той или иной политической оболочке), или к содержанию, и, во втором случае, больше и полноценнее отвечать на требование быть «культурным», то есть еврействующим интеллигентом. А быть интеллигентом, по смыслу слова, значит быть причастным Универсальной интеллигенции теософов, то есть к Всемирному Разуму, к разумной всемирности, которая выражает себя в «культуре».

В своем полном воплощении человек «культурный» знает философию, иностранную литературу и свою, если она есть, свободно говорит на всяких иностранных языках, выбрит, носит галстук и... любит евреев. Последнее, понятно, более ценно, чем все предыдущие атрибуты, и перевешивает их в одну минуту. Ибо если человек любит евреев, то есть преклоняется перед ними, то ведь это не случайно, и это открывает его сердце к постижению мистических глубин самой «культуры». А что глубины эти мистические и оккультные, очевидно и в историческом пространстве прошлого, и в политической очевидности сегодняшнего дня.

В России интеллигентов выпекали длительное время на созданной для этих целей фабрике. В море совершенно неинтеллигентного народного, вернее даже, простонародного «варварства», с невероятно богатым по традиции бытом, со всякими религиозными и бытовыми сложностями поведения на каждом шагу, своими словесными формами приветствия, благословения, напутствия, пословицами и поговорками, праздниками, песнями был создан бастион и фабрика всемирной культуры, выпекавшая интеллигентов, по рецептам Лейбница и Локка, Гегеля и Шеллинга, то есть на началах философских и гуманитарных. Об этих началах будет сказано ниже. Следуя алхимическому правилу и рецепту, из «простого железа» делали «золото цивилизации». Ведь в отличие от золота, железо ценно только тогда, когда из него сделано какое-нибудь полезное изделие. А так... Одним словом, кусок железа. Золото же, как известно, в нашей цивилизации обладает ценностью и само по себе, в виде куска. Чем больше, тем лучше. Такими золотыми слитками, сияющими литературой, наукой и философией, заполняется все пространство всемирной цивилизации, сияя лучами «прогресса» и «культуры». Философия же и прочие достижения всевозможных наук как раз и обладают тем свойством алхимиков, которые с помощью философского камня превращали железо и медь в это золото — интеллигенцию.

Последствия такого алхимического действия известны нам не понаслышке. Целая плеяда профессоров, доцентов, поэтов и философов была создана в алхимической фабрике Московского университета, а затем, и в других университетах и гимназиях того, далекого прошлого, которое, увы, повисло у нас на ногах, как колодки у каторжника. Перечисляя имена тех великих и значительных, просто не знаешь, куда деваться от такого обилия звонких талантов и ярких гениев..., медиумов еврейского внушения.

Х

Логично было бы ожидать, что с падением «варварства» в виде церковно-народного быта и увеличением в стране числа профессоров, писателей с мировыми именами, художников и философов, утверждением европейских форм мысли и распространением европейского образования страну ожидали все богатства всемирной цивилизации в самом недалеком будущем. Если посмотреть на газеты и журналы той, дореволюционной поры, то поразишься, сколь мало наши идеологи за последние сто лет преуспели в создании новых идей и даже новой терминологии. Увидишь и в той печати бесконечное — «мы строим правовое государство», «пора, наконец, окончательно расстаться с полицейско-бюрократическим строем», «в наш век демократии», «в то время, как парламентский строй все больше утверждается в жизни нашего народа», «сегодня, когда мы входим в число цивилизованных государств» и прочие пошлости политического словоблудия. Это лет за десять-пятнадцать до первых концлагерей... Демократы, герои Февральской революции, внедряли свободу, справедливость и рынок, — народ получил застенки ЧК. После этих застенков прошло почти сто лет. Страна наплодила интеллигентов больше, чем их имеется во всей Европе и Америке, вместе взятых. Все воспитаны на Пушкине, Толстом и Достоевском, которые «наша гордость». У нас уже давно нет никого, кроме бомжей, пьяниц и интеллигентов. Но везде в Европе сытая жизнь, а у нас — нищета, воровство и голод... почему-то.

Читая Мережковского, Розанова, Философова, С.Булгакова, Бердяева и прочих философов той поры, самых блестящих, патентованных оракулов, невольно задумываешься, а нужна ли вообще тогда философия, если она сводится к тому, чтобы из умных слов, из многознания всяких мудрых изречений и мыслей, строить поразительные по своему невежеству конструкции «прогресса» и «культуры». Не взяв на себя труд подчинить себя смиренно мудрости святоотеческой литературы, что получишь? Оглянемся вокруг и горестно вздохнем. Нас доконала наша «великая культура», которая, увы, вовсе не наша.

Стоило ли так много учиться, так долго копаться в чужой премудрости, чтобы не увидеть страны, в которой живешь. Из отдельных, часто очень умных, кирпичиков мысли и тонких, глубоких наблюдений те «великие» строили совершенно глупое здание универсальности всечеловечества, благоговая перед доктринерами «гуманного социализма». Читая обличения православия со стороны одних (Мережковский, Розанов — «очень умный», по выражению сегодняшних его почитателей) и ревизионные наскоки на православие других (Бердяев, С.Булгаков), невольно начинаешь сомневаться в подлинном уме этих философствующих умников, вспоминая ту мысль, что при отсутствии дисциплины ума, подчинения его безусловной логике религиозной

мысли, данной нам на примерах святоотеческой литературы, мысль становится произвольной, бесплодной и работает на ветер. Совершенно ошибочно предреволюционная русская культура, уже светская, университетская, предреволюционная называется религиозной по преимуществу; особенно это название закрепилось именно за философией.

Во-первых, наличие религиозной темы не делает мысль религиозной, а, во-вторых, говоря попросту, религиозность так же далека от религии, как мысль о халве от самой халвы. Она никого и ни к чему не обязывает. Но капитально закрывает дверь в подлинную религию.

Видя сегодня на книжных прилавках сочинения этих декадентствующих философов, при так называемом обличении коммунистических идей, невольно думаешь: а не хотят ли уже нынешние поклонники всей культуры той упадочной поры вновь вогнать нас в трагичный круг очередной кровавой революции? Тиражируют тех, кто как старательно в начале века направлял нас в сегодняшний лагерь умирающей страны. Ведь во многом благодаря всем этим хорошо оплачиваемым философам декадентства мы и выпали из собственной совершенно «неинтеллигентной» но очень родной и патриархальной истории, и попали в интеллигентный концентрационный лагерь постоянно перемещаемых лиц. Лагерь кочевых народов. Из народа оседлого превратились в народ кибиточный — по «великим стройкам», по чужим мыслям. По своему вкладу в международный банк реконструкции и развития всемирной культуры мы могли бы, кажется, со своими Пушкиными и Достоевскими (наши философы, как известно, носят масштаб исключительно местнотимых богов), Тургеневыми и Толстыми претендовать на получение международного гражданства в царстве интеллигенции, организованной в стройную систему Ордена вольных каменщиков, этой единой партии философов и свободолюбцев, борцов за «равенство и свободу» всех народов.

Ведь в конце концов и революцию в России делали передовые интеллигенты международного класса по планам философов и каббалистов из того же Ордена. Обещали сделать Россию правовым государством, гордо шагающим со всеми цивилизованными государствами по дороге прогресса в царство сытого благополучия... Доверие к еврейским внушениям стоило нам очень дорого: Россия, в сущности, стала просто колонией запада, управляемой «Домом Соломона».

Обманулись и обманули. Не будем обсуждать вопроса о том, какая революция лучше: февральская или октябрьская. Революция — это принцип, как убийство или обман, как преступление через закон, не юридический, а закон жизни в обычае и религии. Сколько было в то предреволюционное время криков о необходимости овладеть благами европейской цивилизации, о демократии, о создании эффективной экономики, о прогрессе, который один на

всех. Все, как сегодня. Доктринерство неистребимо, рутинерство фанатично, и если что-то почему-то «не так», если почему-то вообще все «не так», то виновата, конечно же... действительность, реальность и народное невежество. И это доктринерство, и этот рутинерский фанатизм под тем же декадентским знаменем так называемой демократии и сегодня владеет нами во всей своей тупости и глупости самоубийственной. Царство самой тупой догматики, царство и террор ярлыка — «прогресс», «культура», «демократия». И возникает недоумение.

...Но как все же профессора и доценты, запросто цитирующие всяких там Гегелей и Фихте, написавшие гору всевозможных рекомендаций о том, как надо жить правильно, по-научному, а как не надо жить (по-старому, в отсталом церковном быте, под царем батюшкой) не смогли не только предвидеть, куда толкают страну, в какие невероятные ужасы, но даже свою собственную судьбу не смогли предугадать и устроить. Почитайте мемуары всех этих писателей и поэтов, и вы увидите целое море удивления, отчего это «так» все случилось. Почитайте какого-нибудь Коковцова, многомудрого министра Царя, или философа Лосского и кого хотите. Все они задним умом, конечно, сильны. Но этим умом сильны все не очень умные люди. Каким образом только в этой среде поверили в весьма примитивную теорию социализма, где ни истории, ни обычая, ни традиции не только не нужно, но даже и вредно иметь, потому что это не «прогрессивно». Каким образом через это приобщение к высотам культуры приобщились к уголовному миру и стали аплодировать террористам и убийцам просто так, «из чувства социального протеста», поверили, что евреи осчастливят русский народ?

Целые партии стали жить на деньги от грабежей и убийств, вроде каких-нибудь эсеров и большевиков... Впрочем, что же повторять всем известное. Но ведь им аплодировали люди, выросшие на Гегеле и Фихте, Пушкине и Достоевском. Гуманизм и культура это позволяют.

Скажут, легко теперь говорить, когда все уже позади, а как современнику было увидеть смысл настоящего и узнать, что из всего этого будет? Как своими действиями определить это лучшее?

В этом смысле очень поучительно сравнить то, о чем писали левые, кадетские газеты, и что писали газеты «черносотенные», со своими «реакционными» и «отсталыми» авторами, сплошь антисемитами. Что писала какая-нибудь левая, и, ну очень интеллигентная, «Речь», или, прошу прощения, «Русское Слово» с еврейским акцентом? Здесь было обещано полное благоденствие русскому народу, как только он сбросит с себя бремя своей природной исторической власти и одемократится. Здесь и прелести парламентского строя, и «народное представительство», и «прогресс», и «правовое государство», в общем, решительно все, что сегодня обещают нам

нынешние демократы и западники с израильским или американским гражданством, что одно и то же.

А вот черносотенные авторы монархических газет писали — не верьте, обманут. Как только не станет Царя-батюшки, так и превратится русский народ в рабов и его физически будут истреблять новые властители, попутно морально разлагая⁶. Я мог бы процитировать и «Русское Знамя», и «Земщину», и «Русское Дело», и «Объединение», и «Морскую Волну» и журнал «Прямой Путь», и десятки других газет и журналов этого направления. И каждый, кто начнет читать, не сможет не удивиться поразительной прозорливости авторов-«черносотенцев», от простого крестьянина до студента, помещика и журналиста. Поставив ясные ориентиры, выставив как критерий оценки два главных понятия — православия и народного быта — без всяких философских затруднений они увидели весь смысл политических событий в стране и ее будущее в случае победы так называемой «демократии». «Наше правительство винят в стеснениях печати: да попади власть в руки Лениным — никому, кроме социалистов, пикнуть бы не дали, вешали бы за частную беседу в неудобном Лениным духе... Казнили бы не за действия, а за мнения, за сочувствие, как казнили младотурки инакомыслящих журналистов», — писал, например, Д.Булатович. Удивительно, но уже в 1909 году можно было прочесть о конечной победе большевиков в случае продолжения революционной ситуации в стране, о приходе к власти Ленина («Русское Знамя», 1909 г., № 169.). А меньшевики и кадеты уже после всего удивлялись, откуда это большевики свалились на голову, когда все так хорошо было задумано. Пример точного прогноза, как известно, является признаком верности самой теории, в данном случае — черносотенной.

Возьмем еще несколько примеров из правой прессы в смысле точности прогноза и оценок. В августе 1915 г. был создан различными думскими фракциями так называемый «прогрессивный блок», куда вошли и некоторые царские министры, и члены Государственного совета. Понятно, народ образованный и умом не обделенный. Можно сказать — цвет российской интеллигенции. Этот блок стал ударной силой февральской революции. Каждый член этого комплота был уверен, что только государственный переворот приведет страну к процветанию. А вот оценка этого блока «Русским Знаменем» (от 1 октября 1916 г.): «...*Это и есть тот предательский желтый*

⁶ См., например, предисл. В.Правдина к книге Е.Дюринга «Еврейский вопрос» — Кишинев, 1906 г.; персп. журнал «Молодая гвардия» из 1998 г., № 8; ср. «Экономическое засилье над русскими евреями, изощившихся в экономической борьбе, не подлежит никакому сомнению... а экономическое поприще теперь все: это — власть, это — несомненный гнет над другим, это — выживание вас отовсюду, быстрое и самое верное, ведущее за собой за этим и ваше физическое вымирание».

блок, который, задавшись недостойной целью парализовать лучшие правительственные начинания, злонамеренно толкает в пропасть всю русскую государственность, чтобы на развалинах ее создать крошечное царство лжи и анархии».

Наступил февраль 1917-го, и наступило царство, как известно, именно лжи и анархии. А ведь в «Русском Знамени» работали не академики и профессора. Академики и профессора делали революцию и были убеждены, что несут благо и процветание, а черносотенцев нечего и слушать. История еще раз показала, что многознание уму не научает. За два месяца до начала мировой войны «Русское Знамя» писало о немецких деньгах, на которые будет совершена революция социал-демократами. В июне 1914 г. — о заинтересованности Англии в вовлечении России в скорую войну с Германией. О том, что во время войны Франция и Англия будут помогать революционным силам в России.

И ни по одному пункту газета не ошиблась! А вот о левой прессе этого не скажешь. Читать ее пожелтевшие страницы сегодня скучно и смешно. Глупость, ложь и верхоглядство!..

Самым ярким примером ясного понимания политической ситуации в стране явилась, пожалуй, публикация в старейшей в России монархической газете «Московские Ведомости». Еще весной 1906 года в статье «Две диктатуры» говорилось, что исходом революции, начавшейся смуты, может быть только диктатура, — жесткая и беспощадная. И вопрос стоит не о количестве «свобод» и не о парламентских режимах, а о том, кто проявит волю и установит диктатуру: красные или белые? Заметим, что кадеты еще кричали о демократии, Царь — верил этой «прогрессивной общественности», и указ за указом, манифест за манифестом, — расширял все эти «свободы»: слова, вероисповедания, собраний и проч. И наивно полагал, что действительно «солнце правды скоро, скоро взойдет над русской землей (подлинные слова Николая II при приеме делегации рабочих-монархистов из Иваново-Вознесенска 20 февраля 1906 г.). А «Московские Ведомости» точно определили суть дела: речь идет только о том, кто именно установит в конечном счете диктатуру. Третьего не дано. Правым было ясно: страна погибает от недостатка государственной власти, а не от избытка ее. Левые, профессора-кадеты, кричали о свободе. Октябрь 17-го показал, кто был прав.

И это лишь один из множества ярких примеров предвидения обстоятельств, как следствия ясных мировоззренческих установок. Увы, в основе — реакционных и черносотенных. Но потому и верных... Позитивисты, политики-прагматисты, люди «реального мышления» — все эти Милюковы, Гучковы и проч. оказались посрамленными в своих способностях увидеть и направить, предвидеть и сделать выводы. Материалисты и оккультисты, пантеисты и теософы с октября семнадцатого почувствовали себя обманутыми в своих

«точных» прогнозах и ожиданиях.

Уж, кажется, какой ум — Н.О.Лосский. Даже книгу написал об интуитивизме. Мыслимое ли дело, о самом главном искусстве предвидеть и разгадывать за видимым невидимое. Но почитайте его собственные воспоминания. За день до начала мировой войны, когда всем его знакомым было уже ясно, что завтра-послезавтра начнется мировая бойня, он пребывал в самом безмятежном состоянии и решительно отказывался верить в такую возможность. За день! То же самое и относительно революционных событий.

Про писателей и поэтов говорить не приходится. Блок был человеком, всю жизнь, по крайней мере сознательную, ждавшим, как и другие его сотоварищи, революцию в виде Прекрасной Дамы, а, увидев мурло чекистов, удивился до самой последней степени. Еще больше удивился, когда в его поэтическую квартиру вместо Прекрасной Дамы революционным порядком вселилась пошлая еврейская семья и по квартире поплыл кислый запах какого-то варева с кухни.

И поэтому когда «это» наступило, то даже позволил себе что-то сказать о еврейском характере не очень лестное.

Теперь обратимся к вопросу более общему, — оглуляют ли человека все эти прелести мировой культуры с ее философией и литературой? Ведь не случайно же слово «интеллигент» стало почти бранным и произносится людьми положительного дела почти презрительно. Но ведь речь-то идет не о какой-то узкой секте придурков, зачем-то что-то читающих, что никому другому читать не придет в голову. Ведь, по правде говоря, противопоставление двух групп населения — народа и интеллигенции — сегодня просто анахронизм. Вся нация почти обинтеллигентилась, пройдя через общеобразовательную школу и всю систему пропаганды культурных ценностей и получая каждый день через телевидение и газеты очередной заряд этих самых «ценностей».

Однако, обратимся все-таки к рафинированным представителям интеллигенции как прошлого, так и настоящего, с этим, быть может не очень корректным вопросом, чтобы лично для себя сделать вывод для практического пользования, и невольно придем к выводу — да, оглуляет, и именно в той степени, в какой происходит это поглощение. Ведь и слово «интеллигент» означает человека, который является как раз чистым продуктом всемирной культуры, женихом Софии, мудрости...

Конечно, такой вывод будет все-таки неверен, так как, например, из такой философии полностью выпала святоотеческая литература, как и классическая античная. Ведь тот, кто внимательно читал Платона, его «Государство», например, мог бы, вооруженный знаниями христианского вероучения, увидеть реальное воплощение идей большевизма. А в других работах того же

замечательного Платона, увидел бы все родовые пятна современной демократии с ее принципиальным аморализмом, и всеми фашизмами в придачу. Более того, узрел бы полное отсутствие какого-либо принципиального различия во всех этих учениях. Недаром же Платон в СССР до 1961 г. был запрещен. Даже самое поверхностное знакомство с Вольтером и Руссо оказало бы ему неоценимую услугу: он увидел бы, что и на тысячу километров нельзя приближаться России к теоретикам церковного погрома и абсолютистского деспотического государства. Из чтения Огюста Конта могли бы сделать вывод, что в случае крушения Самодержавия к власти придут не просто представители безбожного чиновничества, но представители самой мрачной жреческой деспотии, в которой все, вплоть до личной жизни и личного письма будет просматриваться и контролироваться, где будет единый политдень, партийные проработки и «ценные указания» на каждый день по всем направлениям человеческой деятельности. И установится иудократия...

XI

Если бы мы взяли на вооружение незыблемость тех истин, которые произносятся священником с церковного амвона, каждый день, то и знание философии принесло бы неоценимую пользу. Точно бы усвоили, что любое учение, провозгласившее вражду к Церкви — полезным для народа быть не может, что убийства душепагубны, и что *заповеди блаженства полезнее всех учений о светлом будущем*. А философские знания помогали бы доказывать это себе и другим, пользуясь разработанным философией языком, как это делали и первые отцы Церкви.

Обладая хорошим вкусом к русскому языку, никто никогда не стал бы читать корявые книжонки по марксизму с их жаргонным слогом и неудобопроизносимыми понятиями.

И литература заняла бы нужное и весьма скромное место в общей системе образования и всей культуры ...играя роль поселковой сплетни. Да и «культуры» не стало бы, а была бы христианская жизнь. Все это важно понять сегодня, потому что сказанное относится не к прошлому, а к настоящему, и имеет самое что ни на есть практическое применение. И это применение совершенно не зависит ни от какой политической партии и политической конъюнктуры. Оно зависит от решения каждого человека.

В древне-церковной антропологии святые Отцы Церкви отличали ум духовный, непосредственно прозревающий истины, и рассудок душевный, рассуждающий и доказывающий. И если рассудок дискурсивный, рассуждающий, не опирается на ум, то его поражает та самая произвольность, бесцельность, необязательность, которая и была характерна для наших университетских философов предреволюционной поры, как, впрочем, и для теперешних публицистов и философов. Не увидев Бога, увидели силу

коллектива, и все сплошь записались в социалисты. Отсюда и склонность к миру уж совершенно уголовному, ко всем этим эсерам и эсдекам. Гордость от знакомства с каким-нибудь очередным Нечаевым, вроде террориста Савинкова, что слишком хорошо известно. Конечно, нас сегодня героикой бандитизма в книгах и кино не удивишь. Мы все, так или иначе, как накануне катастрофы семнадцатого, обандитились, обворовались. С тем далеким временем нас, таким образом, объединяет одна культура, одна философия и одно, увы, достаточно грязное дело. Ведь мы плоды одного дерева, масонского просветительства, «гуманизма» безбожного, чисто мирского.

Культура распада и тления. На этой культуре нации не возрождаются, даже если часто вспоминать Кутузова и Суворова и читать долго и внимательно Чехова и Бердяева. У воров при таких воспоминаниях и при таком чтении не пропадает желание воровать, а у бандитов убивать. История знает много очень образованных воров и бандитов, начиная с тех же Ленина и Троцкого, Савинкова и Гоца с Гершуни в придачу, не считая Дейча, Свердлова и Чернова. Про образованных руководителей ГПУ и НКВД не говорю. Если бы они не уважали Толстого и Достоевского, Чайковского и Куприна и других столпов русской культуры и не видели в них для себя пользы, то мы бы их, этих «столпов культуры» и мастеров слова, век не увидели. Факт, сколь ни печальный по своим выводам, но по исторической реальности с ним решительно не поспоришь. Печально, но факт. Общее дело. О нем так мечтал Н.Ф.Федоров, и оно пришло. Но только не в виде всеобщего воскрешения, а прямо обратного процесса усыпления, но тоже дела почти всеобщего.

XII

Внушаемость людей сегодняшнего дня, воспитанников всеобщей культуры и исповедников религии «всечеловечества» поистине тотальна и ужасающа. Как и расколотовость нации. Весь народ обинтеллигентился и обфилософствовался и стад доверчив, как младенец, и аморален, как Милюков. Он искренно, например, верит в то, что в политике есть действительно борьба групп и идей, и не понимает того, что в современной политике есть только спектакли по заранее написанным сценариям. И что все политические так называемые партии пекутся на одной кухне и их деятельность направляется из одного центра. И что в одном же центре пекут и демократию и патриотизм. Потому что только у одного власть имущего сословия имеется реальная власть и деньги, а все остальное — дело реализации, дело подставных лиц, марионеточных издательств и назначенных лидеров, очень часто чинов спецслужбы.

И эти беганья с кумирами национальной кухни, где готовятся пироги для всеядной культуры, и эти заглядывания в глаза мирового интеллигента — признает или нет он того или иного кумира нашего, все это есть следствие

глубокой болезни национального духа, потерявшего себя в дебрях космополитических абстракций и пошлого атеизма. Недостаточно ведь провозглашать «историко-культурную ценность православия» и бегать кланяться кумирам языческого капища «всемирной культуры». Смею думать, что нельзя безнаказанно исповедовать две религии. На этом пути погибло много людей, и даже очень и очень талантливых и даже гениальных, как и народов, которые при демократиях готовы брести за всякими проходимцами в тайной надежде получить от них хотя бы рубль за свою преданность ворам и аферистам, всякого рода шишам и шпыням, рыцарям перманентной перестройки.

Подлинный национализм не нуждается ни в каких лозунгах и идолах. Он нуждается в здоровых принципах. Он не может быть и самодостаточным. Это очевидно из исторических примеров. Нельзя заставить человека быть честным только потому, что ты русский или немец, китаец или малаец. А ведь от личного исповедания того или иного образа жизни и поведения зависит и весь облик и судьба нации. Лозунг «национализма» вытекает — в категориях сегодняшнего языка политиков — из истоков достаточно провокационных и, по крайней мере, бесплодных. В реальном повседневном противостоянии началам вредным и порочным лозунг национализма остается лозунгом, никак не претворяясь в жизнь. На моих глазах в последнее время люди, активно и самозабвенно ругавшие еще вчера сионизм, оравшие о жидо-масонах и вредоносных демократах, сегодня служат им столь же самозабвенно и преданно.

Этот феномен должен был бы обратить на себя внимание серьезных людей и помочь делать для себя выводы относительно ценности многих провозглашаемых идей и целых сюжетов, в том числе и в среде патриотически окрашенной. Всегда интересно, кто красит в эти тона и кто дает идеи «во имя защиты русского племени» и его «исторических заветов».

Например, многие помнят, какой скандал был в начале 90-х по поводу газеты «Воскресенье» А. Б-ва. Дело дошло до суда и обвинения редактора в антисемитизме по известной 74 статье. В газете печатались карикатуры «на жидов» и всевозможные ругательства в прозе и стихах. В общем, самый что ни на есть черный листок против «них». Трезвые и здоровые люди всегда, правда, относились к этим антижидовским, не говорю еврейским, пассажам настороженно.

И что же сегодня мы видим? А. Б-в возглавляет или почти возглавляет пресс — службу Жириновского... Здесь же до недавнего времени был и генерал от военной истории Филатов. В той конторе, где, как известно, нет никого, кроме представителей «избранного народа» и агентов спецслужб; создавших эту «патриотическую» партию с бердичевским лоском. «Партии», созданной

исключительно для поддержки еврейского правительства.

Впрочем, в исторической ретроспективе разве не националисты в предреволюционный период больше всего воевали за предоставление евреям всех прав, гражданских и политических? Разве не они в Думе 4-го созыва вошли в союз с масоно-кадетами, и на волне патриотических настроений — «даешь победу над Германией!» — составили костяк революционного заговора? И, кстати сказать, именно верхушка националистов в последние январь-февральские дни 1917-го настояла на том, чтобы не арестовывать Керенского, Гучкова и прочих главарей переворота, когда такое решение уже имелось. (См. А.А. Ознобишин. «Воспоминания члена IV Государственной Думы». Париж, 1928 г.).

Этим я хочу просто еще раз сказать, что русский национализм, не имея никакой религиозной основы, всегда представлял из себя не более, чем крикливый лозунг, создание идей либеральных и бесплодных, лишенных всякого творчества. Отсюда и неизбежная близость к интересам противоположного лагеря.

Впрочем, сегодня в моде у вчерашних коммунистов, работающих для простого народа и окормляющих сих сырых, изголодавшихся по русским корням, «православная» риторика. Национализм же остается исключительно достоянием нескольких газет, неизвестно на какие средства существующих. Их роль, кажется, только в том и состоит, чтобы не дать рядовым членам еврейской общины забыть о том, что они вечно окружены врагами-антисемитами, всегда готовыми на самую низкую пакость. Как сказал недавно по телевидению один мудрый, хотя и молодой, еврей, только эта литература и позволяет руководителям еврейских общин держать своих соплеменников в повиновении (программа «Национальный интерес» в октябре 1997 г.).

При всех разговорах о «ценности православия», об «отеческих корнях» и величии Кутузова и Суворова, никто почти, разве какие-нибудь забытые и маленькие издательства, если они вообще есть, не исповедуют ничего, кроме идей той же всемирной культуры и того же социализма, опутанного как обычно, пеленой конъюнктурных терминов и фраз. Издательства и авторов подбирают и деньги платят в соответствии с выполнением тематического плана по распространению тех же культурологических идей всемирной цивилизации, но, конечно, непременно, в национальном наряде. Но это по заветам незабвенного Шеллинга, наставника наших славянофилов.

Этот наряд очень важен, ибо только в нем могут быть усвоены идеи антinationальные, то есть вовсе чуждые русскому психологическому складу мышления. Русскому человеку, не воспитанному в своей национальной культуре, в своих обычаях и в церковном приходе, за полным отсутствием всех этих теперь уже исторических данностей, очень трудно отличить, например,

какая литература русская, а какая создана для русских. И при этом при всем возникают какие-то «русские» телевизионные программы — вещь совсем трудно объяснимая, и русские националистические группки, о которых узнают только по телевизионным же сообщениям. Есть и какие-то монархические группы, и группы последователей Врангеля и Белой идеи. И еще всякая тьма всевозможных камерных групп и группок, и даже каких-то бутафорских движений без всякого членства и всякой видимой организации во главе с генералами КГБ в штатском. При этом не следует забывать, что телевидение и прочие средства массовой информации находятся исключительно в еврейских руках и используются в еврейских интересах. Они нам и сообщают об этих «националистических русских группах» и о «русских фашистах», угрожающих интересам «мировой демократии».

При взгляде на некоторые такие загадочные организации невольно задаешься целым рядом вопросов с ответами предположительными. Потому что ничего точно сказать невозможно, ибо все они или почти все, имеют какой-то странный конспиративный характер, почти заговорщический. Но на заговорщиков лидеры этих групп и движений совершенно не похожи. «Заговорщики» заседают зачастую в хороших офисах, и на протяжении многих лет, вращаясь в высших сферах, решительно ничего не делают, кроме организации каких-нибудь митингов или конференций; иногда издают какую-нибудь газету с умышленно ограниченным, микроскопическим тиражом. Как, например, «Русский Вестник». (И это тем обиднее, что газета вовсе неплохая и достаточно выдержанная в русско-православном духе, хотя и была создана в недрах ЦК Компартии на Старой Площади). Во всех этих эфемерных газетах и организациях настораживает именно это желание умышленно не расширять членства, не тиражировать своих идей, не идти в народ, и пребывать лишь для того, чтобы отвлекать какую-то часть русских людей на себя этими митингами, конференциями и заявлениями для прессы. На самом деле никакой русской партии, русского движения, русской организации массового характера сейчас нет. Как и нет подлинного общенародного русского органа периодической печати. Конечно, всегда может возникнуть сакраментальная фраза, «нет денег». Эту фразу сегодня не повторяют разве что воробьи и вороны на деревьях. Даже и не очень диалектическому уму ясно, что с одной стороны — денег никогда не бывает, ни у кого, никогда и нигде. Я уверен, если спросить денег у Рокфеллера на что угодно, он скажет то же самое — денег нет. Но в то же время... деньги всегда есть. Одна и та же картина, трудно объяснимая и в то же время типичная для наших дней. В издательствах, самых, что ни на есть «хороших» и целиком «наших», где разговоры об отсутствии денег также звучат привычно, как шум работающего вентилятора, периодически закатывают шикарные презентации и очень, ну очень дорогие банкеты, с многомиллионными затратами. Презентации и банкеты вообще стали чем-то

привычным даже там, где зарплаты не платят рядовым сотрудникам месяцами.

Начальство патриотических «движений» и «партий» по виду ничем не отличается от работников вчерашних обкомов и ЦК. Те же холеные физиономии, колючий недоверчивый взгляд и презрительное выражение лица.

Все мы знаем, что в иерархически организованных странах представителям народа, культуры, профессиональных групп являются специально назначенные для того люди. Созовите десять учителей, и даже просто своих людей, повесьте табличку «Профсоюз учителей», и вот вы можете повсюду выдавать их за выразителей интересов всех учителей страны. По этому принципу, как известно, у нас и существуют до сего дня так называемые профсоюзы⁷. Ни один человек с улицы не скажет вам, что это такое и чем этот профсоюз занимается.

Союз писателей... здесь, конечно, пришлось весь процесс писательства с первых дней эсесесерии вводить в организованное русло и полностью перекрыть все возможности импровизации. Какая-нибудь пара десятков сексотов от журналистики, которых было создано в недавние времена тысяча тысяч, сегодня может представлять кого угодно — патриотов, националистов, фашистов, легко становящихся демократами. Таким образом надежно блокируются каналы реализации действительно национальных чувств и возможности создания действительно национальных объединений. Возникает вопрос: а не был ли этот союз писателей одновременно масонской ложей, как это бывало в прошлом веке, когда существовали писательские ложи.

Общеизвестным фактом является и то, что все студенты Института Международных Отношений включались КГБ в свои ряды, как и все студенты факультета международной журналистики. Все, кто так или иначе должен был работать с иностранцами. Можно и дальше перечислять громадные группы и отдельно тех, кто становился сексотом. Вся эта система и обеспечивает сегодняшний режим еврейской демократии столь же успешно, как предыдущий. Хотя бы потому, что правящий слой все тот же: правящая партия ушла, распустив свои ряды, от ответственности, но не ушла от власти. Это

⁷ Опубликованные автором этой книги документы показывают, что так называемая Федерация Независимых Профсоюзов России (ФНПР) является коллективным членом Ордена Орла, в уставе которого «содействие реализации государственных и правительственных экономических и социальных программ» (Устав Ордена Орла, II, 21). Орден управляется капитулом и является международной организацией. Зарегистрирован в Минюсте 12 августа 1993 г. (Свид. о регистрации №1879). Подробнее — «Правда-5», 1997 г., 4 июля. Каким же образом, спросим мы, этот профсоюз является Независимым, и как он защищает права трудящихся, если является орудием правительственного курса? Но кто это вес знает. Случайно попадет документ, едва опубликуешь. Кто прочтет, кто нет. И все забыто!.. (см. в конце книги «Орден Орла») 33

очевидно. Исходя из сказанного, приходится делать выводы и о состоянии дел в патриотическом лагере, в том числе на идеологическом фронте, хотя и неутешительные для романтиков-русаков, но вполне соответствующие реальности.

Надо задуматься над некоторыми вопросами. Все «наши» журналы — «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» и газеты вроде «Литературной России» были созданы решением ЦК КПСС. Тогда же они приобрели известность как органы патриотически русские. Главные редакторы назначались специальным решением ЦК. Возникает вопрос: почему же тот орган власти, который так успешно доканывал русский народ, разорял русскую деревню, поощрял и организовывал травлю всего русского и исторического, открыл органы русского патриотизма? Внимательно следя за всяким печатным словом, буквально каждым словом, власть пропускала что-то одобрительное по русской истории, вроде рассуждений о величии преподобного Сергия и жалостливые рассказы о погибающей русской деревне.

Если попытаться хоть как-нибудь сносно ответить на такое странное противоречие, то неизбежно придешь, как кажется, к таким выводам. «Там», под вывеской ЦК, скрывалась другая, более высокая по своим историческим и политическим задачам организация, в которой сама КПСС рассматривалась как временная форма правления страной на определенном этапе большой переделки русского народа. *Марксизм был вольтерьянством XX века.*

«Там» знали законы управления народами и их национальным сознанием. Знали, какой численности та или иная национальная группа, которую надо ввести в свое русло, то есть в русло своих идей под видом национальных. Тот, кто возьмет эти журналы и газеты той поры, тот увидит там славословия и Ленину, и Брежневу. И, конечно, всей КПСС.

Можно, например, вспомнить и роман в «Нашем Современнике» о преп. Сергии Радонежском Д. Балашова, известного мастера суррогатов по русской истории, написанный в худших традициях губельмановской атеистической пропаганды. По уровню кощунства этот роман можно назвать классикой атеизма. Цитировать его нет никакой возможности. Но именно такого рода «патриотическая» литература и составляла главное содержание этих «русских», вернее русско-интернациональных органов печати, созданных на Старой Площади. Понятно и другое. Фальсифицировать через патриотизм, через романы по русской истории религиозные идеалы и провести начала материалистические, чувственные, враждебные христианству, дело легкое и успешное, что мы и видим на примере романов Балашова.

Для идей пантеизма и атеизма, идей, лежащих в основе интеллигентной доктрины всемирной культуры и «человеческой религии», где Мировой Дух выражает себя через всемирную секту «избранного народа», которой может

быть и отдельная нация, как у Гегеля, и все еврейство по Талмуду, или слой просвещенных жрецов всех наций, как в масонстве, — «патриотизм» и национальная оболочка, конечно, — сущая находка.

Ведь для того, чтобы всемирная идея «гуманизма и Бесчеловечности, прогресса и демократии» нашла себе дорогу ко всем людям планеты, надо говорить с каждой группой населения в зависимости от ее наклонностей, национальности, языка и культуры и даже в зависимости от степени ее развитости и возраста. Учитывается все, коль скоро идея претендует на всемирность. Но уловить идею в оболочке художественного образа, в тексте романа или повести, музыке или драме достаточно сложно.

Одно дело кричать, что Бога нет, другое дело изобразить симпатичного главного героя, которого выдает полиции дьякон. Одно дело говорить, что все священники были эксплуататорами, другое дело представить под именем исторически жившего русского святого какого-нибудь чувственного похотливца. А если при этом вы еще изобразите Куликову битву в патетических красках и скажите пару прочувственных слов о Великой Руси и ее замечательном народе, да еще и проведете удачно мысль о врожденной революционности русских, и как бы намекнете, что Куликова битва есть только пролог к Октябрьской революции, а освобождение от татар есть лишь прообраз освобождения от помещиков и царя, то вам цены нет! И читатель проглотит под фразами о величии народа и о князе Дмитрие все, что вам нужно. Примерно по этому рецепту зачастую и пекутся романы и повести «патриотического» содержания. Так они пеклись и «Нашим Современником». Пекутся, надо полагать, и теперь в той или иной форме. Подозреваю, что даже и в форме разоблачения жидо-масонов, и в форме борьбы с сионизмом. Это все темы проходные, в смысле открытия канала доверия у читателя, через который легко вводятся в сознание или чаще подсознания глубинные идеи, формирующие саму матрицу сознания и тип мышления, и именно в духе масонства и иудаизма.

На масонской теме необходимо задержаться и внимательно осмотреться. Эта тема в моде. Авторы по большей части подают ее публике в виде захватывающего детектива, обильно снабженного «патриотическими» штампами вроде таких, например: «масоны — враги русского народа», они — обманщики, жулики, обманывающие нас, простодушных, они преступники и шарлатаны.

В таком виде она, эта легенда, явилась нам в качестве замены «агентов це-эр-у», «рыцарей плаща и кинжала», плетущих заговоры против «прогрессивного человечества». Увы! В масонских рядах были и честные русские патриоты, и замечательные писатели, и даже полководцы, но — успокаивают нас — это не страшно. Были-то они там где-то внизу, и, ясное

дело, ничего «такого» не знали. Ведь все гнусное происходит наверху, там все тайны всех революций. А внизу можно, это не страшно!

Конечно, после таких слов становится как-то веселее. Но даже самый простодушный читатель чувствует какой-то подвох. Ну, например, что же, и Лейбниц, и Гете, и Ньютон, и даже Фрэнсис Бэкон, — были врагами русского народа? И даже Моцарт? Ну, хорошо, Пушкин был обманут. А вот папенька его, он-то был ведь в высоких градусах, шотландский мастер или выше. Или вот злосчастная для нашего патриотизма фигура Петра I. Как с ней-то быть?

Вот автор многотомного труда Олег Платонов утверждает, что весь вред у нас, на Руси, от западных идей, от ихнего просветительства. Мы, читатели, доверчиво усвоили эту нехитрую и знакомую до боли мысль: Запад капиталистический разлагается, оттуда же и зараза. Но... напрасно мы успокоились. О.Платонов уже кидает еще одну мысль:

Петр I был хорошим, и потому масоном быть не мог. Ну, раз хороший!.. Все мы с детства усвоили, что Петр тем и велик, что пустил этот Запад в Россию, за то и Пушкиным прославлен. А тут — Петр велик, а западные идеи плохи. Наплевав на логику, вместе с плодовитым автором двигаемся дальше, постигая происки этих гнусных заговорщиков-масонов. И только мы начинаем движение — новая бомба взрывается в нашем жалком мозгу: просветитель Новиков! Вот фигура из фигур! Все советские авторы поют ему аллилуйю именно как просветителю в западном духе, а то и просто в духе истинного масонства. Благодаря ему русское общество, как читаем мы практически в любом учебнике по истории и литературе, не говоря уж о специальных исследованиях, — узнало о Дидро и Вольтере, Мендельсоне и Франклине. Попутно, добавлю, и о иудейской каббале, а также ее подразделениях на практическую и теоретическую. Узнаем мы также, если заинтересуемся, что Новиков был масоном номер один перед лицом немецких начальников ордена, и благодаря ему масонская литература разошлась по всей России, породив интерес к теософии и каббале, уже никогда более не умиривший в среде интеллигенции. И что же? У автора Платонова Новиков — настоящий патриот! В конце концов начинает казаться, что автор любит таким образом развлекаться, ставя читателя в дурацкое положение и тем забавляясь.

Вот прочтешь, что Кутузов и Суворов никогда не были в масонстве, а через пару десятков страниц увидишь сообщение сквозь зубы, что, мол, ну да, были... так это же в молодости! Вот и Вересаев... то же: не был, не состоял, не виновен. Затем — ну был, ну так это же так, случайно... И все страницы многотомных сочинений Платонова представляют собой какой-то диалог прокурора с адвокатом, но в одном лице: самого автора. Читателю же остается только выслушивать то обвинительный приговор, то оправдательный!

Все это было бы, впрочем, мелочевкой литературной посредственности,

созданием ума примитивного, но хорошо усвоившего вкусы неприхотливой публики, если бы не то, что под видом разоблачения масонства идет проповедь именно его идей и принципов.

ХIII

В реальности масонство ведь не есть скопище маргиналов, жуликов и мелких воришек. Дело обстоит намного глубже и трагичнее. И в то же время каждый из нас в своей повседневной практике может противостоять тем началам, которые масонство проповедует. Для этого надо просто знать, что масонство в наше время есть главная культуросозидающая сила современного мира. Речь идет о качестве и содержании самой современной культуры и ни о чем ином. О ее религиозном, человекобожеском начале, о ее оккультно-каббалистических основах.

Речь идет о том, как мы из глубины своего сознания видим мир и мировой исторический процесс. Считаем ли мы, что мир совершенствуется и улучшается под воздействием науки, литературы, искусств, а вместе с тем становится лучше и сам человек? Что улучшение техники и повышение комфорта увеличивают радость и счастье на земле, и таким образом мир идет к «райскому состоянию»? Если вы верите именно в это, то дело масонства в вас лично цветет и пахнет. И любой магистр любой ложи может... довольно потирать свои холеные ручонки. Вы — его человек. Если же у вас есть сомнения в этих утверждениях пророков иудаизма и масонства, если вас начинает волновать мысль о жизни после смерти и вы всерьез думаете о спасении души через церковное делание, то вы своим существованием не доставляете радости никакому магистру никакой ложи. С вами ему еще придется поработать. И кто кого — вопрос.

Если вы верите в то же время, что Церковь Христова — это «большая культурно-историческая сила», т. е. часть культуры, то вы больше в ложе, чем вне ее. А если у вас есть убеждение, что человек своим собственным трудом все может — вы весь целиком там, в храме Соломона. Тогда вы верите в труд, как спасающую силу, и отвергаете благодать Св. Духа.

Масонство — это гуманизм, это Возрождение и Просвещение. Под этими терминами есть идейно-оккультная сила, их составляющая. Недавно, в 1996-м, по страницам прогрессивных газет прошел мало кем замеченный скандал. Однако, очень характерный для понимания сути современной культуры («Изнестия», 1996: «...Алексей Лосев оказался заурядным антисемитом»), как и той силы, что сегодня правит Россией.

Имя философа А.Ф.Лосева, недавно умершего, достаточно известно. В последние годы жизни он стал маститым и признанным мыслителем, и иначе, как «наш замечательный», «известнейший философ» и прочее в том же духе, его не называли. Действительно, было за что его превозносить. Его

философские труды по эстетике античности, по философии символов, в своем роде уникальны. Но вот в одном журнале историко-архивном опубликовали его сокровенные мысли. Тут-то и началось!.. Покойный профессор был генералами от «демократии» и «прогресса» полностью разжалован в рядовые и отправлен навечно в карцер. Он больше не мыслитель, а просто... агент ГПУ, сексот и черносотенец. Причем все это — в одном лице. А как же труды-то по эстетике Платона и Сократа? — спросите вы. Все, в костер! — ответят вам специалисты по свободе слова, — он антисемит!

Так что же позволил себе в свое время, в тридцатые еще годы, высказать уважаемый Александр Федорович Лосев? А вот что: «Я утверждаю, что феодальный строй и его идеология стремились не к эксплуатации трудящихся, а к истине — так, конечно, как это тогда понималось. Истина, которую исповедует феодальный строй, есть церковь и послушание ей... идеей и душой крепостного права является не эксплуатация трудящихся, но спасение души и церковные догматы. Надо понимать, что крепостничество есть вовсе не то, что клеветают на него либералы всех стран и народов». Сразу запахло черносотенством. Мы же обучены на гуманизме.

Любой человек, прочитав эти строки, вздрогнет. Ему захочется закричать: «Ты чего, профессор? А Гоголь? А Щедрин? А этот, как его там?.. Ну да все равно, он ведь тоже!..» Закричит. А ведь можно и не кричать, а, во-первых, прочитать письмо Гоголя Белинскому. Во-вторых, внимательно посмотреть на сегодняшние телевизионные репортажи и на лица детей-дистрофиков, исключительно русских. На тех, кто брошен на вымирание. Такого при крепостном режиме не было. Там население русское не вымирало, а росло численно. Можно вспомнить, как его самого еще вчера гоняли самым циничным образом то на картошку, то на капусту в колхоз... Можно подумать и о том, что сегодня, при еврейской демократии в России идет работоторговля, миллионы людей голодают, миллионы молодых людей сидят на игле, и все это исключительно из числа лиц коренных национальностей России. Но все это так, для раскочки. А вот что пишет философ дальше, из-за чего весь сыр-бор: «Израиль хочет создать себе спасение своими собственными руками, поэтому израильская стихия и лежит в основе новоевропейской культуры...»

...Своими руками... труд... счастье... Давно ли все эти лозунги висели у нас на улицах. Без Бога — сами! Вот, собственно, главный догмат коммунизма и масонства. «Мы кузнецы, и дух наш молод...» Или «молот»?.. В тайне «Коллективизма и Труда» и зарыта тайна масонского учения и иудаизма.

Но продолжим прерванную цитату: «...Возрождение, Просвещение, Революция, — все это имеет под собой опыт сведения благодати, которая дается даром и по неизвестному определению, на естественные усилия человека, которые должны быть вознаграждены по справедливости и в

которых нет ничего таинственного, но все телесно и чувственно-реально.

Каббала есть принцип человеческого естества, активно направленного против стихии благодати. Каббала есть обожествление и абсолютизация Израиля. Израиль — принцип отпадения от христианства и оплот злобы против Христа. Израиль — проклятие всего Христианства».

То, что «каббала есть обожествление Израиля» — не есть, конечно, открытие Лосева, а просто изложение основ иудаизма, как он преподается и сегодня. Можно сослаться, к примеру, на недавно изданную книгу раввина Штайнзальца «Роза о тринадцати лепестках» или взять книгу Михаила Лайтмана «Каббала». В сущности, это букварный уровень... но не для нас, а для учеников еврейских школ. Но здесь важно, кто говорит, а не только что говорит. Приведу еще одну цитату, быть может, самую интересную: «Триада либерализма, социализма и анархизма предстает перед нами как таинственные судьбы каббалистической идеи и как постоянно нарастающее торжество Израиля» («Источник. Вестник Архива Президента РФ», №4. 1996г.),

Эти слова философа, разжалованного посмертно в «гнусные черносотенцы» без права переписки, могли бы показаться действительно уж очень тенденциозными, и, просто сказать, антисемитскими. В этом инциденте с Лосевым интересна сама грань допустимости этой демократической культуры) Если, например, в труды по разоблачению масонства, такие, как у О.Платонова, денежные мешки будут вкладывать средства, а уважаемые магазины — брать на продажу, а «наши современники» — печатать все эти низкопробные сочинения, то одна-две фразы вроде вышеприведенных дорого обойдутся их автору.

Тема с Лосевым была бы закрыта, если бы мы не посмотрели, а что, собственно, на тот же счет говорят сами еврейские публицисты? Ну вот, к примеру, М.И.Каган, — что он-то писал в свое время? А вот что: «Нельзя не считаться с тем, что на протяжении двух тысяч лет происходит иудаизация европейской культуры. (...) Дело тут даже не в полной иудаизации, конечно, а в принятии идеи народа-гения, творящего культуру». («Минувшее», т.6, с.230). Но ведь именно эту идею развивал А. Гитлер в «Майн Кампф»...

Далее определяются те черты иудаизма, которые являются основой понимания доктрины прогресса: еврей призван совершенствовать мир и работою над этим он «очищает себя». Каган подчеркивает, что это представление о необходимости совершенствовать мир (олам тикун) есть исключительно принадлежность иудаизма. И в этом он совершенно прав.

Христианин должен совершенствовать себя, а не мир. И спасти свою греховную душу, а не человечество.

Если мы теперь отвлечемся ото всех этих текстов и попытаемся увидеть

главные идеи, отличающие коммунизм, иудаизм и масонство, и затем попробуем взглянуть во многие сочинения современных авторов, художественные, публицистические или псевдоисторические, то увидим, что все эти идеи в разных видах и формах мы встречаем на страницах любимых наших журналов, газет, на экранах телевидения. Таким образом, проблема масонства встает перед нами как проблема не столько политическая, сколько духовная, касающаяся лично каждого. И кстати же, все тот же Каган говорит, как о форме иудаизации, об идее «культурного национализма».

Так что если мы видим прославление «коллектива, труда и культуры», и все под видом нашего исконного, русского, мы должны отдавать себе отчет, о чем идет речь. А речь идет об известных словах Сталина: «Мы должны использовать патриотизм в своих целях». О том, что выражают эти слова: «использовать в своих целях...» можно задуматься: «в своих», это каких? Но ясно, что «в своих целях» и были созданы «наши современники», «литроссии» и «молодые гвардии».

Не могу обойти и другую важную тему в этом же русле. Что не нравится редакторам в этих «патриотических» журналах и газетах со Старой Площади. И что нравится. Особый тип отношения к Православию и Церкви сам по себе весьма характерен. Вы должны писать о Церкви и православии в стиле отстраненном и холодном, по возможности «объективно». То есть вы должны подчеркнуть важность «историко-культурной» роли Церкви и воспитательное значение «православного учения». То есть Церковь есть сила культурная и историческая. С одной стороны, роль ее была важна на «том» этапе исторического развития. Учение ее было важно в качестве воспитания народа культурного и воспитанного. Важно подчеркнуть и патриотическую роль в освобождении от иноземного ига. То есть, вы должны сообщить идею исключительно земного предназначения Церкви как одного из Общекультурных институтов в жизни наших предков. Силу, уже сыгравшую свою роль, за что ей и спасибо.

Чего вы не должны? Не должны писать в категорическом тоне, что Церковь есть сила вечная и спасающая и единственно спасительная для любого человека, что она одна вмещает в себя всю полноту Слова Божьего, и что Ее истины обязательны для всего человечества, и благодатны. Ясная категоричность в этом смысле, как бы осторожно и ненавязчиво она ни была изложена, тут же будет встречена в штыки. Говорю по опыту. Например, редактор «Нашего Современника», улыбчивый К., поведал мне на этот счет, что, во-первых, их журнал вовсе не придерживается точки зрения, что православие единственно верное учение. Что их журнал стоит на позициях более широких идей. Что идеи эти носят скорее теософский характер, и определяют мысль, что высшим выражением божественного является человеческая культура в виде литературных произведений и философских. По

правде сказать, этот разговор имеет только ту ценность, что доказывает: зря редакторы толстых журналов хлеб не едят, и что люди они образованные, в отличие от многих своих читателей-простецов, за «битвой Куликовой» и «Суворовым» неспособных разглядеть что и для чего, и готовых глотать любой суррогат «патриотизма», когда важно увидеть то, что не соответствует учению Христовой Церкви.

Примерно так же, но еще более показательно повел себя редактор О. из «Литературной России». Он долго не знал, что сказать по поводу маленькой статьи в пять страниц по масонской теме, где идеи ордена сопоставлялись с христианством их отношении к гордыне и гуманизму. В конце концов его устроило бы, если бы я вставил где нужно слова «вероятно», «наверное» и тому подобные смягчающие тон слова. Интеллигентно и неуверенно... Так абсолютное становится относительным и малозначимым. Это основной стиль этих толстых журналов в патриотическом департаменте идеологического органа власти. Результат — бесцельность знаний и вечный зуд, как в масонстве, получить наконец-то тайну главного в очередном номере — градусе посвящения. Но если в масонстве градус что-то дает, то здесь один зуд...

Все эти рассуждения о тонком политическом расчете в деле идеологии патриотизма со стороны специальных органов, призванных управлять общественным сознанием, можно было бы отнести исключительно к области догадок и даже просто фантазии автора. Но, к счастью, в наших руках имеется один документ, который лучше тысяч слов способен продемонстрировать все вышесказанное самым наглядным образом. На заре всеобщего хаоса и развала СССР он был опубликован в газете с неприличным названием «Демократическая Россия» (№4, 1990 г.). Этот документ был найден в кабинете польского руководителя Болеслава Берута, и стал известен на Западе. Он имеет гриф «Москва 2.6 .1947 г. Совершенно секретно К. АА/СС 113 ПРИКАЗ НК/003/47.» В этом приказе имеется 45 пунктов, охватывающих самые разные области управления страной. Имеет смысл привести несколько пунктов:

«п.27. В публичных выступлениях руководителей, выходцев из местного населения, допускается национальная окраска, но она не должна способствовать росту национального единения...»

п.34. Особое внимание следует уделить церкви. Культурную и воспитательную работу следует организовать так, чтобы она порождала враждебность по отношению к религиозным догматам...

п. 35... Следует устранить различия между предметами, ограничить публикацию оригиналов и прекратить преподавание латыни и древнегреческого языка, общей философии, логики и генетики.

На уроках истории нельзя объяснять, кто из предыдущих политиков служил или пытался служить во благо Родины; внимание следует

сосредотачивать на тирании королей и борьбе народа против них. В спецшколах необходимо перейти к очень ограниченной специализации...

п.36. Следует поддерживать такие культурно-спортивные мероприятия, которые посвящаются борьбе местного населения против иностранных, особенно немецких, завоевателей (и обходить борьбу против русских) и воспевать борьбу за социализм...

п.38. Если будет создана такая организация, которая... будет стремиться контролировать официальное руководство и экономическую деятельность, то ее следует сразу обвинить в национализме и шовинизме».

Эта инструкция, рекомендующая сосредоточить внимание на борьбе с немцами, сильно напоминает и нашу официальную линию на культивирование борьбы с внешним врагом, тем же немцем, и запрещение под страхом всех возможных кар писать о борьбе русского народа за свою независимость после еврейской революции. А ведь не случайно же большевики сразу же ввели закон об антисемитизме, приравняв его к контрреволюции, и тем самым, обнаружив природу своей власти. Таким образом был поставлен знак равенства между «советским» и «еврейским» (см. ниже «История Бнай-Брит»).

Приказ об изъятии из преподаваемых предметов логики, общей философии, древних языков и особенно запрет на публикации оригиналов, принадлежит к числу самых значительных. Ведь речь идет о превращении народа, нации, в примитивных исполнителей чужой воли, людей, не способных широко и самостоятельно мыслить.

Это умственная кастрация народа сделала нас людьми недалекими и легко внушаемыми. Мы ничего не знаем и потому обо всем готовы спорить. Оттого-то нам так милы и любезны всякие пошлые поделки в виде исторических романов, в которых истории не больше, чем в древнеегипетской мумии жизни, дыхания и радости. Заметим, специалисты прекрасно знают, какие именно надо изъять предметы, чтобы наш ум стал беспомощным. И уже на этой скудной почве можно было приступить к выращиванию разных журналов и газетенок, всякой пошлой беллетристики. Как можно мыслить без логики, не зная основ философии и не имея привычки что-то анализировать и делать выводы вне намерений пропаганды! Заметим, целые поколения идеологов, писателей и журналистов, и из ныне действующих, десятилетиями «должны были разьяснять и оправдывать решения политического руководства».

XIV

Культура и национализм (патриотизм) столь тесно связаны, что их невозможно разделить. В современном виде оба представления порождены в среде еврейской интеллигенции западных стран и, как полагается, пришли в Россию вслед за распространением идей деизма, пантеизма, и в целом —

материализма.

Как только свет религии стал гаснуть, так из мрака религиозного неведения полезли всевозможные чудища и выступил на сцену суррогат религии в виде культуры и национализма. Даже басенки марксизма-ленинизма, то есть сам Маркс и сам Ленин вдруг обнаружили, что нация появляется только с рассветом буржуазных отношений. Показательно. Пока была в силе религия, пока была самобытная национальная жизнь, «нации» почему-то не было. Хотя именно в это время господства попов, церкви и князей и было создано все, чем жила и живет любая нация в мире. Что отличает ее от других народов и дает ей право гордиться собой. В это время действительно не было нации, а была народность. Народность без Церкви и стала называться нацией. Видимо, именно это и имели ввиду творцы этого термина, которые ввели его в оборот в век просвещения самым широким образом. Появились интересы национальные, никак не связанные с интересами религиозными. Появилась светская культура, и слова «народ», «простонародье» приобрели какой-то уничижительный смысл.

Видимо, под словом «национализм» можно иметь в виду совершенно различные вещи. Например, желание свободного развития своей культуры и своего традиционного быта на своей исторической территории;

желание иметь свою администрацию, хотя бы и внутри другого государства. В этих притязаниях, если речь идет о небольших народах, нет ничего опасного и крамольного для «мирового порядка». Ведь еще Ленин заклинал не путать национализм малых народов — вещь вполне полезную для дела «прогресса» и «демократии», — с национализмом большого народа, который есть всегда и при всех обстоятельствах преступление перед «прогрессивным человечеством», которое небезуспешно претендует на мировое господство. Можно напомнить, что это «прогрессивное человечество» — вовсе не абстракция, не фигура ироническая, а самая что ни на есть реальность из реальностей. И выше об этой реальности уже говорилось. Эта реальность «совершенствует» мир, творит его «исправление» по законам Торы, и никаких противодействий этим путям это «прогрессивное человечество» терпеть не желает. В мире, считает оно, есть место только для одного национализма. Что касается остальных «малых народов», то они могут позабавляться своими «правами на самоопределение», но не более того.

Если же речь идет о таком народе, как русский, то сразу же встает вопрос о чем-то более опасном и почти катастрофическом для всего международного сообщества. И это понятно. Что в таком случае придется делать, например, многим тысячам евреев в нашей стране, которые плотно занимают все ключевые позиции и в руководстве страны, и на телевидении, и в органах печати, и в системе образования, не говоря уже об экономике, финансах,

культурной и научной областях. Что придется делать всем этим людям, в случае реализации права русского народа на самоопределение, людям, привыкшим руководить народами, учить их и поучать, реформировать и воспитывать в духе «гуманизма» и «культуры», «дружбы народов» или «ценностей демократии». Между тем, как благодаря всем этим «ценностям» наш народ с невероятной скоростью сажается на наркотическую иглу и вымирает от туберкулеза, голода, нищеты и отсутствия всякой медицинской помощи. Мы, благодаря такому воспитанию, верим в эти «ценности». Но кто же освобождает свои теплые места добровольно, чтобы мы не только увидели трезвым взглядом, в какое кровавое и жуткое болото ведут нас вожди «прогресса», но еще бы и представили очень большой счет виновникам нашей национальной катастрофы.

Все это, конечно, вполне гипотетические рассуждения, потому что мы наивно верим в «дружбу народов» и ни на какое право на самоопределение не претендуем. Плохо голодать и вымирать, но еще хуже прослыть антисемитами. Мы себе такого позволить не можем. Скорее наоборот, с точки зрения мировой культуры проблемы не будет, если русские благополучно вымрут в результате всех демократизации и станут таким же малым народом, как чукчи. Тогда на их защиту встанет какой-нибудь комитет какого-нибудь Сороса и для резервации выделят пол-Рязанской губернии. Тогда, вероятно, и предоставят возможности для любого национализма.

Кроме того, под национализмом имеется в виду доктрина «избранного народа» еврейского, призванного согласно своей религии, управлять всеми другими народами в той или иной форме, политической, экономической или культурной. Но в отличие от других национализмов, смысл которых в защите своих собственных национальных интересов, национализм «избранного народа» — это уже идея всемирной гегемонии не только этого «народа святого у Господа», но и требование признания его «святости» во всем мире, его права на господство над всеми народами. И это еще гегемония его идеологии, его религии, его вкусов, привычек и представлений о хорошем и плохом. В сущности — это идеологический террор, и его орудием является «культура» с фабрикуемыми в специальных штаб-квартирах авторитетами — «великими», «значительными» и «гениальными», лауреатами и победителями конкурсов, (см. ниже очерк «История Бнай-Брит»)

Важно понимать, что все это есть проявления семитизма, термина, понимаемого как антитеза «антисемитизму». Что означают такие слова, как «образованный» и «культурный»? Их подлинный смысл открывает принятая литературно-бытовая формула: «образованный и культурный человек не может быть антисемитом». И это верно, потому что культурным и образованным является тот, кто в результате воспитания идеологией семитизма, принял его идолов и богов в свое сердце. Это означает, что на все безобразия семитизма,

на все его опустошающие «реформы» и «перестройки», на все социалистические революции и погромы земли русской, на все виды эксплуатации русского народа «образованный» и «культурный» отвечает, глядя в глаза господам своим: «чего изволите-с».

Там, где нет безобразий, а есть уважение людей друг к другу, где каждый народ живет своей самобытной жизнью, где нет русофобии, нет агрессии против национальной жизни других народов, там нет и антисемитизма. Но там есть, замечу, подлинное образование и подлинное понимание смысла жизни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Слово критику и комментарий автора.

Первый, сокращенный вариант данного очерка появился на свет в мюнхенском альманахе «Вече» № 57. А в следующем номере появилась критическая статья постоянного автора этого альманаха г. Н. Вулич. В ней автор выступает с позиций «всемирной культуры» и «гуманизма» со всем набором полагающейся к такому случаю атрибутики гуманизма и морально-этических ценностей, со своими «святыми» и «великими». Эта статья представляется очень характерной не только своим грубым тоном. В первую очередь потому, что она показывает подлинный смысл литературного гуманизма, который появляется под патриотическим знаменем.

Итак, слово критику, госпоже Н. Вулич...

Н. Вулич

БОЧКА МЕДУ И ЛОЖКА ДЕКТЯ

«Если мы не сумеем, не найдем сил восстановить абсолютную Ценность — ни в коем случае не относительную понятий добра и зла и их присутствия в мире,- мы никогда не найдем решения проблемы человечества, никогда не выйдем из беды»

Дж. Оруэлл (1944 г.)

В № 57 «Вече» напечатал очерк В.Острецова «Нация и культура». Автор устанавливает принципы и оценки в осмыслении национальных проблем, в их историческом и политическом ключе, при культурологическом подходе. Пишет о главном — о развале национального самосознания, о заданности этого процесса, о причинах, исполнении и исполнителях. Дан, в общем, прекрасный анализ. Однако, к «бочке меда» странно и досадно примешиваются ложки дегтя, в некоторых частностях, в «отделке» темы.

Абсолютного аспекта вещей нет, человек «окрашивает» их собственным мышлением; это особенно наглядно у В.Острецова.

Есть, безусловно, в статье и абсолютно верные опорные пункты, реальные и

трезвые, как, например: «Внушаемость людей сегодняшнего дня /.../ поистине тотальна и ужасающа. Как и расколотовость нации. Весь народ стал доверчив, как младенец. Он искренне, например, верит, в то, что в политике есть борьба групп и идей, и не понимает того, что в современной политике есть только спектакль по заранее написанным сценариям». И — другая ценная мысль: говоря о политике коммунистической партии — «под вывеской ЦК скрывалась другая, более высокая по своим историческим и политическим задачам организация, в которой сама КПСС рассматривалась как временная форма правления страной, на определенном этапе большой переделки русского народа». Эти мысли из «бочки меда». Но этим автор и ограничивается. Дальше идет «меню-фикс» темы, которые многократно обсуждались: масоны, западная философия, интеллигенция. Агрессивность «Всемирной культуры», создаваемой и распространяемой масонами.

Настораживает, протупающая в текстах некая болезненная извращенность в трактовках проблем, которые составляют и вообще-то, а в особенности сейчас, психологическое ядро национального поведения.

И это — сегодня, когда в центре внимания каждого живущего проблемы самого существования русского народа... И поистине зловеще, что на фоне острого практического осознания проблемы выживания преподносятся десятки страниц диссертаций. Автор фатально заиклен на определенном диапазоне мыслей, из которых не может и не хочет вырваться.

Сущность современного мира — цепная реакция распада. Со всеми, вытекающими отсюда последствиями. Сегодня сама духовная почва тысячелетий, христианская почва всей западной культуры превращается в зыбкий фундамент пустоты. Мир скользит по наклонной в пропасть. И в мире нет больше отдельности. *В мире разбужены стихии, вне области управляемости, и «верховное командование» направляет эти процессы по пути: стать необратимыми. А рычаги — в самом человеке: его психике и психологии, и подверженности всяческому злу*⁸.

В.Острецов делает подмены понятий, выводит формулы, и ставит все на службу своей риторике.

Одну из статей (о русской идее) автор кончает так: «Нет ничего страшнее фальсификации, имитации и подделки в сфере духовных ценностей и самооценок». К этому мнению можно присоединиться.

Литература и писатель

«Собрать все книги бы, да сжечь!»
Грибоедов. «Горе от ума».

⁸ Здесь и далее курсив мой — В.О.

Развернутым фронтом — против интеллигенции. Порка интеллигенции начинается с самого Платона. Всем сестрам — по серьгам!

«Нельзя считать случайным, что именно в момент разлада русской жизни на поверхность выходит русская литература».

Хорошо: были у нас Пушкин и Гоголь, и Достоевский, и Толстой. Да ведь и на Западе были свои: Руссо и Дидро, Вольтер и маркиз де Сад. Но этот сорт безнравственности — Россию миновал. У Острецова: «Вся магистральная, романтическая линия русской литературы несла дьявольскую утопию». По старым, выверенным рецептам советской практики, Острецов раздает оплеухи нашим лучшим. Одно из утверждений автора: «Ни «Капитанская дочка», ни «Евгений Онегин», ни Достоевский не увеличат наших мыслительных способностей». — Подвергаемо сомнению, но, все же, печально.

В. Острецов предъявляет жесткий счет нашим национальным гениям. «Вспомним завывания у Чехова о сверхчеловеках, которые будут жить после нас... /.../ Гоголь — воспитанник масонов, западник, Россию не понимал, ее только выдумывал. /.../ Достоевский: надрыв, но ясности и духовности — никакой». Так и обозначено: никакой. Интересно, как объясняет Острецов, что Достоевский мог создать *евангельский образ князя Мышкина*, не имея о духовности ни малейшего понятия? («Духовности — никакой»...)

«...Славлю Тебя, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных, и открыл то младенцам» «которых есть Царство Небесное». Достоевский: «Единственный закон бытия человеческого — милосердие».

Морализующая духовность русской литературы, ее медиумизм для В.Острецова пустой звук. Т.Карлейль пишет в очерке о Новалисе, защищая его от возможных поверхностных оценок: «...Привычка смеяться над всем великим и насильственно понижать все великое до уровня собственной высоты...» И что ошибочные, и к тому же агрессивные утверждения «способствуют установлению на земле царства наглости и пошлости». Оттого — нужно защищать русскую литературу от ее слишком досужих критиков. Писатели были не вовсе бездельниками, как аттестует их Острецов⁹. Важно, что все они говорили о реальном наличии зла в мире, что есть едва ли не одна из главных тем христианства. **(О наличии зла говорят и буддисты, и сионисты, и марксисты — В. О.)**.

«Под знаменами Толстого и Чехова спасать Отечество не пойдешь». Быстренько *возложив вину на плечи Толстого и Чехова. Острецов молотит дальше*, — кого достанет. (Дело не в Толстом и Чехове — они делали свое дело, а в нашем их восприятии, культово-религиозном — В. О.)

«Мещанский и почти пошлый Толстой, sentimentalный и слезливый

⁹ Нигде и никогда, и, тем более, что сам принадлежу к этому цеху. — В.О.

Достоевский, недалекий Гоголь»... И все производится на фоне определения — «Культура — идеология человеческой религии».. *Есть в общей картине Острецова какая-то болезненная извращенность, свирепость исступления, с какой он терзает лучшее и идеальное. Если он, ничтоже сумняшеся, может людей благородных, жертвенных и кристально-чистых, каким был Чехов (как тот праведник из Евангелия, ради которого Бог пощадил бы мир!) — усердно втаптывать в свой универсальный *уничжительный анализ*. Чернить своих праведников и героев — что делает В.Острецов, — последнее дело. **(Своих для кого? — В.О.)** Ведь одно живое слово Чехова весит больше, чем все диссертации аналитиков. Чехов сам жил по заповедям христианства. **(Чехов был атеистом и не скрывал этого — В. О.)** И люди, которых он ставил в образец были «...люди подвига, веры, ясно осознанной цели» (слово на смерть Пржевальского). **(У православных образец в Житиях святых, а не в романах — В. О.)***

«Нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа...» **(Нравственность нам дала Иисуса Христа?! В сокровищнице иудаизма и масонства эта мысль многого стоит. Между прочим, это общее положение «просветителей» времен Моисея Мендельсона. — В. О.)** «Правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня, и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни» (рассказ «Студент»)

«Плоть» мира Чехова — глубоко духовна. *Чехов был — честью и совестью России.* Чехов обладал качествами, отсутствие которых погружает человека в разорительную духовную бедность и сегодня, более чем когда-либо: это честь, доброта и глубокая любовь-жалость к человеку, удивительная и сокровенная скромность, и умное и активное всему этому служение.

Евгения Яковлевна, мать Чехова, на похоронах сказала Куприну: «Вот, горе-то у нас какое... Нет Антоши...» Да, горе — неизбывное. Но у В.Острецова память оживляет: «Завывания...» Словарь у него — поистине, особый. (Впрочем, И.Солоневич — тоже подобным отличается, не к чести его.)

О Чехове один из современников, сказал: «Он был деликатен и чист, ласкающе-умен и кристально-благороден». Если это и не очень хорошо сформулировано» с несколько вычурной красотью, — указывает оно на то, что в людях главное. *Что же касается христианства Чехова, — то «сорт» его был самым высшим. Это было христианство столпника, но активное, жертвенное и глубоко-действенное.* Никогда поза или лозунг, но всегда пример любви к малому и сирому. Ядовитый анализ, и косметические советы по адресу истории, вдохновляют В.Острецова конструировать, в пожеланиях достойного будущего, тщательно изолированные от реальности, утопические

«церковные дворики». Но *Острецов явно боится правды.* Вот его замечание о сегодняшних церковных делах:

«Слово Церкви и сегодня даже (...) в устах иерархов Московской Патриархии, звучит неуверенно, слабо...» Дуновение конформизма, расшаркивание; удобообтекаемо, фальшиво! Как будто В.Острецов может не знать, что Церковь сегодня вовлечена в общий процесс болезни. Не видеть этого — чудовищный самообман (и, что хуже — обман!).

Еще одна тема В.Острецова — «и самого что ни на есть практического применения», которое совершенно не зависит ни от какой политической конъюнктуры (есть сегодня такое?) — «О личном выборе религии, как во времена равноапостольного Владимира Красного Солнышка.» — Янки при дворе короля Артура?

Извращенность у В.Острецова — в самом видении добра и зла. Вот ведь, как ясно — у Достоевского («духовности — никакой») — Единственный закон бытия человеческого — милосердие» Это — крестильная купель! **(Видение добра и зла бывает верным и неверным, во «извращенность» в этом вопросе есть открытие Н. Вулич — В. О.)**

И — для кого такая фальшь и лакировка: *«Пока народ жил по Псалтыри и сам пел и плясал, усадьбы не горели...» — Никогда народ так не жил!* И были и Разин, и Пугачев, и секты. И самозванцы. Но вот когда начали ронять слезы над «Муму», и читать слезливую «Историю» Карамзина...

В давнопрошедшие времена, когда народ «пел и плясал», не было ни истории Карамзина, ни Достоевского, ни стихов Некрасова. Стало быть — литература, в то время, не заменяла религии, по мысли В.Острецова. Но были — секты и самозванцы, и Разин, и Пугачев. Воскресим церковные дворики, — и все образуется. А вопрос о психике современного человека — не ставится. Напоминает поучительную историю из старинной хрестоматии, о маленьком мальчике, спасшем страну, заткнув пальчиком дыру в плотине...

Еще — о церковном дворике. В него веришь, его видишь, когда читаешь «Триптих» А.Шахматова, в том же «Вече» № 57. В сияющей убедительной доброте слов, в любви к людям и России. *А.Шахматов, безусловно, обретается в таком церковном дворике. Ему веришь,* каждому слову: «Писал с доброжелательной критикой, горькими слезами и неутраченной верой». *А вот Острецову — не веришь.* Истинно ли его, вымощенный льдом, дворик — церковный? И каково его «умное делание»? Остается ощущение испуганного само утверждения автора. Но не любви, без которой духовные дары — ничто. Любви, которая «не превозносится», «которая долго терпит» и которая «милосердствует». (Как видно, у самой Н. Вулич, не такая любовь — В. О.). Что «Бесы» гениальны нельзя оспаривать. Кто знает, в какие прорывы Времени выходит сознание гения?

У Острецова: «Этот консерватизм был порожден маловерием в силу Церкви все обнять, все понять и все осветить своим благодатным светом, — всю науку, все искусство, всю человеческую психологию».

Кажется, что такой универсальности не могла приписывать себе ни одна земная институция! **(Церковь не является земной институцией, а есть установление Бога — В. О.)**. Достоевского спасает его гениальность! Интеллектуальный прожектор обшаривает весь 19 век, подводя всех и все под общий знаменатель. И русскую культуру, и науку. И о какой «любви к отеческим гробам» может быть речь на таком мертво-рациональном подледном кладбище? Ведь ни одного имени не выделяет автор в качестве светлого пятна.

А отдельные замечания — часто просто смешны, как, например, о том, что «Дон-Кихота» читают только еврейские дети. Являют беднодушие и бескрылость самого автора. Ведь *образ Дон-Кихота — пленителен*. Даже рациональный немец характеризует его так: «Копыта его лошади спотыкались на испанской земле, но благородная, и смешная, голова его касалась звезд». Но это — не вкус нашего автора. А между тем, именно в России, Дон-Кихотов было больше, чем где бы то ни было в мире. У одного Лескова — сколько их!

Насколько разнится тон изложения В. Острецова и Солженицына. У Солженицына: «Сам русский характер народный, так известный нашим предкам, столько изображенный нашими писателями /.../, наша открытость, прямоту, уживчивость, доверчивое смирение с судьбой, долготерпение, (...) непогоня за внешним успехом, скромность в совершении подвига, сострадательность и великодушие». Опять — все слова не из лексикона В.Острецова. **(Декламация, риторика и лубочные картинки не мое призвание — В. О.)**

Культура, религия

Неблагополучно обстоит дело и в области культуры и религии.

В. Острецов пишет: культура — идеология человеческой религии. Но и наоборот *религия есть составная часть культуры*. А культура связана с глубочайшими корнями человеческой природы, с «сортом» человеческих душ.

Как делался выбор религии на Западе? Католический Запад, отделившись от Православия, отошел в сферу владычества Папы римского, и, вместе с этим, в область законов Ветхозаветной религии. Русь же иначе сделала выбор. В «Слове о Законе и Благодати» первый митрополит, Иларион, определил этот выбор, как выбор веры благодатной, понимая под этим — *Евангелие, Новый Завет, в противоположность Завету Ветхому*. Таким образом, *существующая культура русского народа определила его выбор*. **(По слову Спасителя Новый Завет есть полнота Ветхого Завета — В. О.)**

Культура. Определяет ли ее вполне «Идеология религии»? Константы

русской культуры, этой тайной лаборатории национального духа, заложены в самой русской душе, в мировидении, в русской ментальности. На вопрос, что покоряло его в России больше всего, Гарольд Вильяме ответил: «Характер народа /.../ Для него любовь — это больше, чем чувство, это — сама жизнь».

Вот, именно здесь — корни русской культуры. И — выбора религии. Русские летописи, так же, как и русская классика 19 века, дышат любовью к родной земле, и заботой о ней. Царство свободы и правды Божией — было в сердце каждого человека, а не в идеологии религии¹⁰.

«В религии концентрируются все национальные запасы инстинктов, эмоций и морали. В ней формулируются все те представления о конечном добре, которые свойственны данному народу /.../ Умирание религии есть, прежде всего, умирание национального инстинкта, смерть инстинкта жизни» (И.Солоневич).

«Мы можем сказать: Господь Бог вложил инстинкт жизни в каждое живое существо. Мы можем сказать и иначе: инстинкт жизни формулирует Господа Бога, как свой величайший и заранее непостижимый идеал, как точку концентрации всего лучшего, что в человечестве есть». «Практическая сторона всех религий человечества изъедена всякими пороками. Я никак не собираюсь утверждать, что Православная Церковь чужда этих пороков. Но у нас их все-таки меньше, чем где бы то ни было /.../ Православие несло и несет в мир то искание Божьей правды на грешной нашей земле, которое так характерно для всей русской литературы, для всех преданий и былин русской истории, для всего народа вообще». «В шестую часть земной суши, на которой вперемежку расположились полтора ста наций и народов и племен — Православие внесло невероятно много мира и света, дружбы и любви». (Подобных слов Острецов не употребляет нигде.)

Вопрос о Русской Идее, тесно связан с национальной религией. «Народ творит своего Бога по образу и подобию своему. Бог дает каждому народу ту меру познания истины и в той форме этого познания, какая свойственна духовному складу данного народа. Православие — является национальной религией русского народа» (Ив. Солоневич).

Национальное сознание — категория религиозная, мистическая. Национальная история — тоже. Это сама душа нации.

¹⁰ Строго говоря, только одна религия имеет идеологию — еврейская, иудаизм. Православие — это отношение Бога через 2-ое лицо св. Троицы, Христа, к человеку, и человека к Богу через Церковь.

Комментарий автора

I. ЦЕНА КРИТИКИ И ЛЮБВИ

По горячим следам, первое замечание: в цитате Ив. Солоневича мы видим идею Фейербаха, столь любимого К. Марксом: человек сам создает себе бога по своему образу. Это действительно имеет место быть, но только в раввинистическом иудаизме. Второе замечание: Православие не ищет Божьей правды, потому что обладает ею во всей полноте.

Ищут те, кто не признает божественности Иисуса Христа, который и есть воплощенная правда.

Бывают в жизни ситуации, которые хорошо начинаются, но плохо кончаются. Но когда они так кончаются, порой испытываешь невыразимое облегчение. Обычно это бывает тогда, когда попадаешь в ложное положение и видишь, что, то ли тебя принимают не за того, то ли они себя выдают не за тех. Вроде все так, все свои, все единомышленники, а чувство двусмысленности положения не проходит. И когда наконец-то все разъясняется, то выйдешь на улицу, отряхнешься и вздохнешь с облегчением: и ты свой, и улица — твоя.

Примерно такие ощущения испытал я, прочитав отклик г-жи Вулич на свою работу «Нация и культура», сокращенный вариант очерка «Культура, как орудие...», в «Вече», альманахе, некогда созданном Олегом Красовским, гражданином Германии, бывшим советским гражданином, для борьбы с коммунистической идеологией. Этот альманах был им создан в 80-е годы. Большая часть статей в нем посвящалась критике коммунистического руководства СССР. Это был, что называется, умный, интеллигентный журнал для своих. До боли похожий на «Наш современник», если бы последний находился вне пределов досягаемости Старой площади. Все академично, скучновато и регламентировано. Но все — солидно, без эмоций. Опасные темы слегка задевались, вскользь. Но, конечно, только приличным образом, интеллигентно. Да и печатались в альманахе среди прочих как раз те, кто от этого коммунистического режима получил все блага мирские: от возможности печататься до лауреатства и квартир. На недосягаемой высоте светился гений Ильи Глазунова, а рядом стояли другие «девять муз» — В.Распутин, С.Залыгин, С.Аверинцев, академик Лихачев и так далее. Конечно, это ставит вопрос, кто на самом деле стоял за «Вече».

В такой «борьбе» с коммунизмом было что-то странное, недоговоренное. Все время казалось, что альманах выходит не в Мюнхене, а где-то рядом, не дальше Малаховки. И потом, это обожествление Солженицына... этот трепет перед Глазуновым...

Но пока существовал СССР, какой-то смысл в выходе такого издания еще можно было найти. Но с появлением бесцензурной свободы печатного слова

журнал, оставаясь тем, чем он был, стал на глазах жухнуть, пока окончательно не затерялся в потоках печатной продукции.

И среди всех авторов этого альманаха-журнала выделялась одна фигура, г-жа Вулич, чьи публикации всегда напоминали редакторские в партийной советской печати. Они меняли весь смысл номеров «Вече».

При наличии высокого пиетета по отношению к Православию в большинстве статей, статьи этого автора заставляли думать, что в редакции царствует все-таки дух не православия, но дух экуменизма и масонствующей философии. В них обнаруживалась странная тенденция всех философствующих умов говорить «вообще» и отвлеченно, когда речь идет о виновниках русской трагедии. На первом месте у автора стояли «природа», «культура», «интеллигенция» и «мораль».

Конечно, она, г-жа Вулич, вовремя хвалила «наших» и также вовремя ругала «не наших». Но подлинной радостью для нее была «интеллигенция». «Какая интеллигенция нужна России?» — вопрошала она в одной статье. И сама же рисовала идеал: «русская духовная элита, переболев марксизмом... стала в авангарде борцов с ним». Далее в образцах шли Розанов, Солженицын и другие «святые» писатели. Выстраивался странный для данного альманаха идейный ряд: «природа», «инстинкт», «культура», «святые» ее творцы и апофеоз интеллигенции. Все это — на фоне бессвязного текста, каких-то восклицаний и восторгов, цитат и загадочных сравнений.

Если это не масонство, спрашивал я редактора альманаха Е.А.Вагина, когда он бывал в Москве, то тогда что же такое масонство? Он в ответ молчал и загадочно улыбался, что-то бормоча себе в бороду.

А мне все не давал покоя вопрос: как можно бороться с коммунистическим режимом и в качестве борцов брать Глазунова и Распутина. Разве борцы «водятся» в комфортабельных квартирах советской номенклатуры или среди членов президентского совета при г. М.С.Горбачеве? Разве не логично было бы искать их в жалких коммуналках, где живет немало талантливых людей, которым действительно негде печататься, но есть, что сказать?

Был странный случай в 1993 году. Решив издавать журнал в Москве, издатель О.Красовский обратился к известному специалисту по чертенячьим делам, оккультисту Д. Как он, живя в Мюнхене, нашел именно оккультиста, ума не приложу. Но ведь в таком деле случайностей не бывает. Тот напечатал один номер «Вече», присовокупив и рекламу своей каббалистики.

Конечно, невольно начинаешь думать, нет ли тут «руки Москвы». Эти-то сомнения имеют-таки рациональное объяснение. Совершенно невозможно объяснить другое, о чем — ниже.

Печатаюсь в «Вече», я постоянно чувствовал, что коридор «патриотизма»

узок и определен. Сам издатель вроде не был профессионалом в издательском деле, но в альманахе ощущалась рука опытного идеолога. Было неясно, откуда в далеком Мюнхене такая опасливость, такое точное знание ранжира авторитетов на советско-культурной сцене. Почему, к примеру, редактор г. Е.Вагин, по приезде в Москву, готовясь к встрече с Глазуновым, дрожит от страха, беспокоится по поводу отсутствия галстука, боясь гнева «гения», того, что тот может пожаловаться издателю, Красовскому? Редактор, Е.Вагин, живет в Риме, издатель — в Мюнхене, — и бояться Глазунова?.. Мы не дети. Тут случайностей быть не может. Но нет и ответа. Человек, призванный бороться с коммунистическим режимом, живущий за тридевять земель, трепещет перед нашим, советским авторитетом, вхожим в Кремль, членом масонского ордена.

Впрочем, и сам Красовский гордился, как мальчик, дружбой с Глазуновым. Почему, спрашивал я Вагина, и тот невнятно отвечал, что Глазунов вхож в правящую советскую элиту, и его знают во всем мире. Критика Глазунова попросту не допускалась, как и критика прочих советских культурных авторитетов. Получалась вещь совершенно загадочная: здесь, в России, можно, там, в Германии — нельзя... И вот появился отклик на мою статью — и как гора с плеч.

В химически чистом виде представлена реакция интеллигента-язычника, рационалиста и пантеиста, на опасное покушение на свои кровные идеалы. Здесь, когда затронут сам нерв, кончаются игры в «наших» и «не наших». На месте воспитанного интеллигента, набившего руку на обличении «их» и прославлении «нас», видишь какого-то советского рапповца 20-30-х годов, готового съесть заживо врага советской власти. И, что важно, — патриотический карнавал на тему борьбы с «ними» кончается, хотя мог бы тянуться еще долго. Он и тянется. Но в данном случае маски сброшены: Острецов поднял руку на «святое»!..

А теперь посмотрим в суть дела.

Тональность, напоминающая разносы от «партии и правительства», говорит о том, что советский строй в своих культурных привязанностях был строем интеллигентным. Громя церковь, издеваясь над верой христианской, обливая грязью русскую историю, славили великих писателей, издавали их, исследовали и ставили памятники. Да, «советский строй» выражал суть того духовного качества, что называется интеллигенцией. И само слово, встречавшееся еще в XVII веке у философов, означало Мировой Разум, Универсальную интеллигенцию. Из этого теософско-окультистского словаря оно и попало в обиходную речь. Его смысл понятен — «сознательный работник», «строитель культуры» и строитель «храма Соломона». Это синонимы: они приобщены к Универсальной интеллигенции. И вот ясная логика ее: поношение Церкви и восхваление «деятели культуры».

Теперь послушаем оценки г-жи Вулич в мой адрес: «Автор фатально зациклен на определенном диапазоне мыслей, из которых не может и не хочет вырваться». Что же это за диапазон? Это — «масоны, западная философия, интеллигенция». Прямо скажем, диапазон немалый, чего ж из него вырваться? Плохо, что «фатально зациклен», но если фатально, то это уже увлечение. А без него за письменный стол нечего и садиться. Г-же Вулич не нравится сам диапазон, но это-то как раз и интересно. Да, «масоны и интеллигенция» — тема не новая, но от разрешения далекая. Да ведь и тема любви давно не нова, а мы все глаза на нее пучим, все-то что-то сочиняем на эту тему. Так что дело не в новизне, а в верности решения и злободневности. Но как раз злободневности этой теме не занимать.

Идем дальше: «Есть в общей картине Острецова какая-то болезненная извращенность, свирепость исступления», «исступленное самоутверждение»... «Острецову не веришь», потому что он не добрый, «извращенность у Острецова в самом видении добра и зла»... «Острецов молотит» (то есть несет чушь). Ну, и самое убийственное: «Острецов явно боится правды». Какой же правды боится этот Острецов?

В сущности, здесь можно было бы обойтись безо всяких цитат. Просто взять какой-нибудь школьный учебник по истории литературы и всю «правду», которой боится извращенный в своей злобности Острецов, постичь. Но даже в учебниках не найдешь таких восторгов и такой путаницы понятий, как у поклонников «интеллигенции».

Кто такой Чехов, например? Это «тот праведник из Евангелия, ради которого Бог пощадил бы мир». Сколь ни прекрасна эта фраза, сколь ни ясно выражает она религиозное самочувствие поклонников культуры, все же подумаешь: если речь идет о св. Евангелии, повествующем о земной жизни Иисуса Христа, то там, в качестве персонажа Чехова нет. У нас был, конечно, «вечно живой» Ленин, но и того в столь далекие времена не посылали. Чувства меры интеллигент не знает. Что же касается праведности Чехова, то судить об этом — не наше дело. Пока, насколько известно, вопрос о его канонизации не поднимается. Известно, что этот «праведник» был атеистом, чем и гордился. Другой вопрос, что речь-то, по сути, идет об иной «церкви», в которой такие выражения кажутся уместными.

Кто такой Чехов? — спросим еще раз, и получим ответ: «Чехов был честью и совестью России». Тоже что-то до боли знакомое. На эту роль выставилось много кандидатур, начиная с Герцена...

Попутно мой критик объясняет, в чем состоит высшая духовность: честь, любовь и жалость к человеку, скромность и «умное и активное всему этому служение». Вот что хорошо у Достоевского? А то, что он ясно сказал: «Единственный закон бытия человеческого — милосердие». И оно называется

г-жой Вулич «крестильной купелью».

Привлечение церковных понятий для сакрализации мирского начала очень характерно для такого явления, как розенкрейцерство в масонстве. Конечно, такое смешение понятий есть кощунство. Даже люди, далекие от церкви, на это не идут. На это идут те, кто ей прямо враждебен, потому что исповедует другую религию.

...Нет ничего выше «морализующей духовности русской литературы». У Достоевского и Чехова — высшая духовность, морализующая, ибо они выразили эти идеалы доброты, скромности и милосердия. Потому и Достоевский «мог создать евангельский образ князя Мышкина». Гм... Только что Чехов был «праведником из Евангелия», теперь еще и князь Мышкин? Трудно представить, что ряд не будет продолжен самим Достоевским, да, еще Солженицыным, ибо восторг г-жи Вулич перед последним в ее других статьях просто неопишуем.

Слово «христианство» моим критиком используется, но это — ее собственное, интеллигентное «христианство». Мало того, что Чехов праведник, но «сорт» его христианства «был самым высшим». Этот оборот, кстати, явно заимствован из какой-то антицерковной лексики.

Перейдем к критической части.

Больше всего не нравятся церковные идеалы: Острецов конструирует «утопические церковные дворики» Откуда взят этот образ — судить не берусь. Теряюсь... В этих идеалах г-жа Вулич видит «фальшь и лакировку». По ее мнению, народ никогда не жил по Псалтыри: «Народ так никогда не жил! И были и Разин, и Пугачев, и секты. И самозванцы».

Вот радость-то! Это уже прямо по-марксистски. Были, конечно, и эти живоглоты, были и секты жидовствующих и стригольников, и прочие. Как же им не быть? Для них, конечно. Псалтырь не указ. Так ведь не они и создавали Русское Православное Царство. Пугачевы же и Разины крушили то, что создавалось другими, живущими как раз по Псалтыри.

В запале г-жа Вулич выявляет то, что обычно скрывают, когда рядятся в патриотические одежды. Положение обязывает.

Когда-то я писал, что вижу возможность выхода из тупика, по крайней мере теоретически, хотя бы в медленном создании церковных Приходов. Конечно, в политическом плане это пока нереально. Но и другого выхода нет. Может, его и вообще нет. Но кто знает будущее? Г-жа Вулич раздражена: «а вопрос о психике современного человека не ставится». Но ведь эта самая психика и требует создания «церковных двориков». Только не двориков, а приходов.

Набор одобряемого и восхваляемого, отрицаемого и отвергаемого очень показателен. Для православного человека выражение о «двориках» было бы

странным, да и князь Мышкин для него — не евангельский персонаж. Возводить кого-либо своей властью в святые он тоже не станет.

Здесь важна эта тенденция к сакрализации «чисто человеческого» дела — культуры при помощи привлечения христианских понятий и вместе с тем ненависть к Церкви. И это не «просто так».

Самое откровенное признание у г-жи Вулич выразилось в том, что она, во-первых, не верит во Вселенскость Церкви, в ее возможность помочь нам все обнять и понять, в первую очередь человеческий разум и сердце, которые уже на все остальные вещи в мире будут смотреть и видеть просвещенными очами и в разуме церковном. Во-вторых, по г-же Вулич, Церковь есть «земная инстанция». То есть создание рук человеческих. Это — самое главное признание критика. В тон этому убеждению она цитирует И.Солоневича, объясняя читателям, как надо правильно понимать происхождение религии: «инстинкт жизни формулирует Господа Бога, как свой величайший и заранее непостижимый идеал...» Здесь все по Фейербаху, любимцу Маркса.

Эта фраза полностью и самым радикальным образом отрицает все Христианство и всю богооткровенную религию, и Ветхозаветную, и Новозаветную. Когда «инстинкт жизни формулирует господина Бога», спорить о частностях уже нет смысла. Начинаешь понимать, какое «евангелие» имелось в виду выше. Когда Бог есть «точка концентрации всего лучшего, что в человечестве есть», то это уже чистой воды материализм, идущий от каббалы, сформулированный Фейербахом и от него перенятый Марксом. Вот вам и борцы с большевизмом, а теперь с «демократией»! Далее, словами Солоневича утверждается, что наша святая Церковь Православная не без пороков, но все-таки у нее их поменьше, чем у других. Вот оно, наглядное проявление патриотизма!..

Видимо, совершенно не понимая, о чем идет речь, устами того же незабвенного И.Солоневича критик объясняет: «Православие несло и несет в мир то искание Божией правды на грешной земле, которое так характерно для всей русской литературы...»

Не знаю, то ли И.Солоневич жил большую часть жизни на луне, то ли г-жа Вулич слишком увлечена «святыми» своей собственной «церкви», но они словно никогда не слышали о воплощении Бога в плоть земного человека и о том, что именно Он принес правду и дал людям. Что Он Сам и есть высшая Правда, явленная и живущая с нами в Церкви. Здесь «искания» означают неприятие Христа, явленного и пребывающего с тех пор с нами в Церкви, коей Он есть Глава. Неловко как-то напоминать об этом...

Вот Острецов утверждает, что культура — идеология человеческой религии. Но ведь и «наоборот — религия есть составная часть культуры». Но «наоборот» здесь не получается, а получается оккультно-теософский принцип

просветительского понимания культуры, как языческой религии.

Вопрос о том, почему русский народ выбрал Православие, решается г-жой Вулич просто и рационально, в духе, привычном для марксистов: «культура, существующая, русского народа определила его выбор». Но это уже гуманитарный угар!

Культура, правда, была языческой, а выбрали богооткровенную религию — христианство. В Законе Божиим об этом говорится так: «В жизни наших предков было много суеверий, ложных понятий, жестоких обычаев, случались даже человеческие жертвоприношения идолам». Это — к вопросу о культуре тех времен. И вообще-то мы, грешные, думаем, что принятие веры христианской было великим благодеянием Творца, а не «культуры», и совершалось оно под действием благодати Божией и по Его милости. Тем более, что в те времена русской культуры не было, потому что не было, собственно, русского народа, а были древляне, поляне, кривичи... У нас ведь и летописи имеются, и археологи немало потрудились, чтобы все это выяснить. И выяснили. Самое удивительное признание — это утверждение словами Чехова, что нравственность дала нам Иисуса Христа. Это даже не сектанство, это иудаизм в чистом виде, это Мендельсон и Фейербах вместе.

Если религия — составная часть культуры, то что ж это за вещь такая — «культура», — если в качестве ее составной части мы видим религию, а точнее, и не одну? Надо полагать, что такая культура есть сверхрелигия. О ней написано в столь уважаемой масонами книге Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», во всех популярных изложениях каббалы о ней говорится, как и в масонском катехизисе всех редакций: это «чисто человеческая религия», которую также называют «естественной». Именно в ней высшей ценностью провозглашаются те идеалы, которые г-жа Вулич ставит на самую вершину святости и духовности. А тот закон, который так нравится ей («Единственный закон бытия человеческого — милосердие»), открытие которого она приписывает Достоевскому, был нарушен грехопадением наших прародителей, и с тех пор мы живем не по закону, а по милости Божией. Но это не закон, который, как закон, обязывает Творца к этой именно милости. И не мы проявляем милосердие друг к другу, а Господь Бог — к нам. Так по христианству. По иудаизму — иначе, там именно так, как говорит г-жа Вулич. Там, в каббале, и любовь, и милосердие, и многое другое провозглашается как естественные средства спасения человечества, но не человека. Но там и любовь — явление механическое,

Таким образом, весь круг антицерковных убеждений и материалистических воззрений в духе человекобожия, отчетливо проявляясь, придает особый колорит всей этой критике. Это отчетливо обозначенный масонский круг «гуманизма», пошловатый по своей приземленности и примитивности. Тот

круг убеждений, которые обычно пытаются скрыть в журналах «патриотического направления». В них принято ходить ровно по отведенной тропке. Здесь есть правила игры. Они нарушены. И это замечательно! Весь объем убеждений, характерных для секты интеллигентов — как на ладони.

К сказанному напомним слова архиепископа Никона Рождественского, относящиеся к 1913 году. Лев Толстой тогда убеждал, что одна любовь и милосердие спасают человечество. И вот владыка, известный церковный писатель, говорит: «Ведь если все дело в «любви и сострадании, всепрощении и мире», то и к чему все заботы о Церкви, все эти вселенские соборы, учение свв. отцов, подвиги и страдания исповедников? Иди за Толстым, повторяй слово «любовь», и спасешься... Нет, не так... *Знаете ли, что и добрых дел нельзя делать спасительных, если не право веруешь? Вы удивлены? Вы не понимаете меня? И не поймете, если не усвоите со смирением учения Церкви Православной! В том-то и дело, что мы веруем и исповедуем, что благодать Божия изливается только в недрах Церкви Православной, а без таковой благодати нельзя и добра делать истинно-спасительного. (...) Делают добро и язычники, но это добро только приближает их к Церкви... а спасти не может: для сего надобно войти в жизнь Церкви чрез спасительные таинства Церкви*». По важности самой темы привожу такую обширную цитату. А о любви и милосердии как спасительном средстве говорят и сектанты, и иудеи, и буддисты, и синтоисты.

Таким образом, когда позиции по главным вопросам определены, важно посмотреть еще раз, под какими лозунгами проповеваются идеи чисто масонские, языческие, иудейские. Все темы альманаха, включая темы религиозные, в свете сказанного приобретают двусмысленный характер. По-другому смотрится и печатаемая в альманахе критика Русской Церкви, и полемика с зарубежной церковью. На всем лежит отпечаток сознательной дискредитации Церкви под знаменем борьбы за Россию. Впору вспомнить странное благоговение мюнхенских издателей перед советскими номенклатурными авторитетами... Кончается сказка о независимых органах печати, за рубежом борющихся за Россию. Для того, чтобы заниматься апологетикой «интеллигенции», «культуры», враждебных начал церковным, как правило, и создаются такие органы печати, сочиняется легенда об их независимости. Хорошие материалы в таком случае являются тем же, чем капсула для иного лекарства — чтобы легче было глотать и легко усваивалось.

Когда г-жа Вулич по подсказке редактора печатала свой разнос, то ни она, ни редактор Е.Вагин, наверное, не подозревали, что где-то в Москве может сидеть за столом человек и читать архиепископа Никона.

Теперь о самом удивительном. Г-жа Вулич везде пишет о русском народе, о его особенностях, и даже печалится о его судьбе. Ее манера полемики схожа с

той, что имел бы человек с опытом работы в партийно-советской печати. Тот, кто так решит, крепко ошибется. Г-жа Вулич живет в Австрии или в Германии, и никогда не была, по словам редактора Вагина, в России. Ей за семьдесят, но, печалась о судьбе русского народа, она в объятия к нему не рвется¹¹.

Вот и вся цена этим критикам. Понятно, в Германии сытнее, но скучно. А может, еще какие мотивы такой страстной любви к русскому народу имеются? Ох уж мне эти немцы! Ох, уж это «Вече» со своим патриотизмом!

Р.5. Мне кажется удивительным, что люди, раздраженные критикой своих игрушек, не берут на себя труд изучить историю вопроса, не знают вовсе литературной критики прошлых времен и даже не подозревают о ее существовании. Речь не только о данном случае.

Что касается советской литературной критики, слившейся с литературоведением, то она была еще интересной в первые годы большевизма, пока еще были слышны отголоски старой, дореволюционной критики и пока сами критики старой школы, кончавшие Императорские Университеты, еще были живы и еще существовали какие-то частные издательства. Другое дело, когда прикасаешься к самой дореволюционной критике. Не то, чтобы там все было интересно и глубоко, но была там атмосфера независимости мысли, внутренняя раскованность и многоголосица. Как-то не было внутреннего испуга, заданного стандарта и обязательных восторгов перед патентованными «великими».

Беру наугад журналы за 1904 год. В «Вестнике Европы» Чехову посвящена обширная статья Евг. Ляцкого, А.М.Горькому — целый ряд статей Н.Я.Стечкина — едва ли не самого одаренного русского критика той поры. В нескольких номерах журнала «Мир Божий» печаталось и исследование о творчестве Щедрина.

Свою работу Евг. Ляцкий начинает с вопроса, имеет ли Чехов как писатель хоть какие-нибудь идеалы, или не имеет никаких. Исследуется вопрос добросовестно, приводится мнение других критиков. Сама разнородность мнений по этому вопросу наводит на мысль, что, будь эти идеалы ясно выражены, такого разнобоя у критиков не было бы. И его вывод:

«Писатель без мирозерцания, относительно которого самые благожелательные ценители не могут столкнуться, есть или нет у него идеала... Куда он поведет за собой, когда он сам не знает истинной дороги?» В конце концов, «без идеалов оздоровления это вечное изображение болезней и страданий может только усилить и без того повышенную мнительность

¹¹ Но есть и еще вариант: возможно, за именем г. Вулич скрывается другое лицо, живущее в Москве и выполняющее свои специальные служебные обязанности на идеологическом фронте.

большого, а иным может показаться проповедью отвращения к жизни».

Впрочем, другие критики были не согласны с этим отзывом, а третьи... а четвертые... Короче, было время, когда мысль была раскована и не боялась себя.

Рассмотрению творчества Достоевского с точки зрения православного вероучения было посвящено несколько статей в журнале «Странник» за 1905 год (т. 2, ч.1). Принадлежали они перу Ив. Розанова. Не говорю об отзыве о Достоевском в известной работе Концевича «Оптина пустынь». Что касается моего собственного мнения, то надо говорить не о христианских мотивах в его творчестве, хотя и совершенно внецерковных, а о влиянии на мировоззрение Достоевского отчетливо выраженных идей иудаизма. Отсюда именно эти идеи вселенскости и спасении в любви, о праведниках (цадиках), на которых держится мир,

Но главное, что надо иметь в виду: любой вопрос имеет свою историю и свою традицию. И чтобы не быть вечным изобретателем велосипедов, нельзя забывать, что русская мысль цвела пышным цветом в дореволюционной России. И тем более нельзя забывать людям, которые выставили на своих знаменах лозунг борьбы с большевиками и их нынешними наследниками — «демократами», которые с умилением говорят о Государе Николае II, но для которых, в сущности, реально история Русской мысли началась с октября 1917 года, а до того — пустота и тьма египетская. Этот советский нигилизм едва прикрыт трескучими фразами о любви к «нашим великим» при полном невежестве касательно эпохи, в которую эти «великие» жили. Но это уже идолопоклонство.

II. СОТВОРЕНИЕ КУМИРА (от Маркса до Ивана Ильина)

Пример с «Вече», вообще говоря, наводит на некоторые размышления, идущие в сторону представления о том, как создаются кумиры, призванные занять какую-либо нишу в национальном сознании. В деле создания таких кумиров за граница вообще и эмиграция в частности сыграли значительную роль. Некоторые небезосновательно считают, что многочисленные эмигрантские газеты и газетки, журналы и журнальчики русскоязычные, созданные «там» все эти чаще всего полужидеи Посевы и посевчики, всевозможные «наши страны», и многочисленные эмигрантские группы и группки были созданы нашими спецслужбами, или быстро попадали под влияние таковых. Надо ли говорить, что в ряде случаев советская спецслужба действовала в трогательном единстве с американской, когда речь шла о едином курсе в геополитике. Не приходится долго говорить и о том, что каждый орган печати рассчитан на определенный круг читателей. Для демократов

создавались одни органы печати с обкатыванием бесконечных тем о «правах человека», всевозможных свободах, о «подлинной демократии», и так далее. А для другой группы лиц, русских, не забывших еще о своей национальной принадлежности, создавались и соответствующие органы печати. Понятно, не будешь же рассказывать о Суворове или Минине и Пожарском каким-нибудь парагвайцам, чтобы вдохновить их на банановую революцию. Но также бессмысленно вдохновлять русских примером какого-нибудь Дон Перетца или Боливара, чтобы овладеть их патриотическими чувствами и через эти чувства всунуть им в их разгоряченные головы нужную идейку в каком-нибудь символическом виде. Чтобы внедрить принципы плюрализма, «гуманизма» и, попросту, иудаизма, как это мы видели на примере статьи г-жи Вулич, нужно использовать и «патриотические» темы и образы. Ведь для идеологов важны только принципы оценок и символические матрицы понимания, формирующие в каждом из нас наше социальное поведение, а не методы, какими это достигается.

Для того, чтобы сформировать принцип религиозного безразличия, нужно печатать рядом статьи и православных батюшек, и совершенных безбожников, под одной «патриотической крышей», конечно же, озабоченных судьбой родины и обличающих «наших врагов» — империалистов, демократов, масонов, и проч. и проч. Конечно, обязательным ритуалом считается задеть вскользь еврейскую тему. В пределах разумного, конечно. Как впрочем, и все остальное. Эта тема является несущей конструкцией «патриотической крыши», ее основой.

Так, рядом с уважительным отношением к нашей святой Церкви появляются редакционные статьи, из словоблудия которых, однако, проступают все черты масонского гуманизма, всечеловеческих ценностей и «всемирной культуры». Известно, что каждый орган печати и каждое «движение» вызываются к жизни какой-либо определенной политической или религиозно-философской необходимостью. С семидесятых годов тихо и широко нашими спецслужбами инспирируется диссидентское движение для идеологического обеспечения развала СССР. Так на свет появился «феномен Солженицына». Этот идеологический процесс проходит с использованием разных мотивировок и тем: используется и «антикоммунизм», и «патриотизм», и «русский большевизм», и «права человека», — каждой группе лиц, объединенных общностью взглядов, своя тема. Можно не сомневаться, что на лацкане пиджака большинства участников всех этих предприятий имеется с обратной стороны маленький значок в виде циркуля с наугольником. Появляются «континенты», и «наши страны» и прочие газетки и журнальчики.

Именно здесь, во всех этих органах печати, созданных «там» нашими спецслужбами через засланных, посланных и завербованных, тщательно при всем том следят за тем, чтобы никакое «черносотенство» русское, то есть

никакие коренные принципы русской национальной психологии и русской эталонной мысли не смогли бы появиться на свет Божий. На этой кухне, зная о существовании исторической, черносотенной мысли и существовании голода на этот продукт русской мысли и истории, готовят «заменителей», культовых героев, которые должны занять эту нишу. И на очередное, испеченное на этой кухне имя вешается ярлык — «великий русский мыслитель Пунькин-Мунькин». Эти культовые герои появляются как-то неожиданно, сразу, словно сваливаются с Луны, или тут же, с парохода попадают на презентации собственных трудов. Не успеешь оглянуться, а уже за год создано с десятков конференций в честь великого Пунькина-Мунькина, изданы в разных видах «труды», как этих конференций, так и виновника всех этих торжеств. И пошла и поехала... И можно не сомневаться в организованном характере всех этих кульбитов. И вот уже всюду: «как сказал великий русский мыслитель Пунькин-Мунькин...» Его никто не читает, но все знают, чтобы было, что цитировать...

Чтобы конкретизировать сказанное, обратимся назад, чтобы извлечь из истории хоть какую-то пользу. Ведь для чего-то Господь Бог дал нам ее, историю, — чтобы нас вразумлять.

В 1922 году летом и осенью, ГПУ провело акцию по высылке еврейско-масонской «творческой интеллигенции» в Германию. Причем, тем же летом, другой эшелон отправился в Сибирь, увозя туда другую группу, но уже совершенно русской интеллигенции, еще вчера кадетствующей. В то же лето расстреляли группу священников во главе с митрополитом Петербургским Вениамином. Надо ли говорить, что органы ЧК — ГПУ тщательно отбирали по своему критерию лиц, подлежащих отправке в Западную Европу. Надо ли говорить и то, что в этом ведомстве в этих вопросах ничего случайного быть не могло. Надо заметить, для понимания ситуации, что в это время, к началу двадцатых годов русская интеллигенция — врачи, инженеры, журналисты, художники и ученые, еще вчера бывшие в числе кадет, резко поправили и обнаружили явный уклон в самое дремучее черносотенство. Теперь они воочию наблюдали те самые картины еврейского засилья и реального воплощения своих романтических идеалов, правду о которых им говорили еще несколько лет назад правые, реакционные газеты. Теперь русский инженер или врач, вчерашний кадет или социалист и друг угнетенного «царским деспотизмом» еврейского народа, вдруг становился махровым реакционером, антисемитом, и даже начинал мечтать о возвращении царя-батюшки на прародительский престол (см. ниже очерк «Бнай-Брит», сюжет с В. Вернадским).

Но, с другой стороны, именно их, русских интеллигентов, и выбрасывали из своих родовых квартир новые еврейские властители, все эти гоцы и гершуни, еще вчера морочившие им головы рассказами о тяжелой судьбе еврейского народа, только и мечтающего, как стать равноправными со всеми остальными и

уж вслед затем, конечно же, готового осчастливить все русское общество своей бескорыстной космической любовью. С верой в эту прекрасную сказку русский интеллигент рождался, жил и умирал и целые поколения свято верили в нее, как добрые христиане в святую великомученицу Варвару. Теперь, летом 1922 года — одних к стенке, других в Сибирь, ну а настоящую «творческую интеллигенцию», то есть еврейско-масонскую, всех этих Бердяевых и Осоргиных, вкупе с Мережковским и прочими мерзавцами отправляли в тихую и спокойную сравнительно с большевистской Россией Западную Европу. Итак, родоначальником всех этих акций надо считать ЧК-ГПУ. Но есть и другой родитель — Бнай-Брит. Ему в этой книге посвящен целый очерк. Дело в том, что все сосланные-посланные из СССР философы, писатели и ученые были организованы в Берлине в Религиозно-Философское общество, которое имело своим местопребыванием в Берлине Ложенгауз по Клайсштрассе, 10, где и находилась штаб-квартира еврейской масонской организации Бнай-Брит. Эти первые шаги высланных интеллигентов освещала русскоязычная берлинская еврейская газета «Руль» и потому нет большого проблем все это узнать. Конечно, русская эмиграция в одну секунду поняла смысл этой акции: внести смуту в ряды ее, в том числе и вызвать церковную смуту, раскол, что и удалось сделать этой ядовитой прививкой господам из ЧК-ГПУ, т. е. розенфельдам и бронштейнам.

В Ложенгаузе, в штаб-квартире Бнай-Брит (см. ниже «Секреты тайных хранилищ») держали отчет все высланные философы и писатели. И этот факт лучше всего свидетельствует о национальной принадлежности высланных, часто выдававших себя то за полуфранцузов, то за полунемцев, то еще за кого-нибудь. Здесь держал отчет и С. Франк, и Н. Бердяев и, что самое интересное для нас сегодня, и Иван Ильин, ныне поднимаемый на щит. Да, Иван Ильин, по матери Штейкерт — официально немки. Статью начету тему, относящуюся к 1934 году анонимного, но черносотенного автора перепечатал достолюбезный альманах «Вече» № 57, откуда я и заимствую ближайшие сведения. Сама же статья опирается на сообщения как газеты «Руль», так и некоторые другие.

В это время, в двадцатые, как и тридцатые годы Иван Ильин далеко не монархист. Собственно говоря, монархистом он так и не стал. Как не стал в полном смысле православным писателем. Об этом чуть ниже. Ильин был надо сказать, из всех интеллигентов самым патентованным: он был гегельянцем, да еще полунемцем! XIX век, как известно, весь прошел под знаком немецкой философии, которая, в свою очередь, блестяще развивала каббалистические идеи и была философией пантеизма. Через философию приходили уже непосредственно к масонству и оккультизму. И уже по факту пребывания в гегельянстве Ивана Ильина можно судить о многом. Иван Ильин был женат, к тому же, на племяннице члена ЦК партии кадет С. А. Муромцева, старейшего масона, председателя I Гос. Думы, самой разбойничьей. Муромцев был

профессором Московского университета. И Ильин, кончив университет, остается в нем, становится приват-доцентом, и едет на три года для стажировки в Германию, Францию, Италию. Во время этих поездок, как правило, ученая молодежь вступала в масонские ложи, широко распространенные в западноевропейских университетах. Повсеместно. Нигде и никогда Иван Ильин затем не будет критиковать кадет, евреев. И масонскую тему будет старательно обходить. Он выдумает термин «мировая закулиса». И это само по себе показательно, это желание избежать прямого обозначения темы. Так... где-то, что-то, знаете ли, «закулиса», что-то вроде «третьей силы». Говоря о большевизме, он старательно будет избегать «острых» терминов и названий. Вместо «евреев» будет иногда появляться просто — «инородцы». Но и то — в странном виде.

Чем он занимался в годы первой революции? Достоверно известно, что принадлежа по убеждениям во все эти годы к кадетскому кругу, он критически относился к монархии и Николаю II. Так он относился к этим темам и к Царю в сущности — до самой смерти. Да и как может относиться к Самодержавию гегельянец?

Высланный за границу, он устраивается, как ученый-философ, и до 1938 года читает лекции в Русском институте в Берлине, созданном еврейско-масонской организацией ИМКА. Видимо из-за своих проеврейских настроений он чувствует себя неуютно при нацистах. Но 5 лет, между тем, он прожил при коричневом режиме, не подвергаясь никаким репрессиям и спокойно уехал в Швейцарию. А надо сказать, что правые деятели, настоящие монархисты-черносотенцы оказавшиеся в эмиграции, устроиться на такие места даже не мечтали. В рижской еврейской газете «Сегодня» № 62 от 4 марта 1931 г. он, в своем интервью, говорит, что его напрасно некоторые записывают в правые, что он критически относится к монархии. Ильин объясняет, что евреев он любит, антисемитов осуждает, и что у него много друзей среди евреев, что евреи много пострадали от погромов в царской России. В конце 20-х, начале 30-х он выражает симпатии к немецким социал-демократам. С приходом нацистов к власти он делает кульбит и пытается стать на арийскую почву. Его любимое слово — «воля». И вот появляются «волевая идея», «волевой импульс» и прочие симптомы пантеистического волюнтаризма. Ему симпатизирует сам П. Б. Струве деятельнейший масон, член ЦК кадетской партии и его не любят бердяевцы. В его журналах сотрудничают вчерашние либералы, левые октябристы, вроде князя Н. Б. Щербатова, бывшего одно время министром внутренних дел, и ставшего союзником гучковцев («прогрессивный блок»).

Облик Ильина, как мыслителя — публициста в целом малопривлекателен. Правые считают его юдофилом и подлецом-перевертышем, масоном. Таким он и был. Действительно, Ильин становится врагом революции, когда революция

уже победила и царствовал большевизм. При большевиках он читает лекции в институте им. Маркса. В предмете у него Фихте, Кант, Руссо и прочие. В это время на Юге России разыгрывается трагедия гражданской войны. Там, на Юге, Белая Армия. Но Ильин в это время читает лекции в Москве и получает паёк от большевиков. Когда никакого Белого движения уже не будет и в помине, а вся полемика переместится в эмиграции на газетные полосы, он провозгласит себя идеологом Белого движения. Он примкнет к его бывшим участникам, т. е. республиканцам и масонам. Но Белое движение — не монархическое. У него же симпатии к генералу Врангелю. И это показательно. Он станет врагом большевизма, когда окажется подальше от большевиков. Хотя и эта вражда к ним условна.

Когда был жив Монарх, тогда рядом с Ним не было Ильина. Тогда Ильин кадетствовал, то есть предавал так или иначе царя-батюшку, на верность которому, кстати, присягал при поступлении на службу. Когда же монарх был уже давно расстрелян, и прошли десятки лет, Ильин провозглашает себя единственным настоящим монархистом. Но тоже странным. Но самое главное даже не в этом. Главное в том, что Ильин просто не мыслитель, а моралист, продолжатель старой линии толстовства, идущей от масонской идеологии (этика и труд) XVIII века. Читать его тяжело и бесплодно. Каково же его творческое лицо, если в двух словах. Почему именно из него, давно забытого, примитивного и плоского публициста у нас вдруг сделали кумира?

Больше всего неприятна в Ильине его неумная амбиция. Он указывает, обвиняет, приказывает, вещает и, поучает. Но все, что он говорит, там где верно, там банально и тривиально. И даже странно, что взрослый человек с высокомерным видом вещает, например, что религиозный опыт не терпит насилия и даже... угрозы. Он готов сообщать, что вода мокрая, а лопатка есть предмет, пользуясь которым можно копать землю при наличии условий, что а) у вас есть руки и б) что лопатка эта не из картона... и так далее.

Эта удивительная банальность, в сочетании с ригоризмом, совершенно идиотским, в сочетании с непрерывной риторикой, совершенно бессодержательной удивляет не меньше. Эти школярские поучения вроде: «мы должны быть зоркими» и «духовно-волевыми» могут dokonать кого угодно. И это при полном отсутствии какой-либо здоровой логики. Каждая фраза Ильина раздражает и вызывает ворох вопросов, количество которых нарастает как снежный ком, так что, в конце концов, просто машешь рукой и закрываешь книгу. Большинство словосочетаний у Ильина не подлежат осмыслению. Думаешь, что значит, к примеру, вот эта фраза, не самая риторическая: «Петр Великий имел одну великую, осознанную им самим задачу: пробудить творческую инициативу русского человека», пробудить его «волю к живой самодеятельности». Что это значит в живой реальности?

А что, думаешь, до Петра не было этой творческой самодеятельности. И что же. Московская Русь выросла сама, как придорожная трава, без этой самодеятельности? И неужели вся цель деятельности Петра была так безкачественна, как физическое понятие энергии: она важна как цель сама по себе. Неужели не важно, на что она затрачивается. Первый вопрос: творческая самодеятельность — для какой цели? — Ильина не интересует.

Ильин — утопист, прожектор, и все десятки лет в эмиграции он только и занимается, что пытается нарисовать идеальную Россию будущего. Он не задается даже вопросом, а куда и как уйдет новый правящий класс, владеющий Россией. Он играет словом «большевики» — так легче. Они уйдут — это для Ильина само собой разумеется. Россия возродится обязательно — он верит. Прожектор-романтик, он, взрослый человек, наученный на мудреной науке — философии, вместо трезвого анализа обстановки фантазирует о приятственном, как Бальзамино. Ему все кажется, что русский народ, там, в России уже начал борьбу с большевиками, и скоро их сбросит и надо торопиться успеть написать ему «руководство по возрождению». Он. этот народ, должен будет знать, что лучше быть умным, чем глупым. И надо жить своим умом, а не чужим. И всеми этими, школьными прописями, неизвестно для кого и с какой практической пользой написанными, словно для малолетних школьников, он заполняет статью за статьей, уверенный, что говорит что-то сверхценное. Ему не приходит в голову, что та сила, что назвала себя условно большевиками так просто не уйдет. И не так просто — тоже не уйдет. Начисто избегая тем масонства и еврейства он изначально обрекает себя на пустое, легкомысленное фантазерство. Как у психастеника, мы видим у него «мысленную жвачку». Ильин нравится многим звонкой, пустой фразой.

Взрослый и серьезный человек, он пишет статьи на тему, «как изжить социализм», даже не зная, насколько легкомысленно и неумно говорить о возможности такого «изживания». Ильин безнадежно отстал от социологии своего времени и был на уровне моралиста-прожектора середины XVIII века. Он даже не понимал, что социализм есть религия, и что весь западный мир идет по этому пути. Огромный поток литературы на эту тему остался ему неизвестен. Он остался уверен, что капитализм противостоит социализму¹². Но даже для начала XX столетия эта идея была уже глубокой архаикой. Эту схему исповедовали только марксисты, да и то не все. Даже немецкие социал-демократы ушли от нее. Воспитанный на Фихте, он не уловил главной мысли этого мыслителя об этом самом социализме, как меры организованности

¹² Известный еврейско-немецкий философ Г. Коген справедливо считал, что все социалистические теории вышли из иудаизма, как бабочки из своей куколки. Об этом же писал и Мозес Гессен, еврейский националист. То же писал и Н.Бердяев и многие другие, в т.ч. А.Луначарский.

общества и коллективного труда. Странно, но то, что было ясно даже молодому Чичерину в середине XIX в.: немецкая философия в целом есть учение о социализме, для Ильина осталось тайной. Его амбиции, гипертрофированное самолюбие шло ведь не от ума, а от его отсутствия. Ему так хотелось уверить других, что он, Ильин, один на всем свете философ, что он нигде почти не ссылается на источники, хотя повторяет запыленные фразы пятидесятилетней давности, например, по поводу природы монархии, заимствуя полностью мысли на этот счет у Тихомирова, который, впрочем, тоже не был оригинальным мыслителем. Но на оригинальность Лев Александрович и не претендовал.

Ильин совершенно не чувствовал дистанции и потому писал указания, каким должен быть священник. И совершенно непонятно, почему пастырь у него становится, например, вдруг «живым источником молитвы, любви и христианской совести». Как цадик у хасидов.

Любой христианин, православный может взять Закон Божий и посмотреть, Кто является источником совести, как и любви. И каждый человек знает, откуда идет молитва. И не нам мирянам, обсуждать вопрос — каким должен быть пастырь. Это уже чистое протестантство. Когда говорят об Ильине, как о православном мыслителе, то стараются не замечать его странных заявлений о том, что не так уж важно вероисповедание и даже не важно христианин ли вы или нет (ст. «Чего мы ожидаем от наших пастырей»).

Невозможно найти другого такого поклонника пустой фразы, как И. Ильин. Сколько раз он повторит, что «мы должны идти своим путем» и «должны мыслить самостоятельно». Для чего говорятся эти банальности и навязчиво повторяются, нигде не конкретизируясь? В чем состоит эта самостоятельность и что это за свой путь, мы нигде не узнаем, сколько бы ни читали Ильина. Что значат слова: «Мы должны быть зоркими»... Ну, должны, и что?

Но есть одна сторона в деятельности Ильина, которую иначе как назвать гнусной просто невозможно. Его нынешние биографы, поклонники, тщательно избегают говорить об этих темах. Мы уже отмечали, что Ильин старательно обходит вопрос о подлинных виновниках падения монархии. Он избегает говорить о тех, кто, будучи подданным Самодержца, стал на путь предательства своего долга, как это сделал его родственник по жене — С. А. Муромцев. Весь непримиримый гнев его обрушивается в серии статей на... монархистов, на правых, на Союз Русского Народа и его членов, а значит на преп. Иоанна Кронштадского, и на свт. Тихона, будущего патриарха. И на тысячи убитых, затравленных русских людей, в период 1905-1917 г. Он их ненавидит. Мифологические мотивы и пустая риторика сразу кончаются, как только он говорит о монархистах, то есть о людях, которые в отличие от него самого, простые инженеры, рабочие, крестьяне, торговцы, солдаты, врачи,

писатели и прочие, и прочие не побоялись объявить о своей приверженности принципам русской Монархии. Совершенно игнорируя многочисленные факты, он самым наглым образом врет. То он упрекает монархистов за то, что те не сообщали Царю правды, не добиваясь свидания с Царем — а это наглая ложь¹³. Не говорю уже о том, что Николай II имел многочисленные сведения из разных источников о том, что происходит в стране, и особой нужды в личном свидании в этом смысле не имел. То он сообщает, что черносотенцы просто вытягивали из Царя деньги, а сами ничего не издавали, кроме журнальчика «Земщина».

А между тем никакого журнальчика, кстати, с таким названием не было, а была масштабная газета с этим названием. Но на самом деле большая часть правых газет издавалась на скудные гроши самих русских людей, отдававших все свои средства и силы делу защиты Родины и престола царского от еврейско-кадетского нашествия и бундовского террора. (Бунд — еврейская революционно-террористическая организация того времени). Выходило мало, около 240 газет и журналов, малым тиражом, но именно из-за того, что денег не было... у правительства на монархическую печать, а деньги из государственной казны уходили на революционное дело и в т. ч. левую печать. И много.

Он обвиняет монархистов в том, что они не создали в стране организованной силы, забывая, вероятно, о том, что ему самому же в 1906 году было уже 23 года и что все подданные Царя обязаны были быть монархистами, все, а не только члены монархических организаций. И что монархист, это не какая-то особая порода людей, обязанная защищать Престол, а что эта обязанность лежала на всей стране, причем на Самом Царе больше, чем на остальных в отдельности и вместе. И если не создали, то кто же мог ее создать — слесарь, паровозный машинист или врач земской больницы? А может какой-нибудь Сидоров из деревни Верхние Бугры Тьмутараканской губернии? И кто же должен был быть монархистом, как не любой русский подданный, включая самого Ильина. Ведь монархист — не должность в каком-нибудь специальном департаменте. Это просто человек, верный присяге своему Царю. И такую присягу давал и сам Ильин. Каким же образом он отделяет себя от монархистов в царской России. Об этом ни намека. Его дело давать советы, — например, «учиться грозной любви и широкой борьбе». В одном месте он, как Моисей на горе Синай, вещает, что еще в 1905 г. «все» понял, весь смысл и монархии, исторической судьбы России и смысл революции. Но в рядах защитников престола мы его не найдем. Там можно найти бесстрашного служащего железной дороги, В. Г. Орлова, создавшего в те годы монархическую организацию, выступавшего перед революционной толпой и умевшего ее

¹³ См. выше «Николай II и масонство».

переубедить. Не раз и не два шел В. Г. Орлов, монархист и черносотенец, под пули, имея пять детей и жену, а в марте семнадцатого оказался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. И таких людей Ильин ненавидел всю свою жизнь.

Но еще более любопытен и показателен ряд лиц, названных им, как героев монархического служения. Это Столыпин, Коковцев, Джунковский, Самарин, Пуришкевич — за убийство Распутина. (Ильин И. О грядущей России. Избранные статьи. Джорданвилл, 1991, с. 100). В другом месте к ним присоединяется архимасон, кадет В. А. Маклаков. Это список лиц, так или иначе причастных масонству, а некоторые из них и к прямому предательству, как генерал В. Ф. Джунковский. Столыпин был, как известно, сторонником конституционной монархии, чего и не скрывал. Масонству он покровительствовал и разрешал деятельность его на территории России. О его членстве в орденах писали немало в то время. Коковцев — друг еврейско-банкирских кругов Франции, близкий доверенный Великого Востока Франции, член масонского общества «Маяк» и, кстати, единственный царский министр, получивший от Временного правительства персональную повышенную пенсию, когда его коллеги-министры были арестованы и томились в тюремных камерах. Даже большевики не тронули графа Коковцева.

Ильин хвалит г. Пуришкевича исключительно за убийство Распутина... Пуришкевича, который предал монархическую идею, обрушивался с резкой критикой на Монарха в самые роковые месяцы для Империи и который был исключен из правой фракции Гос. Думы за свое заигрывание с «прогрессивным блоком»... Ильин восторгается В. А. Маклаковым, виднейший кадетом и масоном, имевшим, кстати, большой вес и в эмиграции. Для Ильина Маклаков идеал монархиста. О масонстве Маклакова писали все газеты с 1906 г.¹⁴ Он был членом ЦК кадет, как и С.А. Муромцев.

В рижской еврейской русскоязычной газете «Слово» за март 1926 г., была напечатана статья Ильина «Черносотенство — проклятие и гибель России». Уже одно это название открывает смысл акции ГПУ в отношении г. Ильина. На века вперед такое явление русского политического сознания, как черносотенство, сделалось ненавистным всей торжествующей еврейской по духу демократии.

Заметим, не кадеты, не масоны и не евреи, согласно Ильину, «гибель России», не реальные творцы революции, а те, кто в условиях царской, то есть исторической России остался верным своему монархическому долгу! Долг ведь лежал в силу присяги на каждом подданном Русского Царя. Обвиняются же те, кто остался верным своему долгу. Они плохо защищали престол. От кого? Как

¹⁴ Известна фотография с его масонского диплома, выданного Великим Востоком Франции, за 1906 г. (см. «Российский Архив». 1994 г., т. V, с. 428)

раз на этот вопрос Ильин никогда не любил отвечать конкретно. Этой статьей Ильин открывает клеветническую кампанию против русских монархистов, черносотенцев, правых. Не надо забывать, что правые — это миллионы русских крестьян, рабочих, мелких служащих и прочих, создавших на свои трудовые гроши в тяжелейших условиях еврейского террора и клеветы, преследования со стороны администрации свои организации во всех губернских и многочисленных уездных городах, а также в тысячах сел и деревень. Особенно много сельских отделов было открыто в Юго-Западной и Западной России, особенно на полтавщине, черниговщине, на Волыни усилиями Почаевской Лавры и пр. и пр. Не следует также забывать, что уже к апрелю 1907 года террористами было убито 57 председателей отделов Союза Русского Народа.

И если Ильину монархисты не нравились, как и тем, кто давал ему кусок хлеба, то праведный Иоанн Кронштадский в ноябре 1906 г. самолично не только освятил знамя Союза Русского Народа, но и сказал знаменательные слова при этом: «Я за честь считаю для себя освятить это знамя».

Вот, собственно, что стоит за всей звонкой фразой Ильина. Говоря о будущей России, он все время повторяет слова о необходимости создания «русской идеи». Ее создавать когда-то приглашал еще Вл. Соловьев. Потом целая плеяда других философствующих умов взялась за эту задачу: как создать нечто, способное заменить Православие. Теперь Ильин. Но его вкусы явно лежат в области либеральной. Как и Вл. Соловьева и всего круга нашей полуеврейской интеллигенции. Потому он и ищет «русскую идею», что православие, давно обретенное, его не устраивает. Иначе, чего же искать? Ильин постоянно повторяет: «мы должны найти свой путь». То есть этот путь еще не найден для Ильина. И как только Ильин начинает называть какие-то конкретные имена и факты, так и его симпатии сразу становятся ясными и расшифровывают нам его политические симпатии. Ему нравится, например, «монархически-лояльная русская интеллигенция, окружавшая Александра II Освободителя и осуществившая его реформы»¹⁵ (там же, 92), т. е. Ильин западник и либерал. Он говорит о монархе, но нигде о Самодержце!..

Серьезный человек, он объясняет исторические события, в том числе и ближайшие ко временам Александра II самым школярским образом, как наши современные недоросли на митингах. Или в пропагандистских листовках. Но ведь они не учились, в отличие от Ильина, в Геттингене или Сорбонне.

Творения моралиста Ильина, бесплодные и бедные мыслью, но богатые клеветой на монархистов, примитивные, и в то же время лукавые, с многочисленными умолчаниями и либеральными симпатиями, долго лежали

¹⁵ См. выше сюжет с запиской Игнатъева и мнение Тютчева об этом окружении (гл. «Позднее масонство»).

никому не нужные, на дальних полках, в связках пожелтевших листов-газеток, пока вдруг не понадобилось занять нишу «правой идеологии». И вот беспомощный бормотун в одну секунду импортирован с запада на святую Русь и минуя порядок воинской службы в рядах культуры, сразу произведен в карлы Марксы по департаменту «патриотизма». Благо, что оба, Маркс и Ильин, были гегельянцами и «полунемцами». Так, посланный органами ГПУ на Запад в ряды русской эмиграции, сегодня И. А. Ильин возвращается в качестве гения, кумира. Он никогда не будет читаемым, и за это можно быть спокойным, потому что читать у него нечего, но всегда будет почитаемым — источником цитат и ссылок.

Там, где исторически было место для настоящих монархистов, настоящих русских замечательных людей, там сегодня стоит пустая фигура с пустыми глазницами и ее называют «правым идеологом», «замечательным и великим русским мыслителем Иваном Ильиным». Ильин на самом деле молчит. Ему нечего было сказать, ни при жизни, ни после смерти, кроме риторических красот и восхваления деятелей масонства, вроде уже приведенных выше. Нам говорят, что Ильин Гегелем обосновал «религиозный опыт». Но какой «опыт» можно обосновать «алгеброй революции»? Ему нечего было сказать с точки зрения и чисто творческой. И сегодня из него делают кумира. Имена и сочинения Каткова, Меньшикова, Пасхалова, Шарапова, Гилярова-Платонова, Булатовича, Булацеля, архиепископа Никона Рождественского и сотен других остаются под спудом. Не все они были в равной степени монархистами, но все они были людьми прямыми, искренними, и талантливыми. Верность долгу они запечатали своей кровью, своей мученической кончиной. Вместо них нам дают грызть сухую кость гегельянца, полунемца или полуюеоря, и уж во всяком случае — масона по симпатиям и клеветника.

Вот для чего и как создаются кумиры с помощью ГПУ. Как же мало надо иметь изобретательности, чтобы опять нас дурачить каким-то залежалым товаром. Снова за границей изобрели для нас очередного «Маркса» и снова гегельянца! И мы снова рады — «великий русский мыслитель Ильин сказал...» Все, что верно сказал Ильин — было сказано тысячекратно до него. Он только повторял. И если мы теперь хотим понять, в чем смысл огромного подлога в деле формирования национального самосознания, то мы должны будем вспомнить и «феномен Солженицына», и господина И. Ильина из крохотной газетенки «Наши задачи», давно пылящегося на архивных полках спецхрана, и вдруг вывалившегося в виде монумента-классика.

Данный пример, как никакой другой, показывает, как выпекаются авторитеты не наши, но для нас сотворенные за границей, но не без помощи каких-нибудь очередных ГПУ. Напомню смысл это аббревиатуры: главное политическое управление. Не более того. Никто не усомнится в мысли, что без таких управлений нельзя править и демократическими странами. Значит,

кумиры будут и дальше выпекаться для нашего удовольствия. Кто же следующий? Но нельзя не видеть очевидного: вместо хлеба нам дают камень.